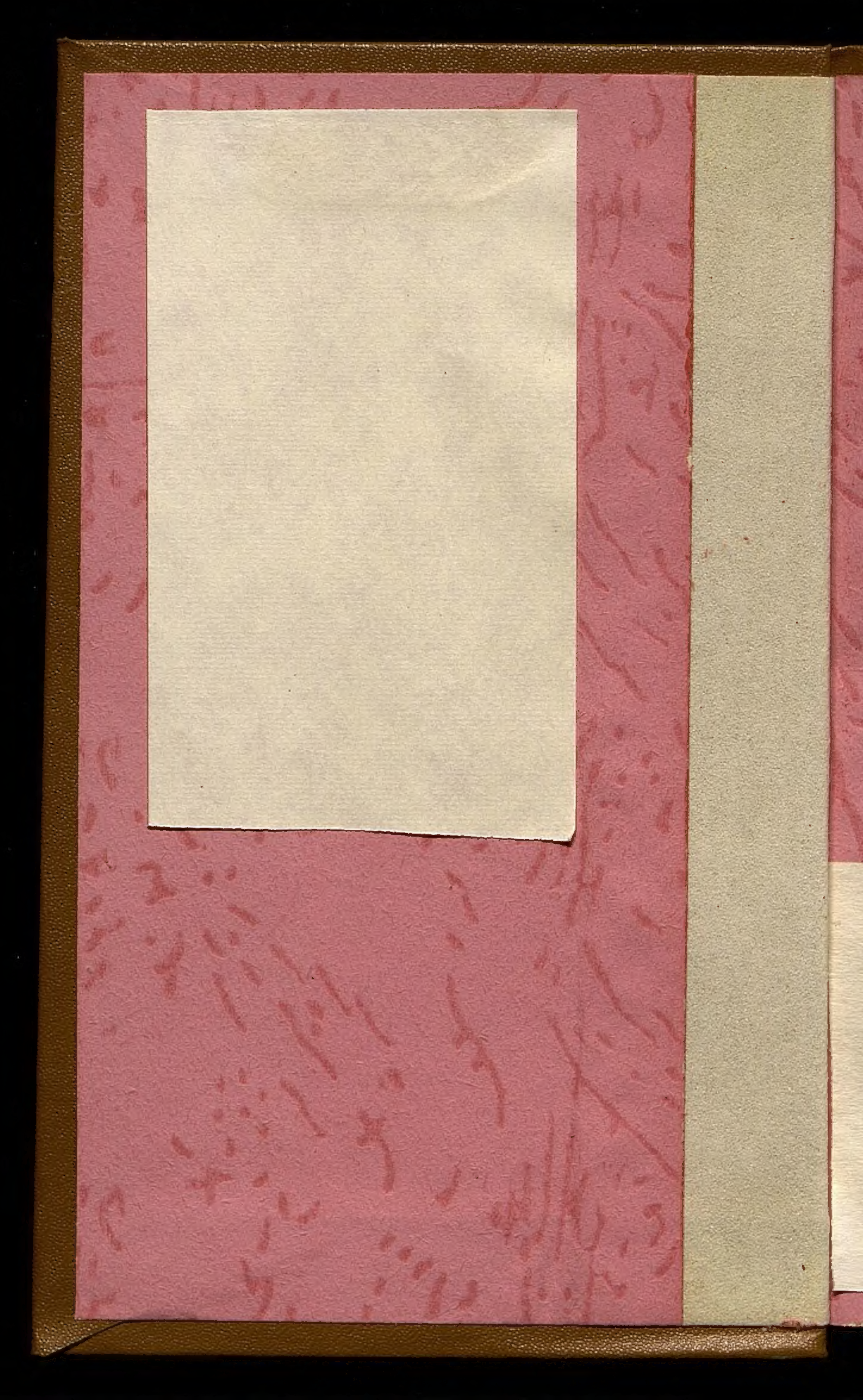
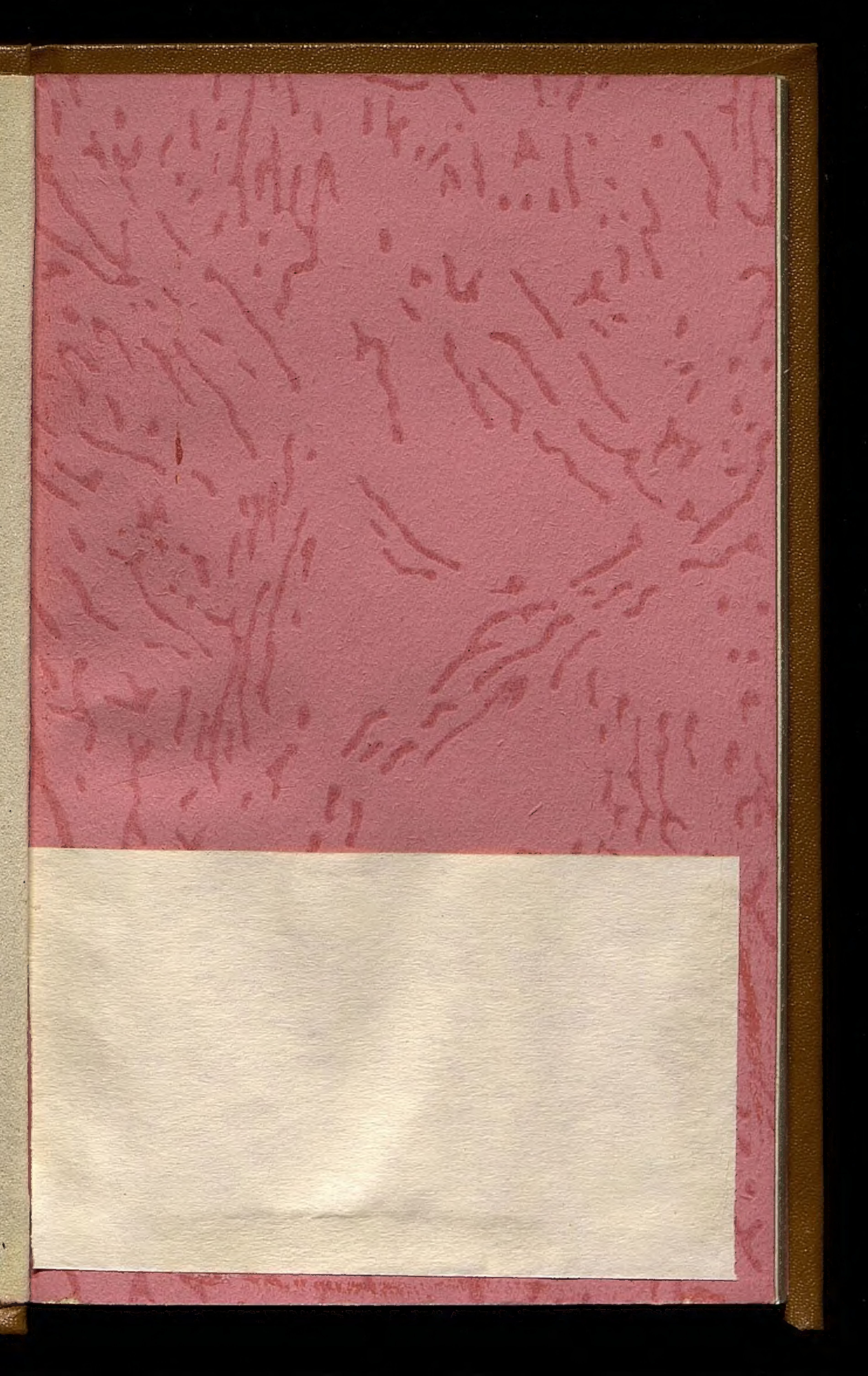
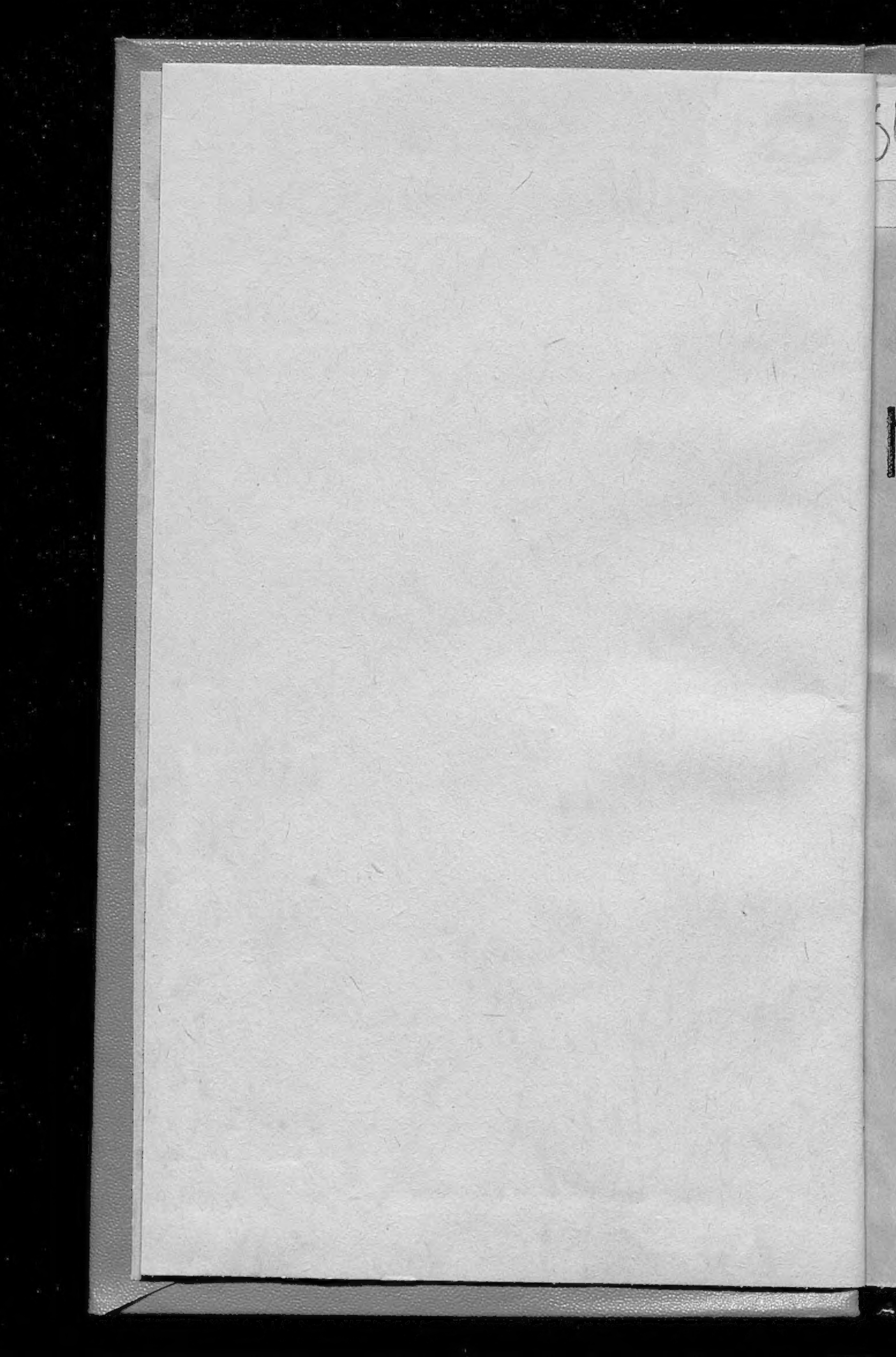

...іотека Всходовъ". № 3.

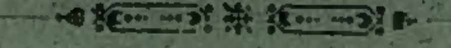
А. Анненская.

Н. В. ГОГОЛЬ.

Его жизнь и произведенія.

ИЗДАНІЕ 2-ое, ДОПОЛНЕННОЕ.

Съ рисунками въ текстѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Безплатное приложеніе къ № 3 журнала
„ВСХОДЫ" за 1909 г.

(см. объяв. на 3 стр.)

„Библіотека Всходовъ“

А. Анненская.

Н. В. ГОГОЛЬ.

Его жизнь и произведенія.

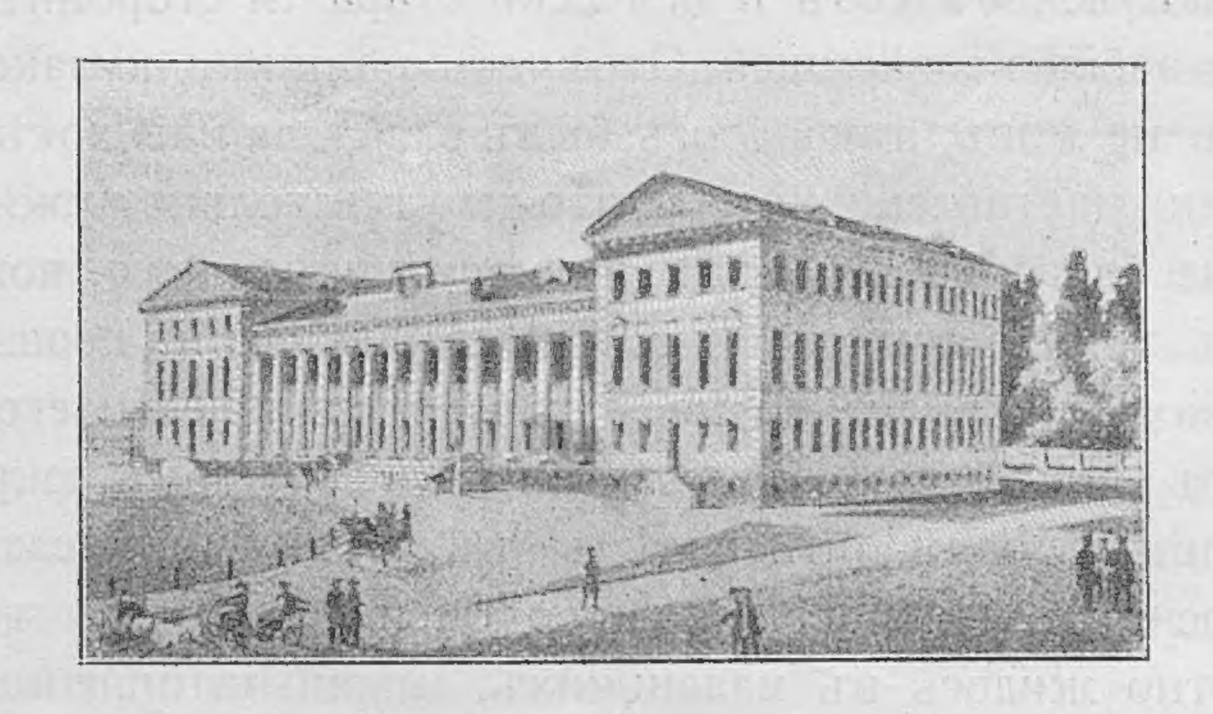
Съ 28 рисунками въ текстѣ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1909.

Тип. Т-ва „Екатеринг. Печатное Дѣло“, Екатерингофскій пр. 10.

ГЛАВА I.

Новичокъ въ лицѣ князя Безбородко. — Тоска по родномъ домѣ.—Спиридонъ Разстрига.-Таинственный Карпо.—Время провожденіе въ классѣ.—Озадаченный директоръ.—На каникулахъ въ Васильевкѣ.

Въ одинъ зимній день 1821 г. въ „Нѣжинскую гимназію высшихъ наукъ“, или „Лицей князя Безбородко“, привезли изъ деревни, изъ Миргородскаго уѣзда, новичка, закутаннаго, завернутаго теплыми платками и шалями. Когда всѣ эти платки и шали были съ него сняты, онъ оказался худенькимъ, болѣзненнымъ мальчикомъ лѣтъ 12, съ прозрачно блѣднымъ лицомъ и ушами, заткнутыми ватой, такъ какъ вслѣдствіе болѣзни изъ нихъ часто показывалась течь. Это былъ Николай Гоголь-Яновскій, будущій великій писатель. Гимназисты, по обыкновенію всѣхъ школьниковъ, встрѣтили новичка насмѣшками, пин-

ками и разными продѣлками. Робкій, застѣнчивы
мальчикъ, порядкомъ-таки избалованный и матерь
и всею привольною домашнею обстановкой, задичил
замкнулся въ себѣ и всячески старался сторонить
отъ забіякъ товарищей. Отвѣчать на пинки кулаком
онъ не могъ, такъ какъ былъ слабъ да и не хотѣл
помня наставленія матери, что дерутся только мужик
а не благородныя дѣти; на насмѣшки у него, пож
луй, тоже нашлось бы острое словцо, да на первы
порахъ онъ какъ-то не рѣшался произнести его.
вотъ, пока мальчики рѣзвились въ большомъ рекре
ціонномъ залѣ, онъ сидѣлъ въ уголку и мыслен
переносился въ свою родную Васильевку, гдѣ та
уютно жилось въ маленькихъ, жарко натопленны
комнаткахъ. Что-то дѣлается тамъ теперь? Пять
часъ! Папенька выспался послѣ обѣда, маменьк
сидитъ въ угловой гостиной и сестры съ ней;
пенька шутитъ, разсказываетъ что-нибудь смѣшн
маменька угощаетъ его вареньемъ или засахаре
ными абрикосами (ахъ, какіе они у нея нынче выш
славные, эти абрикосы!); сестрамъ тоже даетъ; М
шенька ѣстъ чисто, аккуратно, а Оля вся замазала
и няня Ганя ворчитъ на нее. Вспомнятъ ли они о б
номъ Никошѣ?

Непрошенная слеза навертывается на глаза ма
чика, но онъ быстро стираетъ ее и старается прин
какъ можно болѣе равнодушный видъ. Не стане
же онъ плакать передъ всѣми этими мальчишка
Тогда они совсѣмъ засмѣютъ его!

Но зато вечеромъ въ дортуарѣ, когда другіе ма
чики заснутъ, „Никоша" даетъ полную волю свои
чувствамъ. Сначала онъ вздыхаетъ и тихонько

четъ, потомъ не можетъ болѣе совладать съ собой и рыдаетъ, уткнувшись лицомъ въ подушку. Въ это время чья-то грубая, но ласковая рука касается головы его.

— Панычокъ! панычокъ! да полно же! Послушай, что я тебѣ скажу!... шепчетъ ему знакомый голосъ. Это его дядька Симонъ. Въ то время Безбородкинскій лицей еще только устраивался, трудно было находить при существованіи крѣпостного права хорошую наемную прислугу, и потому директоръ позволялъ младшимъ ученикамъ пріѣзжать съ дядьками, которые, ухаживая за своими барчатами, должны были въ то же время исполнять обязанности служителей при гимназіи.

Съ Никошей Гоголь-Яновскіе отправили своего крѣпостного повара, вѣрнаго, преданнаго слугу который былъ сердечно привязанъ къ маленькому панычу.

— Послушай, что я тебѣ скажу! и Симонъ, зная, чѣмъ можно скорѣй всего успокоить мальчика, начиналъ разсказывать ему о чемъ-нибудь случившемся въ Васильевкѣ или сосѣднихъ деревняхъ. Рыданія прекращались. Мальчикъ прислушивался къ разсказу.

— А помнишь, Симонъ?.. и онъ съ своей стороны припоминалъ какую-нибудь сцену изъ домашней жизни. И такъ далеко за полночь шептались они, передавая другъ другу свои воспоминанія; а кругомъ нихъ все спало въ большой комнатѣ, еле освѣщенной ночникомъ.

— Ну, буде! объявлялъ наконецъ Симонъ, видя, что его барчонокъ совсѣмъ повеселѣлъ. — Спите себѣ, панычокъ, а я посижу около васъ.

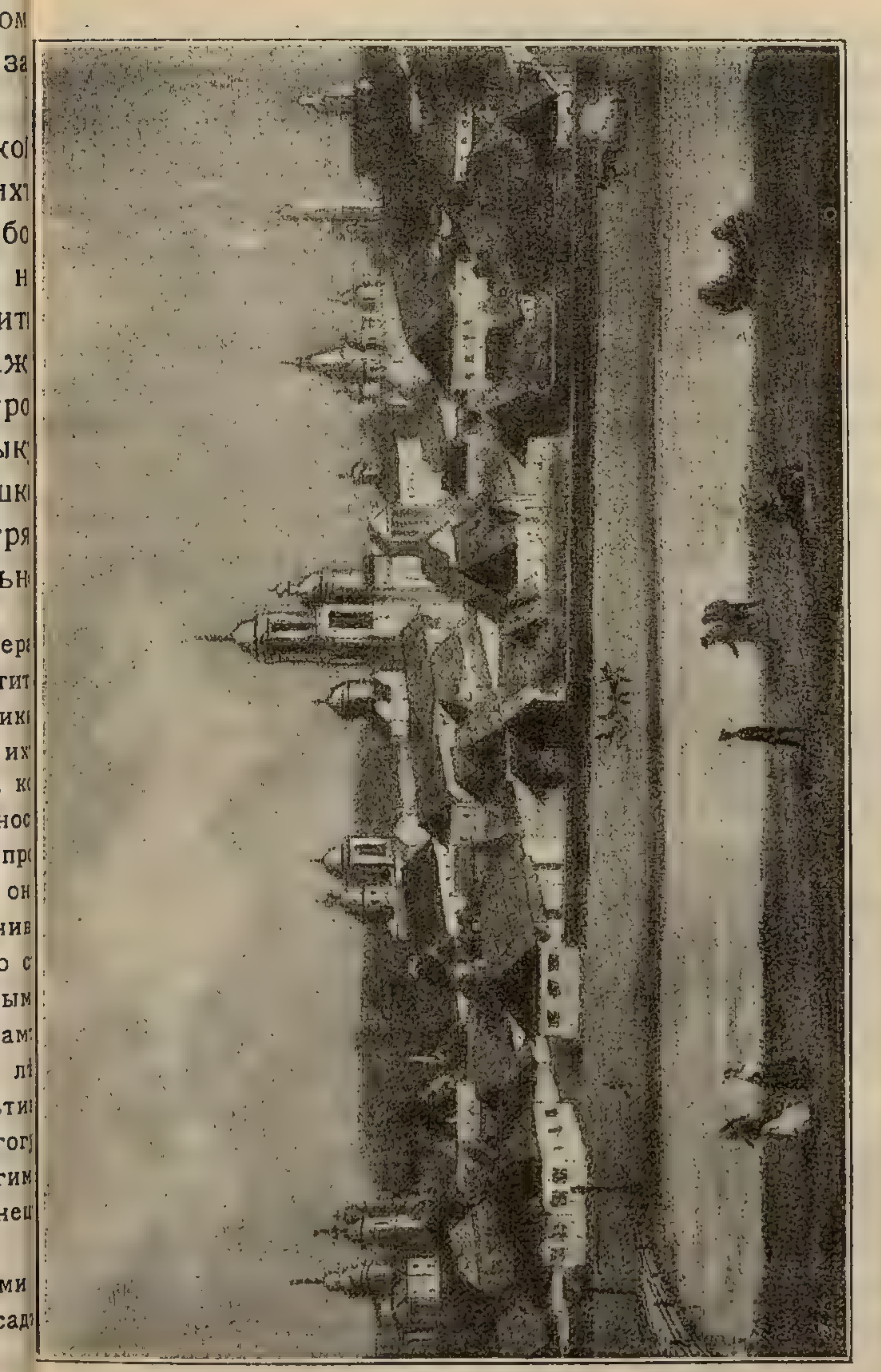
Онъ тщательно укрывалъ одѣяломъ своего питомца и не отходилъ отъ его постели, пока тотъ не засыпалъ тихимъ, мирнымъ сномъ.

Мало-по-малу Гоголь привыкъ къ гимназическо[й] жизни и освоился съ товарищами. Ни въ каких[ъ] шумныхъ шалостяхъ, ни въ какихъ играхъ, требовавшихъ физическихъ силъ и напряженій, онъ н[е] принималъ участія; но онъ непрочь былъ подстроит[ь] какую-нибудь штуку не только товарищу, но даж[е] учителю, одурачить какого-нибудь легковѣрнаго простачка, запустить гусара въ носъ спящему *); язык[у] своему онъ сталъ давать больше воли, за насмѣшк[и] отплачивалъ такими острыми словечками, что острякамъ приходилось прикусывать язычки, и удивительн[о]

---

*) Вотъ какъ впослѣдствіи Гоголь описывалъ эту операцію: («Мертвыя Души», т. I, гл. IX) «Дамы умѣли напустит[ь] такого тумана въ глаза всѣмъ, что всѣ, а особенно чиновник[и] нѣсколько времени оставались ошеломленными. Положеніе их[ъ] въ первую минуту было похоже на положеніе школьника, которому сонному товарищи, вставшіе поранѣе, засунули въ нос[ъ] гусара, т. е. бумажку, наполненную табакомъ. Потянувши впросонкахъ весь табакъ къ себѣ со всѣмъ усердіемъ спящаго, он[ъ] пробуждается, вскакиваетъ, глядитъ какъ дуракъ, выпучив[ъ] глаза во всѣ стороны, и не можетъ понять, гдѣ онъ, что с[ъ] нимъ было, и потомъ уже различаетъ озаренныя косвенным[ъ] лучомъ солнца стѣны, смѣхъ товарищей, скрывшихся по углам[ъ] и глядящее въ окна наступившее утро, съ проснувшимся лѣсомъ, звучащимъ тысячами птичьихъ голосовъ, и съ освѣти[в]шеюся рѣчкою, тамъ и сямъ пропадающею блещущими загог[у]линами между тонкихъ тростниковъ, всю усыпанную нагим[и] ребятишками, зазывающими на купанье,— и потомъ уже наконе[цъ] чувствуетъ, что въ носу его сидитъ гусаръ».

Такъ и видно, что это описаніе навѣяно воспоминаніями [о] Безбородкинскомъ лицеѣ, окна котораго выходили въ густой сад[ъ], окаймленный извилистой рѣчкой.

Старый Нѣжинъ.

искусно умѣлъ награждать товарищей разными смѣ ными прозвищами.

Одинъ изъ старшихъ лицеистовъ часто пр слѣдовалъ его всякими нелестными замѣчані Гоголю это не понравилось. Онъ пристально п смотрѣлъ на обидчика и проговорилъ сквозь зуб

— У, Спиридонъ Разстрига!

Кругомъ разсмѣялись. Лицеистъ былъ остриже подъ гребенку, и всѣмъ показалось, что прозви очень идетъ къ нему. Смѣхъ товарищей обидѣлъ е

— Не понимаю, сердито замѣтилъ онъ,—какъ можете смѣяться надъ всякою глупостью Яновска Ну какой смыслъ называть меня такъ? Какой я Разстрига? Я сынъ полковника и стригусь корот потому, что и мой папа такъ стрижется, и вооб это мнѣ нравится. И зовутъ меня вовсе не Спиридон а Өедоръ.

— А все-таки Спиридонъ Разстрига! соверше но серіозно повторилъ Гоголь.

— Дуракъ! одно, что нашелся отвѣтить сы полковника, и прозвище Спиридона Разстриги та и осталось за нимъ.

— Знаете, господа! объявилъ одинъ разъ Г голь: - сегодня вѣдь день св. Спиридона Солнцев рота,—у насъ именинникъ, надо его поздравить!

Шумная ватага окружила мнимаго именинни привѣтствуя его и требуя съ него угощенія, та что онъ не зналъ, куда и дѣваться. А Гоголь-Ян вскій приготовилъ ему еще сюрпризъ. Цѣлый де онъ что-то мастерилъ, скрываясь и отъ товарищ и отъ надзирателей, а вечеромъ, когда воспитанни по обыкновенію вошли въ рекреаціонную залу, о

вдругъ увидѣли большой транспарантъ изъ промасленной бумаги, освѣщенный сзади свѣчными огарками очень искусно разрисованный. На немъ изображенъ былъ чортъ, стригущій дервиша, и написано слѣдующее стихотвореніе:

Се образъ жизни нечестивой
Пугалище дервишей всѣхъ,
Инокъ монастыря строптивой,
Разстрига, совершившій грѣхъ.
И за сіе-то преступленье
Досталъ онъ титулъ сей.
О, чтецъ! имѣй терпѣнье:
Начальныя слова въ устахъ запечатлѣй!

Начальныя буквы каждой строки были тщательно выведены красной краской, такъ что акростихъ самъ собой бросался въ глаза. Можно себѣ представить, какой взрывъ неудержимаго хохота вызвала эта выдумка среди мальчиковъ. Самъ „Спиридонъ", сначала было нахмурившійся, не устоялъ противъ общаго веселья и присоединился къ смѣху товарищей.

— Какой странный этотъ Яновскій, толковали про него товарищи:—выдумаетъ какую-нибудь штуку такую, что просто умираешь со смѣху; а самъ сидитъ себѣ тихоней, какъ ни въ чемъ не бывало, даже не улыбнется!

— Настоящій „таинственный Карло", замѣтилъ кто-то, и эта кличка представилась гимназистамъ настолько удачною, что они надолго оставили ее за Гоголемъ.

Лицей князя Безбородко соединялъ въ себѣ и среднее и высшее учебное заведеніе, въ виду чего въ немъ былъ девятилѣтній курсъ, и наукъ препо-

давалось очень много; но учителя были далеко н[е] перваго сорта, такъ что плохо умѣли заинтересо-вать учениковъ своими предметами. Чтобы заста-вить ихъ учиться, они ставили имъ въ журналѣ единицы и нули, оставляли ихъ безъ чаю, безъ слад-каго блюда или даже безъ обѣда, заставляли стоят[ь] и въ углу, и у доски, и на колѣняхъ; но все эт[о] мало помогало. Учились хорошо или отъ природ[ы] очень прилежные и способные мальчики, или такі[е] которые особенно интересовались какимъ-нибуд[ь] предметомъ. Большая же часть преизрядно лѣни-лась. Къ числу такихъ лѣнтяевъ принадлежалъ [и] Гоголь. Онъ былъ мальчикъ очень способный, ем[у] довольно было бы разъ-два внимательно прочест[ь] урокъ, чтобы знать его; но сплошь да рядомъ ем[у] неохота была даже открыть учебникъ географі[и] французской грамматики или нѣмецкихъ вокабул[ъ]. Единственный предметъ, которымъ онъ увлекался было рисованіе. Онъ не только внимательно слушал[ъ] всѣ длинныя, нерѣдко довольно сбивчивыя объяснені[я] учителя рисованія и самымъ тщательнымъ образом[ъ] отдѣлывалъ всѣ задаваемые имъ рисунки, но и в[ъ] свободное время и на урокахъ другихъ учителе[й] упражнялся въ изображеніи на бумагѣ разныхъ пред-метовъ. Рисовать то, что стояло передъ глазами стол[ъ], чернильницу, классную доску, было, конечн[о] скучно; отъ неодушевленныхъ предметовъ онъ скор[о] перешелъ къ людямъ, и всѣ тетради его стали укра-шаться каррикатурными изображеніями учителей [и] товарищей. Кромѣ того, у него очень рано явилос[ь] стремленіе сочинять и сочинять непремѣнно стих[и]. Обыкновенно онъ никому не показывалъ своих[ъ]

Мать Гоголя Анна Ивановна въ концѣ 20-хъ годовъ.

произведеній и самъ безжалостно истреблялъ ихъ Но одно стихотвореніе, балладу „Двѣ рыбки" онъ прочелъ товарищамъ, и они нашли ее очень трога тельной. Въ этой балладѣ онъ изобразилъ себя своего младшаго брата Ваню, который умеръ год за полтора до его поступленія въ лицей и кото раго онъ очень любилъ. Понятно, что усердно занятый своимъ дѣломъ во время уроковъ, онъ вовсе н слушалъ объясненій учителя и, когда его вызывал къ доскѣ, не могъ отвѣтить ни на одинъ вопрос Въ журналѣ противъ его имени появлялась дурна отмѣтка, и учитель дѣлалъ ему выговоръ за лѣност а Никоша въ это время смотрѣлъ ему прямо в глаза и слѣдилъ внимательно за каждымъ ег движеніемъ. Учитель выходилъ изъ класса, а Гогол принимался расхаживать передъ партами, подража всѣмъ его ухваткамъ, и бранить учениковъ, съ не подражаемымъ искусствомъ передавая его голос мимику, его любимыя выраженія. Классъ покатывалс отъ смѣха, а Гоголь, продолжая строго выдерживат роль, спокойно садился на свое мѣсто и обводил товарищей гнѣвнымъ взглядомъ, или сердито за являлъ имъ, что идетъ жаловаться директору. В классъ входилъ новый учитель и замѣчалъ, что вс что-то очень шумятъ, одинъ Гоголь-Яновскій сидит смирно и спокойно на своемъ мѣстѣ.

Мальчиковъ забавляла эта способность Гоголя пер дразнивать другихъ, и они часто приставали къ нем

— Яновскій, представь нѣмца (учителя)! Яновск прочти стихи какъ Никольскій (учитель русска языка)! Яновскій, покажи, какъ Михеевъ (одинъ из служителей) нюхаетъ табакъ!

Но учителя и начальство гимназіи очень косо поглядывали на шалуна.

— Лѣнивый и притомъ дерзкій мальчишка; никакого у него нѣтъ уваженія къ старшимъ,—не будетъ изъ него проку! говорили они.

Защитникомъ Гоголя являлся обыкновенно ди-

Иванъ Семеновичъ Орлай.

ректоръ гимназіи, Иванъ Семеновичъ Орлай. Онъ былъ вообще очень добрый, мягкій человѣкъ, склонный смотрѣть сквозь пальцы на недостатки своихъ воспитанниковъ, да кромѣ того былъ еще сосѣдъ по имѣнію и знакомый Гоголь-Яновскихъ.

Гоголь успѣвалъ ловко пользоваться этою снисхо-дительностью директора. Случалось напримѣръ, что соскучившись сидѣть на какомъ-нибудь неинтерес-номъ урокѣ, онъ выходилъ изъ класса и прохажи-вался по коридору, обдумывая свое дѣло, не имѣв-шее ни малѣйшаго отношенія къ математикѣ или латинскому языку. Вдругъ навстрѣчу ему директоръ. Ходить по коридорамъ во время уроковъ было запре-щено подъ страхомъ строгихъ наказаній, и всякій другой поспѣшилъ бы поскорѣй спрятаться отъ ди-ректора. Гоголь не дѣлалъ ничего подобнаго: онъ шелъ прямо къ Орлаю и почтительно заявлялъ ему:

— Ваше превосходительство! я сейчасъ полу-чилъ отъ матушки письмо. Она поручила мнѣ засвидѣтельствовать вашему превосходительств усерднѣйшій поклонъ и донести, что по вашему имѣ-нію все идетъ хорошо!

Застигнутый врасплохъ директоръ не сразу мог сообразить, насколько несвоевременно исполнялос это порученіе, и обыкновенно полумеханически отвѣ-чалъ:

— Душевно благодарю; будете писать матушкѣ, н забудьте поклониться ей отъ меня и поблагодарит ее.

И мальчикъ спокойно, не торопясь возвращалс на свое мѣсто въ классѣ.

Хотя Гоголь совершенно освоился съ гимназіеі перестаіъ дичиться товарищей и вошелъ во вс интересы гимназической жизни, но онъ все-таки вся-кій годъ съ нетерпѣніемъ ждалъ каникулъ и поѣзд-ки домой, въ свою родную Васильевку. Обык-новенно онъ ѣздилъ туда не одинъ, а съ двум

товарищами, сосѣдями по имѣнію. За панычами присылали помѣстительный четырехмѣстный экипажъ, запряженный четверкой, иногда даже шестерикомъ сытыхъ лошадей, надежнаго крѣпостного кучера и лакея. Ѣхать приходилось около трехъ сутокъ, такъ какъ ѣхали не торопясь, „на долгихъ", т. е. все время на своихъ собственныхъ лошадяхъ, которымъ надобно было давать и отдыхать и кормиться. Но мальчики нисколько не тяготились этой долгой дорогой, напротивъ, вся поѣздка была для нихъ сплошнымъ праздникомъ. Въ экипажѣ всегда находилось нѣсколько корзинъ и мѣшечковъ съ разной домашней провизіей и лакомствами; во время долгихъ остановокъ можно было вдоволь набѣгаться и нашалиться, а подъ однозвучный звонъ колокольчика, при жаркихъ лучахъ іюньскаго солнца такъ сладко и дремалось и мечталось! Во всѣ стороны тянулись знакомыя, милыя сердцу картины: зеленыя степи съ высокою, въ ростъ человѣка травою необозримыя поля золотистой пшеницы, тамъ и сямъ рощицы или утонувшій въ зелени хуторокъ, и отовсюду, со всѣхъ сторонъ несется чудный степной ароматъ...

Но вотъ маленькій городокъ — Лохвицы или Миргородъ, и молодые путешественники съ любопытствомъ разглядываютъ его грязноватыя, сонныя улицы, его базарную площать. Гоголь особенно изощрялъ свою наблюдательность. Всякое зданіе, всякій прохожій—все возбуждало его любопытство, заставляло работать воображеніе.

„Уѣздный чиновникъ пройдетъ мимо, вспоминаетъ онъ въ „Мертвыхъ душахъ" (т. I, гл. II),—я уже

и задумывался, куда онъ идетъ: на вечеръ ли къ к
кому-нибудь своему брату или прямо къ себѣ домо
чтобы, посидѣвши съ полчаса на крыльцѣ, пок
не совсѣмъ еще сгустились сумерки, сѣсть за ранн
ужинъ съ матушкой и женой, съ сестрой жены
всей семьей; и о чемъ будетъ веденъ разговоръ
нихъ въ то время, когда дворовая дѣвка въ мониста
или мальчикъ въ толстой курткѣ принесетъ уже по
лѣ супа сальную свѣчу въ долговѣчномъ домашне
подсвѣчникѣ. Подъѣзжая къ деревнѣ какого-нибу
помѣщика, я любопытно смотрѣлъ на высокую, узк
деревянную колокольню или широкую, темную де
вянную старую церковь. Заманчиво мелькали мнѣ
дали, сквозь древесную зелень, красная крыша
бѣлыя трубы помѣщичьяго дома, и я ждалъ нете
пѣливо, пока раздадутся на обѣ стороны заступа
шіе его сады, и онъ покажется вамъ, со своею т
да, увы! вовсе не пошлою наружностью, и по не
старался я угадать: кто таковъ самъ помѣщик
толстъ ли онъ, и сыновья ли у него, или цѣлы
шестеро дочерей, съ звонкимъ дѣвическимъ смѣхом
играми и вѣчною красавицей меньшей сестрицей,
черноглазы ли онѣ, и весельчакъ ли онъ самъ, и
хмуренъ какъ сентябрь въ послѣднихъ числа
глядитъ въ календарь да говоритъ про скучн
для юности рожь и пшеницу".

Но вотъ и конецъ пути. Товарищи Данилевскій
Барановъ выскочили изъ коляски у воротъ своего
ма; Гоголь одинъ ѣдетъ послѣднія шесть верс
Какъ бьется его сердце, какъ торопитъ онъ куче
какъ нетерпѣливо заглядываетъ впередъ, не в
нѣется ли зеленый куполъ Васильевской церкви! А,
конецъ-то! Вонъ на холмѣ бѣлая церковь, вотъ
рый, тѣнистый садъ и со всѣхъ сторонъ окружен
имъ невысокій домикъ съ затѣйливыми зубца
вдоль крыши, съ боковыми башенками и остро

ечными окнами по угламъ! На крыльцѣ, защищая лаза отъ солнца, стоитъ высокій, худощавый мужина: это Василій Аѳанасьевичъ, отецъ Никоши.

Онъ что-то кричитъ въ домъ, и изъ комнатъ выѣгаетъ запыхавшись молодая, красивая женщина, жена его, Марья Ивановна. Еще минута—и Никоша ъ объятіяхъ отца и матери! Какое счастье очутиться въ родномъ домѣ! Ни скучныхъ уроковъ, ни доучныхъ стѣсненій свободы, цѣлый день дѣлай, что очешь, гуляй, читай, просто лежи подъ тѣнью вѣкоыхъ деревьевъ да мечтай, глядя въ бездонное синее ебо! Никто не назоветъ лѣнивымъ, неспособнымъ, апротивъ, младшія сестренки съ благоговѣніемъ мотрятъ на братца лицеиста; отецъ, всегда веселый, строумный разсказчикъ, разговариваетъ съ нимъ очно съ большимъ; мать считаетъ его чуть не геніемъ искренно восхищается его рисунками, его стишками; ся прислуга почтительно относится къ ученому анычку. А сколько ягодъ, фруктовъ, какія вкусныя ушанья готовятся къ обѣду и ужину!

ГЛАВА II.

ицейскій садъ. — Театральныя представленія. — Аккуратный ибліотекарь. — «Звѣзда» и первые литературные опыты. мерть отца.—Послѣдніе годы въ лицеѣ.—Мечты и планы.

Благодаря добродушному, снисходительному отноенію директора лицея къ своимъ воспитанникамъ, прочіе надзиратели не строго смотрѣли за ними. ъ часы, не назначенные для классныхъ занятій, они ользовались почти полной свободой. Весной и осенью

они проводили эти часы въ большомъ, тѣнистомъ са окружавшемъ лицей. Младшіе устраивали тамъ шу ныя игры, бѣгали, рѣзвились; старшіе усаживали въ кружокъ гдѣ-нибудь на лужайкѣ и читали вслу или затѣвали какіе-нибудь серіозные разговоры, рячіе споры; въ тѣнистыхъ аллеяхъ пріятно бы прохаживаться вдвоемъ съ другомъ и повѣрять е свои чувства, свои мечты. Любители уединенія вы рали себѣ укромные уголки въ чащѣ, или карабкал на дерево, усаживались на толстомъ суку и пря лись въ густыхъ вѣтвяхъ. Къ такимъ отшельника принадлежалъ и Гоголь. До сихъ поръ жива та ли на которой онъ устраивалъ свой кабинетъ. О залѣзалъ на нее съ книгой или съ карандашомъ листомъ бумаги. На этомъ листѣ появлялся ино рисунокъ, иногда какое-нибудь стихотвореніе разсужденіе въ прозѣ.

Въ среднихъ классахъ гимназіи воспитанники довольствовались прежними дѣтскими играми, захотѣлось другихъ развлеченій.

Гоголь предложилъ какъ-то устроить домаш спектакль, и эта мысль многимъ понравилась, х сразу показалась неудобоисполнимою. Чтобы убѣд товарищей, Гоголь подробно разсказалъ имъ, ка устраивались и какъ давались спектакли въ до его дальняго родственника, генерала Трощинска у котораго онъ иногда бывалъ съ отцомъ по больши праздникамъ. Дмитрій Прокофьевичъ Трощинс бывшій министръ юстиціи и очень богатый человѣ жилъ въ своемъ имѣніи Кибиницахъ, въ 13 в стахъ отъ Васильевки, настоящимъ царькомъ. У го былъ цѣлый штатъ прислуги, свой домашній

кестръ, труппа актеровъ изъ крѣпостныхъ людей, свои придворные шуты.

Всѣ дворяне и чиновники губерніи считали своимъ долгомъ пріѣзжать на поклоненіе къ нему. Получить приглашеніе въ его домъ почиталось за величайшую честь. Старый вельможа, знавшій столичную и придворную жизнь еще при Екатеринѣ Великой, скучалъ въ глуши Миргородскаго уѣзда, среди разныхъ бѣдныхъ родственниковъ и приживаловъ, наполнявшихъ его огромный домъ. Чтобы развлечь себя, онъ безпрестанно устраивалъ какія-нибудь праздниства: то великолѣпные обѣды, на которыхъ подавались кушанья, невиданныя до тѣхъ поръ въ Малоросcіи, то блестящіе фейерверки, то наконецъ театральныя представленія. Главнымъ режиссеромъ этихъ представленій былъ Василій Аѳанасьевичъ Гоголь-Яновскій. Онъ былъ страстный театралъ, переводилъ съ французскаго водевили и маленькія комедійки и самъ написалъ двѣ небольшія пьесы изъ народной малоросійской жизни. Съ увлеченіемъ занимался онъ въ Кибиницахъ устройствомъ театра и обученіемъ доморощенныхъ актеровъ, съ увлеченіемъ разсказывалъ дома, въ Васильевкѣ, о своихъ трудахъ и успѣхахъ. Не мудрено, что Никоша, наслушавшись этихъ разсказовъ и увидѣвъ одинъ разъ спектакль во дворцѣ Трощинскаго, мечталъ устроить что-нибудь подобное.

На первый разъ гимназисты рѣшили разучить маленькую комедію, переведенную съ французскаго, и разыграть ее въ классѣ безъ всякой особенной обстановки: кулисы они замѣнили классными досками, играли въ своихъ сѣрыхъ курточкахъ, и толь-

ко для актеровъ, изображавшихъ женскія роли, до
тали какія-то юбки. Зрителями у нихъ были лиц
исты старшихъ классовъ да два, три учителя.

Попытка оказалась удачной. Мальчикамъ очен
понравилось „представлять“, а директоръ нашел
что это полезное развлеченіе развиваетъ память
дѣлаетъ юношей развязнѣе, ловчѣе въ обращені
Ему хотѣлось кромѣ того, чтобы эти спектак
послужили упражненіемъ въ иностранныхъ язы
кахъ, и онъ объявилъ, что разрѣшаетъ играть и даж
поможетъ устроить настоящую сцену съ однимъ усл
віемъ: на ней должны ставиться всякій разъ кромѣ ру
ской пьесы какая-нибудь французская или нѣмецка
Это было не особенно пріятно гимназистамъ, кот
рые были далеко не сильны въ языкахъ; но играт
на настоящей сценѣ, съ декораціями, съ занавѣсь
въ костюмахъ—было такъ соблазнительно, что он
согласились. Главнымъ декораторомъ явился Гогол
который весьма недурно рисовалъ и съ большим
усердіемъ принялся расписывать огромные куски п
лотна деревьями, домами, греческими храмами. Учи
тель русской словесности требовалъ, чтобы восп
танники ставили какія-нибудь русскія классическі
трагедіи, что-нибудь Сумарокова или Озерова. Отъ
Сумарокова они отказались, но декламировать сті
хи Озерова нравилось имъ, и они добросовѣстно ра
зучивали его „Эдипа въ Аѳинахъ“ и „Димитрія Дон
ского“.

Костюмы мальчики мастерили большею частью
сами, съ помощью дядекъ. Главнымъ актеромъ дл
всѣхъ трагическихъ ролей былъ Кукольникъ (вп
слѣдствіи прославившійся какъ авторъ нѣсколькихъ

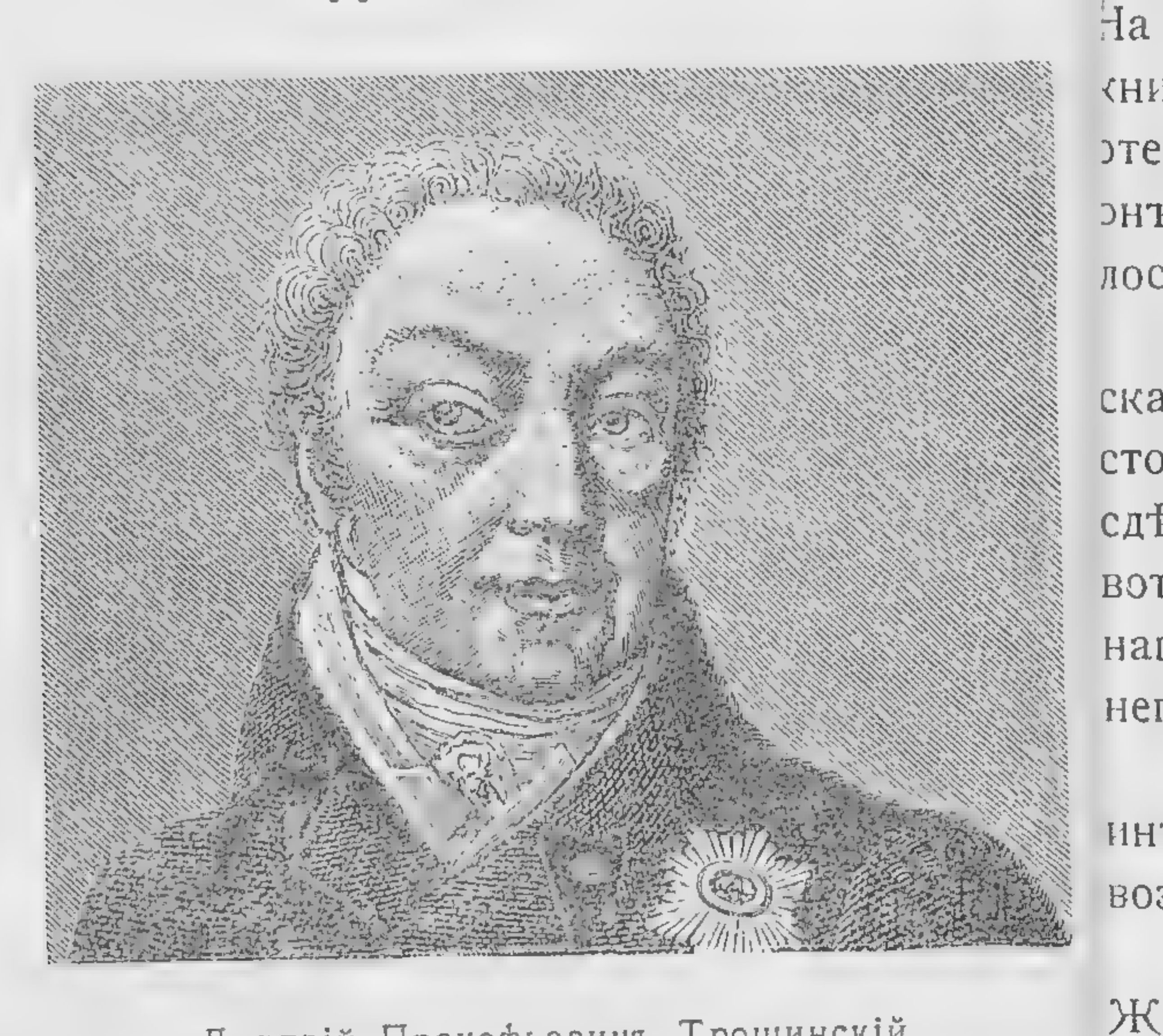
драмъ). У него была превосходная память и страсть къ стихамъ; онъ такъ выразительно, съ такимъ чувствомъ декламировалъ напыщенные стихи Озерова, что зрители приходили въ восторгъ. Хорошенькій, граціозный Данилевскій обыкновенно изображалъ нѣжныхъ, кроткихъ героинь; Гоголю доставались въ трагедіяхъ ничтожныя роли: хотя ему очень хотѣлось играть героевъ, но товарищи находили, что онъ и ростомъ и фигурой не похожъ на героя, да и читаетъ стихи недостаточно выразительно. Зато, когда отъ Озерова артисты перешли къ Фонвизину и поставили его „Недоросля", успѣхъ Гоголя былъ блестящій. Къ этому времени гимназисты такъ усовершенствовались, что директоръ позволилъ имъ приглашать на представленія своихъ родныхъ и знакомыхъ. Залъ былъ полный, когда Гоголь явился въ роли Простаковой, и съ первыхъ же словъ его раздался общій дружный смѣхъ, а по окончаніи пьесы его вызывали отдѣльно отъ прочихъ и награждали громкими рукоплесканіями.

Вмѣстѣ съ театральными представленіями у гимназистовъ развилась и страсть къ чтенію. При лицеѣ была библіотека, изъ которой свободно выдавали книги всѣмъ желающимъ. Книги въ эту библіотеку покупались по выбору учителей. Къ сожалѣнію, учитель русскаго языка, нѣкій Никольскій, не признавалъ русской литературы послѣ Державина и Хераскова. На своихъ урокахъ онъ со слезами умиленія декламировалъ оды Ломоносова, а когда кто-то показалъ ему стихотвореніе Пушкина, онъ даже плюнулъ отъ отвращенія.

— Если вы не хотите испортить свой вкусъ,

если вы не хотите разучиться писать правильно и
чувствовать возвышенно, вы не должны никогда чи-
тать такихъ виршей, поучалъ онъ своихъ слушат
лей: — это униженіе поэзіи, оскорбленіе священной
музы.

Вслѣдствіе такихъ воззрѣній, Никольскій допу-
скалъ въ библіотеку только произведенія старых
„классическихъ“ русскихъ писателей, а ихъ въ

Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій.

время было немного, да и не интересными казал
они молодежи. Учитель французскаго языка, нап
тивъ, очень живой, литературно образованный
ловѣкъ, усердно пополнялъ библіотеку разными
винками на своемъ языкѣ. Благодаря этому, мно
лицеисты стали свободно читать по-французски,

они и другіе, мало успѣвавшіе въ языкахъ, конечно гораздо охотнѣе брались бы за русскія книги. И вотъ нѣсколько лицеистовъ старшихъ классовъ, Высоцкій, Рѣдкинъ (впослѣдствіи профессоръ) составили совѣщаніе съ наиболѣе развитыми учениками среднихъ классовъ, какъ помочь бѣдѣ. Въ этомъ совѣщаніи принимали участіе и Гоголь и Кукольникъ. Гоголь особенно горячо отнесся къ дѣлу. На каникулахъ онъ имѣлъ возможность доставать книги изъ библіотеки Трощинскаго, но въ Нѣжинъ отецъ не позволялъ ему увозить ихъ, по-французски онъ читалъ не свободно, и ему всю зиму приходилось „голодать по книжкѣ", какъ онъ говорилъ.

Совѣщаніе сразу рѣшило, что просить Никольскаго о пополненіи русскаго отдѣла библіотеки не стоитъ,—на его вкусъ нельзя полагаться; надобно сдѣлать складчину и самимъ выписывать. Но что, вотъ вопросъ? Рѣдкинъ стоялъ за сочиненія серіознаго содержанія, но большинство было противъ него.

— Надобно что-нибудь такое, что было бы всѣмъ интересно, что всѣ читали бы съ удовольствіемъ, возражали ему.

— Давайте прежде всего выпишемъ сочиненія Жуковскаго, предложилъ Кукольникъ.

— И Пушкина, добавилъ Гоголь,—непремѣнно нужно Пушкина!

— Въ Петербургѣ выходятъ, говорятъ, интересные журналы, подалъ свой голосъ Высоцкій: — въ нихъ помѣщаются и повѣсти, и серіозныя статьи, и извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ. Подпишемся на одинъ-два такихъ журнала: у насъ тогда

будетъ чтеніе на всѣ вкусы, и мы узнаемъ, что выходитъ въ свѣтъ новенькаго.

— Отлично! превосходно! вотъ это самое лучшее, согласились всѣ.

— А все-таки нужно и Жуковскаго и, главное, Пушкина, напомнилъ Гоголь.

Такъ и порѣшили. Дѣло было передъ Рождествомъ, каждый получилъ на праздникъ нѣсколько лишнихъ рублей карманныхъ денегъ, и складчина скоро составилась. Оставалось выпросить разрѣшеніе директора. Иванъ Семеновичъ отнесся очень сочувственно къ этой затѣѣ молодежи.

— Покупайте книги, читайте! говорилъ онъ. — Я очень радъ, я даже дамъ вамъ, пожалуй, отдѣльный шкафикъ въ музеѣ (такъ называлась комната, въ которой воспитанники готовили уроки) для вашей библіотечки; боюсь только, что она не долго просуществуетъ. Съ книгами надобно обходиться бережно, аккуратно, а вы разберете ихъ по рукамъ, растреплете, и ничего отъ нихъ не останется.

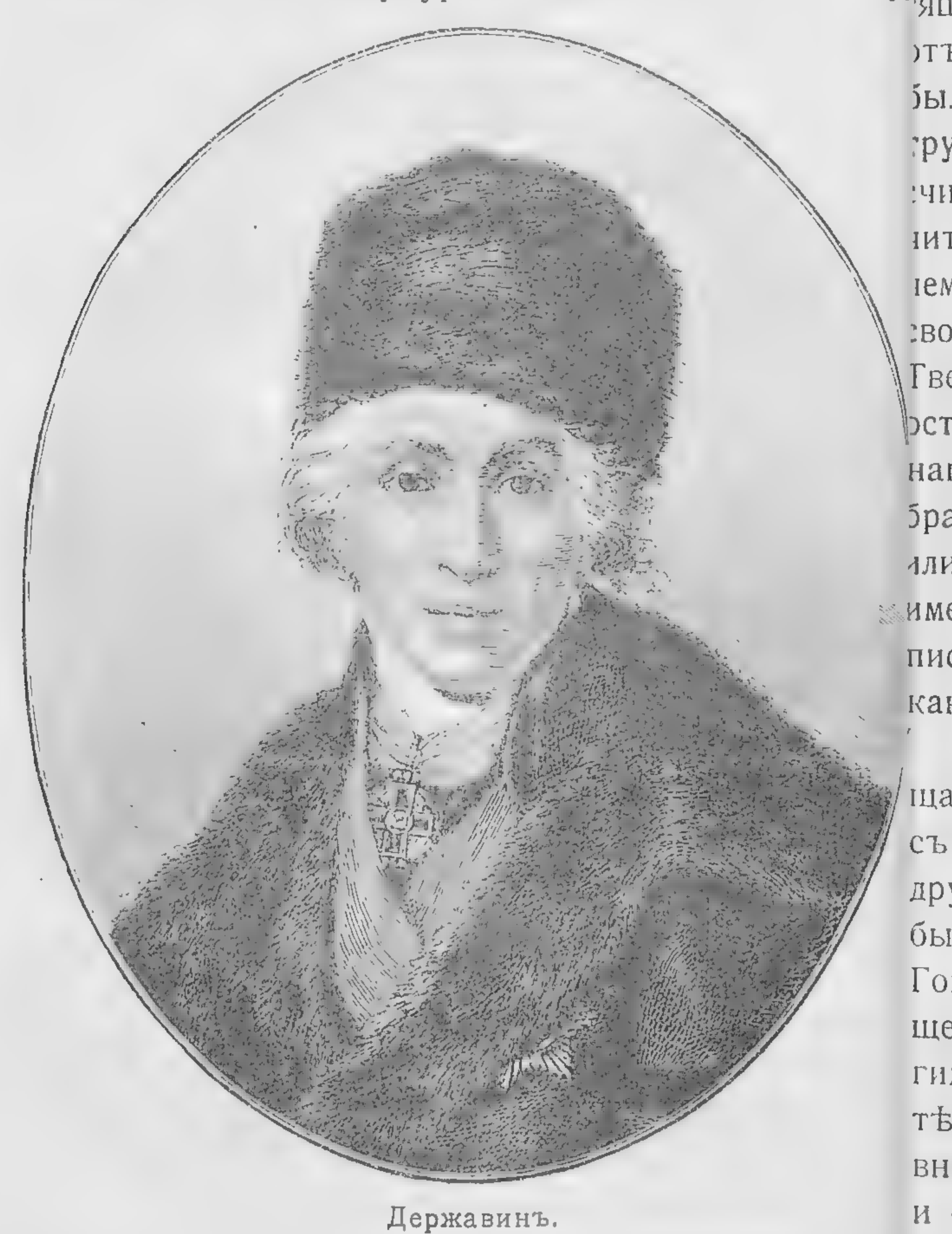
Собралось новое совѣщаніе. Съ замѣчаніемъ директора нельзя было не согласиться, необходимо было выбрать библіотекаря, который бы берегъ книги, убиралъ ихъ и слѣдилъ за аккуратнымъ возвращеніемъ ихъ. Старшіе члены совѣщанія отказались отъ этой обязанности, за недосугомъ, изъ младшихъ солиднѣе всѣхъ казался Гоголь-Яновскій, ему поручили беречь библіотеку.

Никто не ожидалъ, съ какой серіозностью отнесется онъ къ званію библіотекаря. Вообще онъ далеко не отличался аккуратностью: въ штрафномъ журналѣ нерѣдко появлялись противъ его имени

отмѣтки: „за небрежное содержаніе тетрадей—безъ чаю“, „за потерю книги—безъ сладкаго блюда“; а если бы Симонъ не заботился о его платьѣ и бѣльѣ, наказанія за „небрежность въ одеждѣ“, вѣроятно, безъ счету сыпались бы на него. Къ библіотекѣ онъ отнесся совершенно иначе: каждая книга была въ глазахъ его чѣмъ-то священнымъ, и онъ обращался съ ней крайне бережно. Всѣ книги онъ самъ аккуратно разрѣзалъ и, пока онѣ были новыя, никому не позволялъ выносить ихъ изъ „музея“. Всякій, желавшій читать, долженъ былъ садиться у стола, на опредѣленное мѣсто и, кончивъ чтеніе, немедленно возвращать книгу библіотекарю. Мало того: онъ осматривалъ руки читателей, и такъ какъ руки эти рѣдко бывали вполнѣ чисты, то надѣвалъ имъ бумажные колпачки на большой и указательный палецъ.

Чтеніе вызывало у лицеистовъ желаніе и самимъ писать. Многіе, какъ Гоголь, еще съ младшихъ классовъ упражнялись въ сочинительствѣ. Такъ, Кукольникъ славился по всей гимназіи какъ стихотворецъ, и даже самъ Никольскій одобрилъ его наиболѣе напыщенные стихи. Гоголь не любилъ показывать товарищамъ то, что писалъ. Послѣ своей баллады „Двѣ рыбки“ онъ сочинилъ цѣлую трагедію въ стихахъ „Разбойники“ и писалъ какой-то длинный историческій романъ съ убійствами и разными ужасами, но тщательно пряталъ отъ товарищей листки его. Другіе не были такъ скрытны, и въ „музеѣ“ нерѣдко устраивались литературныя чтенія, на которыхъ молодые авторы читали избранному кружку товарищей свои произведенія въ прозѣ и

стихахъ. Это навело лицеистовъ на мысль основат свой собственный журналъ, въ родѣ тѣхъ, как издавались въ Петербургѣ. Они озаглавили жур

Державинъ.

налъ „Звѣзда“, и, чтобы придать ему видъ книг Гоголь взялся разрисовывать обложку, стараясь по ражать „Вѣстнику Европы“ Карамзина. Ему же во

авторы отдавали свои произведенія, которыя сшивались вмѣстѣ и „выходили въ свѣтъ“ разъ въ мѣсяцъ. До тѣхъ поръ всѣ тщательно скрывали другъ отъ друга, что написали; только когда книжка была совсѣмъ готова, ее прочитывали вслухъ и сотрудникамъ и прочимъ товарищамъ. Гоголь всегда считался хорошимъ чтецомъ и потому чаще всѣхъ читалъ онъ. Въ „Звѣздѣ“ (просуществовавшей, впрочемъ, очень недолго) онъ помѣстилъ нѣсколько своихъ стихотвореній и большую повѣсть „Братья Твердиславичи“. И его произведенія и сочиненія остальныхъ гимназистовъ всегда писались самымъ напыщеннымъ слогомъ; въ нихъ обыкновенно изображались какія-нибудь неестественныя добродѣтели или неистовыя злодѣйства. Юноши считали, что это именно и есть настоящая литература, что нельзя же писать такъ просто, какъ говоришь, и описывать какіе-нибудь обыденные, „низменные“ предметы.

Разъ, впрочемъ, Гоголь уклонился отъ этого общаго правила. Изъ числа лицеистовъ былъ одинъ, съ которыхъ онъ разговаривалъ охотнѣе, чѣмъ съ другими, и повидимому близко сошелся. Высоцкій былъ на два года старше и на два класса выше Гоголя. Сблизило ихъ одно свойство характера, общее имъ обоимъ: способность подмѣчать въ другихъ разныя смѣшныя стороны, разные мелкіе оттѣнки фальши и пошлости, часто ускользающіе отъ вниманія окружающихъ. У Высоцкаго болѣли глаза, и ему часто приходилось проводить по нѣсколько дней въ лазаретѣ. Гоголь всякій разъ навѣщалъ его тамъ. Когда другихъ больныхъ не было, они пользовались уединеніемъ, чтобы разбирать, что назы-

вается, по косточкамъ и товарищей, и учителей,
все гимназическое начальство, и разныхъ своихъ зн
комыхъ. Высоцкій ходилъ въ городъ въ отпус
и, возвращаясь, сообщалъ своему пріятелю разн
городскія новости и происшествія. Какъ выводъ и
этихъ разсказовъ, Гоголь написалъ объемистую с
тиру на жителей Нѣжина подъ заглавіемъ: „Нѣч
о Нѣжинѣ, или дуракамъ законъ не писанъ“. Э
сатира раздѣлялась на пять главъ: 1) Освящен
церкви на греческомъ кладбищѣ; 2) Выборъ
городской магистратъ; 3) Всеѣдная ярмарка; 4) Обѣ
у предводителя дворянства; 5) Роспускъ и съѣз
лицеистовъ. Въ ней доставалось многимъ лицам
считавшимся въ городѣ почтенными; не забыты бы
и лицеисты, называвшіе себя въ старшихъ класса
студентами.

Время шло. Пришла пора и Гоголю перейти
эти старшіе студенческіе классы. Онъ только-ч
началъ готовиться къ экзаменамъ, какъ вдругъ пол
чилъ страшное извѣстіе: отецъ его скончался. Васи
Аѳанасьевичъ давно уже былъ боленъ, хотя ос
вался попрежнему веселымъ, ѣздилъ въ гости, х
дилъ лѣтомъ на работы; всѣ домашніе такъ прив
кли къ тому, что по временамъ онъ охаетъ и го
ритъ о близости смерти, что на это перестали да
обращать вниманіе. Смерть его какъ громовы
ударомъ поразила Марью Ивановну и дѣтей, особен
старшаго, Никошу. Скрытный, замкнутый въ се
мальчикъ не хотѣлъ выказывать своего горя пере
товарищами, но въ первыя минуты ему пришла да
мысль о самоубійствѣ. Конечно, это было мимолетн
побужденіе: окружающая жизнь невольно увлека

го своими интересами, приготовленія къ очень труднымъ экзаменамъ приковывали мысль его къ книгѣ, тамъ поѣздка въ Васильевку, необходимость утѣшать огорченную мать, играть роль единственнаго мужчины въ домѣ,—и первое острое горе притупилось, его замѣнила тихая грусть.

Въ то же время у мальчика явилось болѣе серьезности, онъ чаще прежняго сталъ задумываться о томъ, какъ устроить свою жизнь, чѣмъ заниматься по выходѣ изъ училища. Этимъ же вопросомъ былъ занятъ и его старшій пріятель, Высоцкій, который черезъ годъ уже кончалъ курсъ лицея. Расхаживая вдвоемъ по рекреаціонной залѣ или по тѣнистымъ аллеямъ лицейскаго сада, юноши толковали, или мечтали о томъ, какъ они поѣдутъ въ Петербургъ, поступятъ тамъ на службу и будутъ приносить пользу ближнимъ, а для себя пріобрѣтутъ общее уваженіе и извѣстность.

Вотъ что писалъ Гоголь объ этихъ мечтахъ своему дядѣ:

„Еще съ самыхъ временъ прошлыхъ, съ самыхъ лѣтъ почти непониманія я пламенѣлъ неугасимою ревностью сдѣлать жизнь свою нужною для блага государства и кипѣлъ желаніемъ принести хотя малѣйшую пользу. Тревожныя мысли, что я не буду мочь, что мнѣ преградятъ дорогу, что не дадутъ мнѣ возможность принесть ему малѣйшую пользу, бросали меня въ глубокое уныніе. Холодный потъ проскакивалъ на лицѣ моемъ при мысли, что, можетъ-быть, мнѣ доведется погибнуть въ пыли, не означивъ имени своего ни однимъ прекраснымъ дѣломъ: быть въ мірѣ и не означить своего существованія—это было для меня ужасно. Я перебиралъ въ умѣ всѣ состоянія, всѣ должности въ государствѣ и остано-

вился на одномъ—на юстиціи. Я видѣлъ, что здѣ работы будетъ болѣе всего, что здѣсь только могу быть благодѣяніемъ, здѣсь только буду истин полезенъ для человѣчества. Неправосудіе, величі шее въ свѣтѣ несчастіе, болѣе всего разрывало м сердце. Я поклялся ни одной минуты короткой жиз своей не утерять, не сдѣлавъ блага".

Послѣ отъѣзда Высоцкаго, Гоголь сильно заск чалъ въ Нѣжинѣ. Петербургъ представлялся е какимъ-то волшебнымъ краемъ, и онъ всею душ рвался туда.

„Ты уже на мѣстѣ, писалъ онъ товарищу,—у имѣешь сладкую увѣренность, что существованіе т не ничтожно, что тебя замѣтятъ, оцѣнятъ; а я? чѣмъ намъ такъ хочется скорѣе видѣть наше счаст зачѣмъ намъ дано нетерпѣніе? Мысль о немъ и дне и ночью мучитъ, тревожитъ мое сердце, душа хочетъ вырваться изъ тѣсной своей обители, в весь нетерпѣніе. Ты живешь уже въ Петербур уже веселишься жизнью, жадно торопишься им наслажденія; а мнѣ еще не ближе полутора года дѣть тебя, и эти полтора года длятся для м нескончаемымъ вѣкомъ"...

Высоцкій въ своихъ письмахъ старался нѣскол расхолодить молодого пріятеля и описывалъ ему трудности и непріятности, съ какими встрѣтился столицѣ.

На Гоголя это не производило впечатлѣнія.

„Ты ужаснулъ меня чудовищами разныхъ пре ствій, пишетъ онъ въ отвѣтъ, — но они безсиль пли, странное свойство человѣка! чѣмъ болѣе т ностей, чѣмъ болѣе преградъ, тѣмъ болѣе онъ титъ туда. Вмѣсто того, чтобы остановить меня, еще болѣе разожгли во мнѣ желаніе".

Но прежде, чѣмъ попасть въ Петербургъ, Го надобно было кончить курсъ и сдать выпуск

экзаменъ, а это было дѣло не легкое для ученика, который все время занимался спустя рукава. Въ послѣднiй годъ онъ усиленно засѣлъ за учебники, чтобы вознаградить потерянное время, и сдалъ экзаменъ, хоть не блестяще, но во всякомъ случаѣ удовлетворительно.

ГЛАВА III.

Прiѣздъ въ Петербургъ. Надежды обманываютъ. Второй путь къ славѣ.—«Италiя».—«Гансъ Кюхельгартенъ».—Крушенiе надеждъ.—Поспѣшный отъѣздъ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1828 г. тройка почтовыхъ лѣниво тащила по такъ называемому „Московскому шоссе" рогожную кибитку. Вѣтеръ вздымалъ цѣлыя облака снѣжной пыли, залѣпляя ею глаза ямщику и покрывая бѣлымъ налетомъ овчинный тулупъ и высокую шапку человѣка, сидѣвшаго на облучкѣ.

Въ кибиткѣ сидѣли Гоголь и его товарищъ Данилевскiй. Они вмѣстѣ кончили весной курсъ Нѣжинскаго лицея и теперь, полные самыхъ свѣтлыхъ надеждъ, вѣры въ себя и въ свое будущее, ѣхали въ Петербургъ, который рисовался имъ въ мечтахъ чуть не земнымъ раемъ, средоточiемъ умственной и художественной жизни, свѣточемъ, распространяющимъ лучи свои на всю Россiю.

Чѣмъ ближе подъѣзжали къ столицѣ, тѣмъ болѣе возрастало нетерпѣнiе молодыхъ людей. Особенно Николай Васильевичъ безпрестанно выставлялъ голову изъ кибитки, стараясь всмотрѣться въ даль.

— Какая досада! замѣтилъ Данилевскій: — пр ѣдемъ, когда совсѣмъ стемнѣетъ,—не удастся и ра глядѣть Петербургъ.

— Зато завтра, какъ встанемъ, такъ и пойдем всюду! И на Невскій, и въ Публичную библіотек и на выставки картинъ, и въ театры... мечталъ Г голь.

— Тебѣ-то хорошо: ты свободный человѣкъ, м жешь себѣ гулять, вздохнулъ Данилевскій, — а мн придется поступить въ юнкерское училище, въ буд никуда нельзя будетъ ходить!

— Жаль мнѣ тебя, Саша! отозвался Гоголь. Конечно—военная служба вещь хорошая, на войн легко прославиться; но въ мирное время жизн офицеровъ протекаетъ безплодно; то ли дѣло гр жданская служба, на которой можно ежечасно, еж минутно приносить пользу ближнимъ!

— А ты уже рѣшилъ? поступаешь на служб въ министерство юстиціи?

— Непремѣнно. У меня есть письма къ генера Кутузову отъ нашего „кибиницкаго царька“, отъ с мого Трощинскаго. Я надѣюсь, что онъ скорешень дастъ мнѣ мѣсто. Нигдѣ нельзя принести столь пользы, какъ въ судѣ. На землѣ такъ много н правды, притѣсненій слабыхъ и бѣдныхъ. Все э уничтожить, доставить побѣду правосудію, всю водворить законность,—какое это великое дѣло!..

Восторженная рѣчь юноши была прервана во гласомъ человѣка, сидѣвшаго на облучкѣ:

— Кажись, видать огни!

Молодые люди не могли выдержать, велѣли я щикамъ остановиться и выпрыгнули изъ кибитк

Вдали, сквозь вечерній сумракъ мелькала масса огней.

— Онъ! онъ! Петербургъ! Александръ, бьется у тебя сердце? и Гоголь восторженно глядѣлъ на эти огоньки, не замѣчая, что вѣтеръ забирается подъ складки его шинели и безжалостно щиплетъ его носъ и щеки.

— Ну, ѣдемъ, ѣдемъ, Никоша! позвалъ его менѣе увлекающійся пріятель:—холодно!

Еще нѣсколько минутъ, и кибитка остановилась передъ спущеннымъ шлагбаумомъ у въѣзда въ городъ.

Солдатъ съ фонаремъ въ рукѣ вышелъ изъ гауптвахты взять для просмотра паспорта путешественниковъ.

— А баринъ-то носъ отморозилъ... спокойно замѣтилъ онъ, наводя свѣтъ своего фонаря на худощавое лицо Николая Васильевича.

Гоголь машинально поднесъ руку къ носу.

— Боже мой, какое несчастье! Что мнѣ дѣлать! съ отчаяніемъ вскричалъ молодой человѣкъ.

— Снѣгу скорѣй, Якимъ! скомандовалъ Данилевскій, обращаясь къ человѣку на облучкѣ. Это былъ крѣпостной лакей, котораго заботливая Марья Ивановна отправила вмѣстѣ съ Никошей въ Петербургъ ходить за бариномъ и беречь его.

Черезъ нѣсколько минутъ усиленнаго растиранія носъ,—обладатель котораго все время жалобно охалъ и стоналъ,—былъ приведенъ въ приличный видъ, паспорта прописаны, шлагбаумъ поднятъ, и путешественники въѣхали въ городъ.

Несчастіе съ носомъ Гоголя значительно охладило

ихъ восторги, да, по правдѣ сказать, и восторгаться-то было нечѣмъ: та часть Петербурга, по которой имъ пришлось ѣхать, была въ то время еще мало застроена. Маленькіе, одноэтажные, деревянные домишки чередовались съ длинными заборами и просто пустырями; на улицахъ не было фонарей. Настоящій городъ съ каменными двухъ, трехъ, даже четырехъэтажными домами, начинался только за Фонтанкой; тамъ же ряды довольно тусклыхъ масляныхъ фонарей обозначали улицы.

Негостепріимно принялъ Петербургъ своихъ молодыхъ почитателей.

На послѣдней почтовой станціи они прочли объявленіе о какихъ-то меблированныхъ комнатахъ на Садовой и направили туда ямщика. Въ комнаты пришлось подниматься по довольно грязной, полутемной лѣстницѣ; хозяйка, воспользовавшись неопытностью пріѣзжихъ, потребовала за нихъ неимовѣрно высокую цѣну; послѣ низенькихъ, уютныхъ комнатокъ родной Васильевки—высокія, холодныя петербургскія комнаты казались какими-то непріятными. Кромѣ того, Гоголь, съ дѣтства отличавшійся слабымъ здоровьемъ, схватилъ по дорогѣ простуду; у него сдѣлался кашель и сильнѣйшій насморкъ, носъ его покраснѣлъ и распухъ.

Нѣсколько дней пришлось ему просидѣть дома, но съ возвращеніемъ здоровья къ нему вернулось и хорошее расположеніе духа и розовыя надежды на будущее. Конечно, Петербургъ оказался не тою волшебною страной, о которой мечталъ неопытный провинціалъ, не тою страною, гдѣ люди наслаждаются всѣми матеріальными и духовными благами, гдѣ они

дѣлаютъ великія дѣла и ведутъ великую борьбу с
зломъ; но все-таки Петербургъ не Миргородъ, н
Нѣжинъ. Погулять по Невскому, полюбоваться н
товары, разложенные въ витринахъ магазиновъ
зайти въ кафе и почитать тамъ газету, завернуть в
книжный магазинъ и благоговѣйно притронутьс
къ литературнымъ новинкамъ—все это на первых
порахъ доставляло Гоголю величайшее удовольстві
Онъ привезъ съ собой рекомендательныя письма к
разнымъ чиновнымъ людямъ, которые должны был
помочь ему начать карьеру полезнаго слуги гос
дарства и общества. Какъ только насморкъ его про
шелъ и носъ принялъ естественные размѣры, он
отправился разносить эти письма. Почти всѣ, к
кому онъ обращался, принимали его очень любезн
съ благосклонной улыбкой выслушивали о его же
ланіи приносить пользу государству, обѣщали имѣт
его въ виду при первой открывшейся вакансіи
предлагали ему прійти понавѣдаться черезъ дв
три недѣли. Неопытный юноша принималъ за чисту
монету и эти благосклонныя улыбки и эти обѣщані
Подождать двѣ-три недѣли—не бѣда, даже пріятн
пожить нѣсколько времени свободнымъ человѣком
не связаннымъ никакими обязанностями, хорошень
ознакомиться съ Петербургомъ, присмотрѣться к
столичной жизни.

День проходилъ за днемъ, недѣля за недѣле
Миновало Рождество. Данилевскій поступилъ въ ю
керское училище. Гоголь остался жить одинъ и п
ребрался въ болѣе дешевую квартирку. Акимъ пр
ходилъ въ ужасъ отъ петербургской дороговизн
припасовъ; Гоголь часто сидѣлъ впроголодь, и в

таки деньги, привезенныя имъ изъ Васильевки, таяли словно ледъ на солнцѣ. По приказанію разныхъ чиновныхъ особъ, онъ навѣдывался къ нимъ и черезъ двѣ, и черезъ три недѣли, и черезъ нѣсколько дней: пріемы съ каждымъ разомъ становились суше, вакансій все не открывалось, высокіе покровители предлагали молодому человѣку для начала мѣсто писца въ своей канцеляріи; но отъ такого начала онъ, мечтавшій своею служебною дѣятельностью облагодѣтельствовать міръ, рѣшительно отказывался. А тутъ, какъ на бѣду, умеръ генералъ Трощинскій, на рекомендацію котораго онъ разсчитывалъ всего больше.

Тревога все чаще и чаще закрадывалась въ душу молодого человѣка. Что же дѣлать, какъ быть? Неужели то предчувствіе, которое томило его еще въ лицеѣ, оправдается, и ему „доведется погибнуть въ пыли, не означивъ имени своего ни однимъ прекраснымъ дѣломъ?“ Нѣтъ, это невозможно, этого не должно быть!

Если двери министерствъ еще заперты для него, онъ долженъ составить себѣ извѣстность на какомъ-нибудь другомъ поприщѣ: когда онъ прославится, когда о немъ всѣ заговорятъ, тогда и чиновные тузы перемѣнятъ тонъ, тогда каждый изъ нихъ сочтетъ за честь предоставить ему въ своемъ вѣдомствѣ какое онъ пожелаетъ мѣсто. Составить себѣ извѣстность! Но какъ, чѣмъ? Попробовать развѣ заняться литературой? Въ лицеѣ товарищи хвалили его произведенія,—не напечатать ли ради опыта которое-нибудь изъ нихъ?

Изъ стихотвореній, писанныхъ въ послѣдній годъ,

Гоголю особенно нравилось одно — „Италія“. Онъ внимательно перечелъ его, выправилъ, старательно переписалъ и отправилъ въ редакцію журнала „Сынъ Отечества“. Имени своего онъ не подписалъ, а въ письмѣ къ редактору назвался „Аловымъ“, вмѣсто настоящаго своего адреса далъ фальшивый.

— Если напечатаютъ, если публика замѣтитъ, и критика похвалитъ, тогда открою свое имя, разсуждалъ молодой авторъ.

О радость, о счастье! Въ № 1-омъ журнала, вышедшемъ 23-го марта, появилось стихотвореніе „Италія“.

> Италія—роскошная страна!
> По ней душа и стонетъ и тоскуетъ...

такъ начиналось оно. Поэтъ, никогда не видавшій страны, которую вздумалъ воспѣвать, и составившій себѣ о ней по книгамъ весьма смутное представленіе, конечно, не могъ дать художественнаго описанія ея. Стихи были напыщены, лишены истинной поэзіи; но такъ какъ въ то время слава Пушкина соблазняла многихъ, то подобнаго рода произведенія помѣщались во всѣхъ книжкахъ журналовъ. „Италія“ прошла незамѣченной заурядъ съ прочими: ни читатели, ни литература не поинтересовались узнать имени ея автора.

А бѣдный авторъ волновался и терзался. Онъ купилъ книжку журнала, онъ съ наслажденіемъ увидѣлъ свое произведеніе въ печати, онъ все ждалъ не обмолвится ли кто словомъ о немъ... Нѣтъ и нѣтъ. Книжка лежала у него на столѣ, заходившіе къ нему пріятели брали ее въ руки, перелистывали, равнодушно пробѣгали глазами его „Италію“ и спѣшили

или перейти къ другимъ статьямъ, или совсѣмъ закрыть книгу. А между тѣмъ ему хотѣлось поднести публикѣ произведеніе, гораздо болѣе грандіозное, задуманное и отчасти написанное имъ еще два года тому назадъ. Это была цѣлая поэма въ 18 картинахъ съ эпилогомъ. Гоголь прилежно проработалъ надъ ней, и къ маю мѣсяцу поэма была готова. Что же съ ней дѣлать? Послать въ журналъ? Пожалуй, не напечатаютъ такой большой вещи, а если и напечатаютъ, радости мало: пропадаетъ такъ же, какъ „Италія"; никто и вниманія не обратитъ... Нѣтъ, чтобы составить себѣ имя, чтобы добиться извѣстности, надобно издать свою поэму отдѣльной книжкой...

И Гоголю ясно представлялась въ окнахъ магазиновъ хорошенькая, маленькая книжка... Прохожіе читаютъ заглавіе, заинтересовываются, покупаютъ... Одинъ прочтетъ, ему понравится, порекомендуетъ другому, тотъ третьему... и вотъ пойдетъ говоръ:

— Появился новый талантъ! Кто такой? Какой-то Аловъ! Надо разыскать, это будущая знаменитость... соперникъ Пушкина...

Отъ этихъ мечтаній молодого человѣка бросало въ жаръ и въ холодъ. Оставалось одно: добыть деньги на печатаніе. Добыть, откуда? До сихъ поръ онъ жилъ на деньги матери: она дала ему на дорогу сотни двѣ-три, да столько же прислала по его просьбѣ въ началѣ весны. При этомъ она не скрывала отъ него, что ей очень трудно удѣлять ему что-либо изъ своихъ скудныхъ средствъ. Онъ, впрочемъ, и самъ зналъ, что доходы съ Васильевки не велики, и что семьѣ приходится жить очень небо-

гато. Но что же дѣлать? Больше ему обратиться н
къ кому. Къ тому же, если онъ прославится, ра
богатѣетъ, онъ всѣмъ, всѣмъ подѣлится со свои
родными, за все вознаградитъ ихъ.

„Я принужденъ снова просить у васъ, добра
великодушная моя маменька, вспомоществованія, п
салъ онъ матери.—Чувствую, что въ это время э
будетъ почти невозможно вамъ, но всѣми сила
постараюсь не докучать вамъ болѣе. Дайте толь
мнѣ еще нѣсколько времени укорениться здѣсь, тог
надѣюсь какъ-нибудь зажить своимъ состояніем
Денегъ мнѣ необходимо нужно теперь 300 р.“

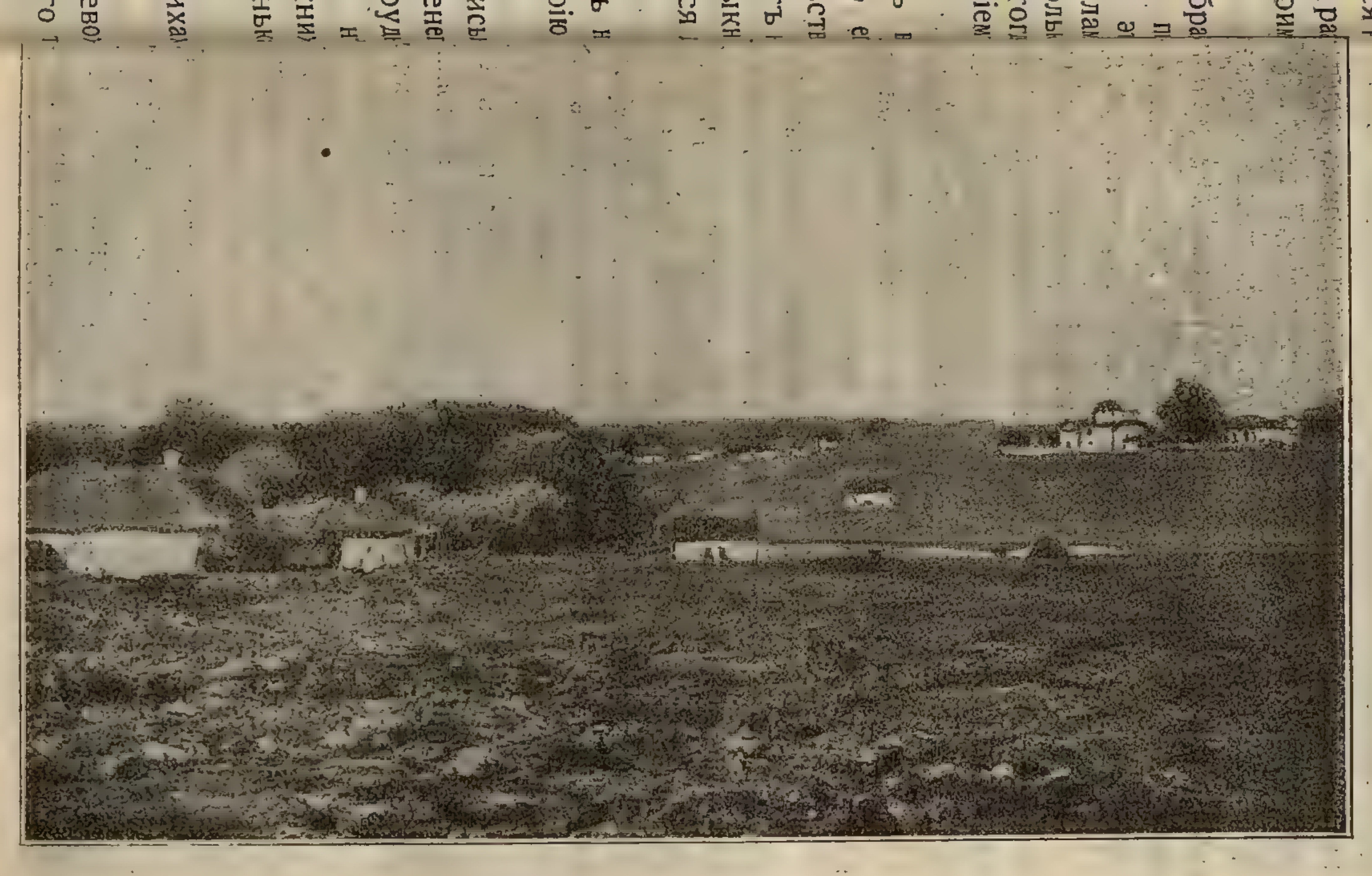
На что именно нужны ему деньги, Гоголь в
своемъ письмѣ не упомянулъ: онъ зналъ, что е
литературное предпріятіе не встрѣтитъ сочувст
матери, которая мечтала, что сынъ ея поступитъ н
государственную службу и при своихъ необыкн
венныхъ способностяхъ непремѣнно дослужится
важныхъ чиновъ.

Разсчитывая на благопріятный отвѣтъ, онъ н
медленно пошелъ въ самую лучшую типографію
отдалъ печатать свою рукопись.

Черезъ мѣсяцъ отъ матери пришло 300 р. и пись
въ которомъ она умоляла сына не тратить дене
по пустякамъ и подробно описывала, какъ труд
было ей собрать нужную ему сумму. Черезъ н
сколько дней послѣ этого на окнахъ всѣхъ кни
ныхъ магазиновъ Петербурга появилась маленьк
книжка въ 12-ю долю листа, озаглавленная:

„Гансъ Кюхельгартенъ“, поэма въ стиха
В. Алова.

Для Гоголя потянулись дни волненій и трево
ныхъ ожиданій. Онъ не могъ сидѣть дома, его т

Васильевка съ полтавской дороги.

нуло на Невскій проспектъ, къ книжнымъ магаз намъ, въ кафе, гдѣ онъ судорожно перебиралъ газет надѣясь найти какую-нибудь замѣтку о „Гансѣ“. О прислушивался къ разговорамъ прохожихъ, ожид услышать имя Алова; всякаго гостя, заходившаго нему, онъ встрѣчалъ тревожнымъ взглядомъ: сейча заговоритъ о *немъ*... сейчасъ спроситъ, читалъ ли

Черезъ три недѣли, въ теченіе которыхъ ник нигдѣ не обмолвился ни словомъ о новой поэмѣ, о пошелъ по книжнымъ магазинамъ узнавать, мно ли экземпляровъ ея распродано:

— Ни одного пока, услышалъ онъ всюду оди и тотъ же неутѣшительный отвѣтъ.

Журналы и извѣстные писатели, которымъ о послалъ по экземпляру поэмы въ самый день выхо ея въ свѣтъ, молчали; знакомые, тоже получив отъ него книжки, не говорили ничего пріятнаго.

— Э, голубчикъ, есть намъ время въ лагеря заниматься литературой! беззаботно отвѣтилъ его вопросъ Данилевскій.

— Кто его знаетъ, что такое, не то перевод не то подражаніе нѣмцамъ, слабая вещь, заявля другіе, когда онъ старался вызвать ихъ на разгово о „Гансѣ“.

Но вотъ наконецъ отозвалась и печатная к тика. Въ журналѣ „Московскій Телеграфъ“ Полев писалъ:

„Издатель сей книжки говоритъ, что сочине г. Алова не было назначено для печати, но что ва ныя для одного автора причины побудили его пе мѣнить свое намѣреніе. Мы думаемъ, что еще ва

нѣйшія причины имѣлъ авторъ не издавать своей идилліи.

„Достоинство слѣдующихъ стиховъ укажетъ на одну изъ сихъ причинъ:

Мнѣ лютыя дѣла не новость;
Но демона отрекся я,
И остальная жизнь моя
Заплата малая моя
За остальную жизни повѣсть..

„Заплата такихъ стиховъ должна бы быть сбереженіе оныхъ подъ спудомъ“.

Въ газетѣ „Сѣверная Почта“ появилась о поэмѣ замѣтка, въ которой между прочимъ говорилось:

„Въ „Гансѣ Кюхельгартенѣ“ столь много несообразностей, картины часто такъ чудовищны, и авторская смѣлость въ поэтическихъ украшеніяхъ, въ слогѣ и даже въ стихосложеніи такъ безотчетлива, что свѣтъ ничего бы не потерялъ, когда бы сія первая попытка юнаго таланта залежалась подъ спудомъ Не лучше ли бъ было дождаться отъ сочинителя чего-нибудь болѣе зрѣлаго и обдуманнаго?“.

Отчаяніе Гоголя не поддается описанію. Онъ ждалъ славы, рукоплесканій, а вмѣсто того насмѣшки, позоръ! Хорошо еще, что никто, даже самые близкіе пріятели, не знаютъ настоящаго имени злополучнаго Алова! Надобно какъ можно скорѣе уничтожить „Ганса“, чтобы и слѣдовъ его нигдѣ не осталось! Спѣша точно за нимъ кто-то гонится, поѣхалъ Николай Васильевичъ по книгопродавцамъ отбирать у нихъ непроданные экземпляры своей книги и затѣмъ тайкомъ, такъ что никто, кромѣ его слуги Акима, не узналъ этого, онъ сжегъ въ печкѣ всѣ эти эк-

земпляры. Гора свалилась съ плечъ! Авось ник больше не вспомнитъ „Ганса,“ не станетъ говорит немъ, насмѣхаться надъ его авторомъ! Это такъ, что же дальше? Деньги, полученныя отъ мате истрачены, о мѣстѣ и хлопотать не стоитъ,—ниг ничего не открывается; единственная надежда—ли ратура, и та измѣнила. А между тѣмъ кашель, котор онъ схватилъ, простудившись еще ранней весной, проходитъ, петербургская духота, вонь и пыль уг таютъ его, онъ чувствуетъ себя физически такъ скверно, какъ и нравственно, все, что плѣняло по пріѣздѣ въ столицу, представляется ему тер непріятнымъ, противнымъ! Уѣхать, убѣжать ку нибудь отъ этихъ пышущихъ жаромъ камней, этихъ холодныхъ, равнодушныхъ людей, изъ-по этого безцвѣтнаго, мглистаго неба! Какъ хорошо перь дома, въ его милой Украйнѣ! На поляхъ ид жнитва, въ садахъ зрѣютъ сочныя сливы, груш яблоки! Какой мягкій, благоухающій воздухъ, ка звонкія пѣсни по вечерамъ, какъ ярко горятъ звѣз на черномъ ночномъ небѣ! Нѣтъ, туда ему нел ѣхать! Какими глазами будетъ онъ смотрѣть своихъ, что отвѣтитъ онъ тѣмъ, кто слышалъ, ка онъ мечталъ завоевать и славу и почетное положе тѣмъ, кто вѣрилъ въ него, ждалъ отъ него чего особеннаго! Нѣтъ, въ роли неудачника, челов разбитаго и тѣломъ и душой, онъ не вернется дом лучше ужъ навѣки проститься съ родиной! Докто лѣчившій его отъ кашля, находилъ, что морское панье было бы для него очень полезно, и Гого сразу представилось, что въ этихъ купаньяхъ него спасенье. Онъ поѣдетъ за границу, въ Герман

нъ броситъ неблагодарную Россію, которая не умѣетъ ѣнить его; онъ поправитъ свое здоровье, расшатавшееся въ Петербургѣ; онъ увидитъ другихъ людей, ругіе нравы, онъ ихъ опишетъ для пользы своихъ оотечественниковъ, а нѣмцевъ постарается познаомить съ Россіей, особенно съ Малороссіей, которую ни навѣрно совсѣмъ не знаютъ. Одна бѣда! Путешествіе стоитъ дорого, а у него ничего нѣтъ! Во семъ, во всемъ неудача! Вдругъ на имя его прихоитъ съ почты денежный пакетъ на 1450 р. Первую инуту Гоголь остолбенѣлъ отъ удивленія; полученіе тихъ денегъ показалось ему какимъ-то чудомъ акимъ-то знаменіемъ небеснымъ. Въ дѣйствительности дѣло обстояло проще: это мать присылала проценты за свое заложенное имѣніе и просила его знести ихъ куда слѣдуетъ. Держать въ рукахъ возможность осуществить свое страстное желаніе, возстановить свое здоровье, можетъ-быть, спасти свою жизнь и отказаться отъ всего этого — было свыше силъ Николая Васильевича. Онъ узналъ, что уплата процентовъ можетъ быть отсрочена до ноября мѣсяца, написалъ матери покаянное письмо и отправился моремъ въ Любекъ, а оттуда на морскія *купальни* въ Травемюнде.

ГЛАВА IV.

На государственной службѣ. — Земляки. — «Вечеръ наканунѣ Ивана Купалы». — Неожиданный успѣхъ. — Новыя знакомства. — Рудый Панько. — Благословеніе Пушкина. — Неудачный педагогъ.

Два мѣсяца прожилъ Гоголь за границей, и это путешествіе произвело на него самое благотвор-

ное вліяніе. Новая обстановка, непохожая на в
что онъ видѣлъ до тѣхъ поръ, морскія купанья, с
койная, беззаботная жизнь, безъ мелкихъ непрі
ностей и уколовъ самолюбію,—все это укрѣпило
расшатавшіеся нервы, прибавило ему силъ и бод
сти. Вернувшись въ Петербургъ, онъ энергично п
нялся искать себѣ заработка и, съ помощью плем
ника своего прежняго покровителя Трощинскаго,
пѣлъ получить мѣсто сначала въ министерствѣ в
треннихъ дѣлъ, а затѣмъ въ министерствѣ у
ловъ. Юношеская мечта его осуществилась: онъ
государственной службѣ, передъ нимъ открыто
рокое поле полезной дѣятельности. Но, Боже, ка
разочарованіе! Онъ стремился благодѣтельствов
всему государству, всюду искоренять ложь и злоу
требленія, а ему, какъ мелкому чиновнику, при
дилось подшивать да переписывать скучныя „дѣл
по опредѣленной формѣ составлять бумаги, не тол
неинтересныя, но, по его мнѣнію, совсѣмъ нену
ныя. При этомъ отъ него требовалась аккуратнос
безпрекословное исполненіе приказаній началь
внимательное соблюденіе разныхъ мелочныхъ п
вилъ. Все это было тяжело, все это угнетало
Самый видъ огромной комнаты съ голыми, сѣрь
стѣнами, съ рядами столовъ, за которыми скрип
перьями чинные, по формѣ одѣтые чиновники,
водилъ на него уныніе.

Вѣроятно, прежняя тоска снова овладѣла бы
если бы его не выручала домашняя обстановка.

Съ нимъ вмѣстѣ поселился его пріятель по
жинской гимназіи, Прокоповичъ, вѣрный товар
его во всѣхъ школьническихъ продѣлкахъ и

енно въ устройствѣ домашнихъ спектаклей, веселый, беззаботный юноша, малороссъ до мозга костей, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ вспоминавшій родную Украйну.

Съ нимъ часть этой Украйны вошла въ маленькую квартиру въ Столярномъ переулкѣ. Нѣжинцы, жившіе въ Петербургѣ, охотно посѣщали друзей. Каждую недѣлю у нихъ собиралось цѣлое общество малороссовъ. Акимъ приготовлялъ для гостей какое-нибудь малороссійское кушанье, они пѣли малорусскія пѣсни, передавали другъ другу новости съ родины, разсказывали какіе-нибудь случаи изъ жизни своей или своихъ знакомыхъ, вспоминали старинныя повѣрья и обычаи. Гоголь скоро сталъ душою этихъ собраній. Чиновники министерства не узнали бы своего всегда хмураго, молчаливаго сослуживца въ этомъ оживленномъ балагурѣ, сыпавшемъ шутками и остротами, неистощимомъ разказчикѣ анекдотовъ, удивительно умѣвшемъ подмѣтить комическую сторону каждаго человѣка и изобразить въ лицахъ цѣлыя сцены.

— Эхъ, хороша наша Украйна! замѣчалъ иногда кто-нибудь изъ гостей,—и вѣдь никто въ этомъ сѣромъ, гниломъ Петербургѣ понятія о ней не имѣетъ!

— Удивительно, подхватывалъ другой,—что никто никогда ничего не пишетъ о Малороссіи, не знакомитъ съ нею сѣверянъ!

Подъ вліяніемъ этихъ разговоровъ, подъ вліяніемъ нахлынувшихъ на него воспоминаній дѣтства, Гоголь, никому не говоря ни слова, принялся писать разсказъ изъ малороссійской жизни. Ночью, запершись въ своей маленькой комнатѣ, онъ тщательно

отдѣлывалъ, переписывалъ его и, когда остался и доволенъ, снесъ его въ журналъ „Отечественн Записки“.

Теперь уже онъ не мечталъ о славѣ, какъ п изданіи „Ганса“; онъ и тѣмъ будетъ доволенъ, е его разсказъ напечатаютъ,—больше ему ничего нужно.

На этотъ разъ счастье улыбнулось наконецъ м лодому автору: черезъ мѣсяцъ издатель объяви ему, что его разсказъ принятъ, а въ февральск книжкѣ журнала появилась первая часть разска „Вечеръ наканунѣ Ивана Купалы“.

— Ну-ка, возьми, прочти! и Николай Васил вичъ съ притворнымъ равнодушіемъ протянулъ кн Прокоповичу.

— Что это такое? чье? спросилъ тотъ.—Им автора нѣтъ,—ужъ не твое ли? Ты что-то сіяе словно именинникъ.

Гоголь ничего не отвѣчалъ, но по лицу его трудно было догадаться, съ какимъ волненіемъ о даетъ онъ приговоръ пріятеля.

Прокоповичъ прочелъ весь разсказъ не от ваясь.

— Голубчикъ, какъ хорошо! вскричалъ онъ, даясь обнимать Гоголя.—Вѣдь это наше родное, н Украйна! И разсказъ про Петруся я слыхалъ, тол въ нѣсколькихъ словахъ, а ты что изъ него сдѣла Морозъ по кожѣ подираетъ! Ай да Гогольчик молодецъ!

Похвалы пріятеля и другихъ знакомыхъ, котор Николай Васильевичъ читалъ и давалъ читать с разсказъ, ободрили молодого автора. Ему не п

ходило въ голову, чтобы передавать въ яркихъ поэтичныхъ образахъ сказанья своего народа, его обычаи, повѣрья, весь складъ его жизни было дѣломъ сколько-нибудь серіознымъ. Онъ попрежнему мечталъ приносить пользу обществу на службѣ государственной, но для него было наслажденіе послѣ цѣлаго дня, проведеннаго въ затхлой, скучной канцеляріи, за утомительно однообразной, неинтересной работой, перенестись мыслью въ милую Украйну! Въ его воображеніи вставали ея жаркіе лѣтніе дни, „когда полдень блещетъ въ тишинѣ и зноѣ", когда лѣниво и бездумно, будто гуляющіе безъ цѣли, стоятъ подоблачные дубы и ослѣпительные удары солнечныхъ лучей зажигаютъ цѣлыя живописныя массы листьевъ, накидывая на другія темную какъ ночь тѣнь, по которой только при сильномъ вѣтрѣ прыщетъ золото"; ея черныя воробьиныя ночи, ея длинные зимніе вечера, „когда на дворѣ трещалъ морозъ и замуровывалъ наглухо узенькое окно хаты", „каганецъ дрожа и вспыхивая, какъ бы пугаясь чего, свѣтилъ намъ, веретено жужжало, а мы всѣ, дѣти, собравшись въ кучку, слушали дѣда", и отъ его разсказовъ „дрожь проходила по тѣлу и волосы ерошились на головѣ". Онъ словно живыми видѣлъ передъ собой чернобровыхъ „дивчинъ" въ живописныхъ малорусскихъ костюмахъ и удалыхъ паробковъ въ смушковыхъ шапкахъ, и бѣлыя хатки, запрятанныя среди зеленыхъ садочковъ; въ ушахъ его раздавались звонкія народныя пѣсни, народныя остроты и прибаутки.

Долго за полночь сидѣлъ онъ за своимъ письменнымъ столомъ, передавая бумагѣ всѣ тѣ съ дѣтства знакомые образы, которые волновали его воображеніе; но печатать свои произведенія не рѣшался:

они казались ему бездѣлками, на которыя не стоилат
обращать большого вниманія; къ тому же на бумаг
все выходило гораздо хуже и суше, чѣмъ кст
складывалось въ головѣ, хотя онъ по нѣсколь
разъ переписывалъ и передѣлывалъ одно и то ж

Въ одинъ изъ январскихъ дней 1831 года молодов
человѣкъ невысокаго роста, худощавый, очень скро
одѣтый, шелъ по длиннымъ коридорамъ тогдашн
Шепелевскаго дворца (нынѣшняго Новаго Эрмитаж
Въ рукахъ его былъ довольно объемистый бумажн
пакетъ, онъ робко озирался по сторонамъ и, види
былъ сильно взволнованъ. Это Николай Васильев
Гоголь пробирался къ Василію Андреевичу Жу
скому, достигшему въ то время верха своей лит
турной славы, Жуковскому, другу Пушкина, неда
призванному быть воспитателемъ наслѣдника. Го
досталъ отъ кого-то рекомендательное письмо
нему и рѣшилъ отдать ему на судъ свои прои
денія.

— Если онъ скажетъ, что они чего-нибудь
ютъ, напечатаю ихъ; если нѣтъ, сожгу—и дѣлу
нецъ, разсуждалъ онъ.

Василій Андреевичъ принялъ неизвѣстнаго м
дого человѣка съ своею обычною добротою и
вѣтливостью. Приходу его онъ нисколько не удиви
къ нему чуть не каждый день приходилъ кто-ни
изъ начинающихъ писателей просить у него сов
указаній, давать ему на просмотръ свои стат
стихотворенія, иногда даже просить у него денст
ной помощи. Для всѣхъ находилось у этого истал
добраго человѣка ласковое, ободряющее слово, се
кому готовъ онъ былъ оказать и нравственную

матеріальную поддержку. Съ Гоголемъ онъ сразу заговорилъ такъ просто и задушевно, что вся застѣнчивость молодого человѣка исчезла и онъ смѣло изложилъ свою просьбу:

— Я принесъ вамъ все, что писалъ до сихъ поръ, — говорилъ онъ, развязывая свой свертокъ: — тутъ

Жуковскій въ молодости.

есть оттискъ статей, уже напечатанныхъ въ журналахъ, есть и рукописи. Умоляю васъ, просмотрите все это и скажите мнѣ откровенно свое мнѣніе! Я такъ вѣрю вамъ, Василій Андреевичъ! Если вы мнѣ

прикажете писать, я буду; если нѣтъ, я никог за перо не возьмусь.

— Ну, ужъ это вы напрасно! съ улыбкой вѣчалъ Жуковскій:—я вѣдь человѣкъ и могу биться, какъ всякій другой. Я внимательно пр ваши произведенія, обѣщаю вамъ; но если в нужно мнѣніе настоящаго знатока словесности, должны обратиться не ко мнѣ, а къ Плетневу.

— Къ Плетневу? которому Пушкинъ посвят своего Онѣгина?

— Да, Александръ Сергѣевичъ такъ высоко нитъ его критическій талантъ, что иногда даже правляетъ стихи по его указаніямъ. Я вамъ записочку къ нему. Познакомьтесь съ нимъ!

Плетневъ принялъ Гоголя такъ же просто и вѣтливо, какъ Жуковскій. Прочитавъ его разск и онъ и Жуковскій сразу поняли, что передъ крупный талантъ, который еще самъ не созн своей силы. Они всячески старались ободрить стѣнчиваго „хохла“, какъ они прозвали его; глашали его къ себѣ, знакомили съ другими телями, заботились объ изданіи его рукописей.

— Я вамъ не совѣтую издавать въ одной к всѣ ваши сочиненія, говорилъ ему Плетневъ.- лучше сдѣлаемъ такъ: ваши статьи и отрывок мана помѣстимъ въ журналы, а изъ четырехъ лороссійскихъ разсказовъ составимъ сборникъ. добно придумать ему какое-нибудь заглавіе поза чивѣе, вы напишите общее предисловіе ко в разсказамъ и увидите, какая выйдетъ хороше книжка!

Гоголь, конечно, очень охотно принималъ со

ытнаго писателя. По указаніямъ Плетнева, онъ ыправилъ свои четыре разсказа: „Вечеръ наканунѣ вана Купалы“, „Сорочинская ярмарка“, „Майская очь“ и „Пропавшая грамота“ и далъ имъ общее заавіе: „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“. Гоголь се еще не хотѣлъ выступать передъ публикой подъ воимъ собственнымъ именемъ, и Плетневъ придуалъ ему псевдонимъ: „Пасичникъ Рудый Панько“. редисловіе рѣшено было написать отъ имени этого же асѣчника, который будто бы записалъ свои разказы со словъ сосѣдей, собирающихся къ нему по ечерамъ.

Весной книжка была окончательно готова къ пеати, но прежде, чѣмъ она вышла въ свѣтъ, Жуовскій хотѣлъ познакомить съ ней Пушкина. Поэтъ рожилъ эту зиму въ своемъ нижегородскомъ имѣіи въ Балдинѣ и въ Москвѣ, гдѣ женился, а къ ѣту пріѣхалъ съ молодой женой въ Петербургъ и арское Село. Жуковскій устроилъ у себя небольюй литературный вечеръ, на которомъ Гоголь долкенъ былъ представиться Пушкину и при немъ проесть что-нибудь изъ своихъ разсказовъ.

Познакомиться съ Пушкинымъ—это было счастье, которомъ Николай Васильевичъ мечталъ еще на ікольной скамьѣ; но читать при немъ, да еще чиать свои произведенія—нѣтъ, на это онъ не можетъ ѣшиться. Долго пришлось Жуковскому уламывать прямаго „хохла“, и, только увидѣвъ простое, безцеемонное обращеніе Пушкина, услышавъ его молодой, езпечный смѣхъ, согласился Гоголь сѣсть за приотовленный для чтеца маленькій столикъ. Нетверымъ голосомъ прочелъ онъ заглавіе своего сборника:

„Вечера на хуторѣ близь Диканьки. „Повѣсти, изд
ныя пасичникомъ Рудымъ Панькомъ“, и застѣн
вымъ взглядомъ обвелъ слушателей. Всѣ молча г.
дѣли на него, видимо, заранѣе заинтересованные ли
ратурною новинкою. Гоголь пріободрился.

„Это что за невидаль: Вечера на хуторѣ бли
Диканьки? Что это за „Вечера“? И швырнулъ
свѣтъ какой-то пасичникъ! Слава Богу! еще ма
ободрали гусей на перья и извели тряпья на бума
Еще мало народу всякаго званія и сброду вымар
пальцы въ чернилахъ! Дернула же охота и пасичн
потащиться вслѣдъ за другими! Право, печат
бумаги развелось столько, что не придумаешь ско
что бы такое завернуть въ нее“...

Гоголь читалъ мастерски, совершенно прос
естественно, произнося типичныя мѣста съ необ
новенно невиннымъ и серіознымъ видомъ, отъ ч
они дѣлались особенно смѣшными. Присутствую
слушали его, затаивъ дыханіе, только изрѣдка та
сямъ раздавался сдержанный смѣхъ.

— Превосходно! первый похвалилъ его Пушкин
когда предисловіе было прочитано.—Ну, теперь ка
хотите, а прочтите намъ хоть одинъ разсказъ.

Гоголь прочелъ „Вечеръ наканунѣ Ивана Ку
лы“, и со всѣхъ сторонъ послышались еще бо
горячія похвалы.

— Какъ это свѣжо, какъ оригинально! вос
щался Пушкинъ, и Гоголь чувствовалъ себя счаст
вѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ.

Пушкинъ, великій Пушкинъ нашелъ, что у н
есть талантъ, и благословилъ его писать! Конеч
послѣ этого онъ будетъ писать; въ головѣ его ро
такъ много образовъ, картинъ, — онъ постара

передать ихъ бумагѣ. Это вѣдь удовольствіе для него самого!

И Гоголь усердно принялся писать, хотя ему все чаще и чаще приходило въ голову, что вѣдь это вовсе не трудъ, не то дѣло, о которомъ онъ меч-

Рис. О. Кипренской. — 1827. Грав. Н. Уткинъ.

Пушкинъ.

талъ, которое должно было облагодѣтельствовать всю Россію. Его надежды найти такое дѣло на государственной службѣ рушились. Онъ ясно видѣлъ, что не въ состояніи дойти до такого высокаго

положенія, которое давало бы ему возможност
вліять на государственныя дѣла; а мелкая канц
лярская работа съ каждымъ днемъ все болѣе
болѣе удручала его. Несмотря на все стараніе, он
никакъ не могъ усвоить себѣ особенный слог
какимъ въ то время писались дѣловыя бумаги; он
не только не выучился составлять ихъ, но даж
плохо понималъ, что писали его сослуживцы, масте
своего дѣла. Отчаявшись достигнуть чего-нибудь
этомъ пути, онъ сталъ небрежно относиться к
своимъ служебнымъ обязанностямъ: то приходи
позже назначеннаго часа, то забывалъ поручен
начальства, а то день или два и совсѣмъ не являл
въ канцелярію. Ему раза два сдѣлали строгія зам
чанія и затѣмъ объявили, что онъ или должен
исправиться, или выйти въ отставку. Гоголь выбра
второе и вздохнулъ съ облегченіемъ, выходя из
дверей министерства съ тѣмъ, чтобы никогда
возвращаться въ него.

Жалованье онъ получалъ на службѣ небольшо
но оно все-таки давало ему возможность жить,
прибѣгая постоянно къ помощи матери. Лишивши
его, онъ остался безъ всякихъ средствъ. Надобно бы
подумать о заработкѣ, но не просто о заработкѣ, а
такомъ, который соединялся бы съ полезною дѣятел
ностью. У Плетнева, который былъ въ это время и
спекторомъ женскаго Патріотическаго института, он
часто встрѣчалъ учителей, которые съ увлеченіемъ г
ворили о задачахъ воспитанія, о своихъ занятіяхъ
ученицами. Эти разговоры воодушевили Гоголя. Како
еще дѣла искать ему, какое дѣло можетъ быть бол
великимъ, болѣе святымъ, какъ не дѣло воспитан

будущаго поколѣнія! Пусть наши современннки пошлы и невѣжественны, пусть они живутъ среди лжи и неправды, но мы изъ ихъ дѣтей приготовимъ борцовъ противъ этой пошлости, этой лжи, мы сдѣлаемъ ихъ людьми образованными, сильными и умственно и нравственно!

Въ это время какъ разъ умеръ одинъ изъ учителей исторіи въ Патріотическомъ институтѣ, и Гоголь упросилъ Плетнева предоставить ему уроки исторіи. Кромѣ того, Плетневъ отрекомендовалъ его въ два-три богатыя семейства, которымъ нуженъ былъ учитель.

Гоголь взялся за свое новое „дѣло“ по обыкновенію съ увлеченіемъ. Историческія познанія, вынесенныя имъ изъ „Гимназіи высшихъ наукъ“, были весьма скудны; чтобы пополнить ихъ, ему пришлось прибѣгнуть къ книгамъ, къ учебникамъ. Прежній учитель исторіи былъ человѣкъ, основательно знавшій свой предметъ и очень хорошо преподававшій его. Съ первыхъ же уроковъ Гоголь убѣдился, что ученицы его знаютъ массу фактовъ, о которыхъ самъ онъ и не слыхивалъ. Онъ повелъ преподаваніе иначе: вмѣсто кропотливаго изученія фактовъ и хронологическихъ данныхъ онъ старался давать яркіе историческіе образы и картины, старался подѣйствовать на воображеніе ученицъ. Онъ чертилъ имъ на доскѣ рисунки, приносилъ въ классъ картинки, давалъ смѣлые очерки цѣлыхъ столѣтій. Такое преподаваніе въ рукахъ человѣка свѣдущаго могло бы дать блестящіе результаты, но къ сожалѣнію свѣдущимъ человѣкомъ Гоголь не былъ. Поэтому лекціи его выходили неровныя, отрывочныя. Однихъ собы-

тій онъ едва касался, о другихъ слишкомъ распро странялся, иною лекціею такъ увлекалъ дѣвочекъ что онѣ слушали его, затаивъ дыханіе, другая, на противъ, выходила скучною и вялою. И чѣмъ дальше тѣмъ больше увеличивалось число этихъ скучных лекцій. Учитель приходилъ не въ духѣ, зѣвалъ, раз сказывалъ плохо, спрашивалъ слабыхъ ученицъ, на смѣхался надъ ними и уходилъ, не досидѣвъ своег часа.

Онъ все яснѣе и яснѣе чувствовалъ, что препо даваніе барышнямъ исторіи вовсе не то „дѣло", которомъ онъ мечталъ, къ которому стремился, онъ скоро совсѣмъ охладѣлъ къ своимъ учител скимъ обязанностямъ. „Дѣло", великое дѣло было него въ рукахъ, а онъ все еще не сознавалъ этог

ГЛАВА V.

Первый и второй томъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки». Миргородъ.— Иванъ Өедоровичъ Шпонька.— Старосвѣтскіе п мѣщики —Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Иванови съ Иваномъ Никифоровичемъ.

Подъ ободряющимъ вліяніемъ Пушкина и Жуко скаго литературныя работы Гоголя шли все болѣе болѣе успѣшно. Осенью 1831 года вышли изъ печат „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки". Когда Гогол зашелъ какъ-то въ типографію поторопить печатань его удивило, что глядя на него, наборщики перешеп тываются и посмѣиваются. Онъ спросилъ у фактор что это значитъ, и тотъ объяснилъ ему, что е

разсказы очень понравились наборщикамъ, и они безъ смѣха не могутъ вспомнить ихъ.

Литературные критики встрѣтили книгу Гоголя съ большимъ сочувствіемъ. Въ самой распространен-

Бѣлинскій.

ной газетѣ того времени, „Сѣверной Пчелѣ“ появился благопріятный отзывъ о ней; Пушкинъ поздравлялъ публику съ „истинно-веселою книгою и автору сердечно желалъ дальнѣйшихъ успѣховъ“.

Среди читателей „Вечера" имѣли громадный успѣхъ: къ началу 1832 года все изданіе было раскуплено, пришлось дѣлать новое. Къ этому же времени Гоголь приготовилъ второй томъ „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки". Въ этотъ томъ вошли: „Ночь передъ Рождествомъ", Страшная месть" „Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка", „Заколдованное мѣсто". Три разсказа были попрежнему изъ жизни малорусскихъ крестьянъ.

Вотъ что говоритъ о нихъ знаменитый критикъ, Бѣлинскій: „Это поэтическіе очерки Малороссіи очерки, полные жизни и очарованія. Всего, что можетъ имѣть природа, прекрасная сельская жизнь простолюдиновъ обольстительнаго, типическаго, все это радужными цвѣтами блеститъ въ этихъ первыхъ поэтическихъ грезахъ писателя. Это была поэзія юная, свѣжая, благоуханная, упоительная. Читайте вы его „Майскую ночь", читайте ее въ зимній вечеръ у пылающаго камелька, и вы забудете о зимѣ съ ея морозами и метелями: вамъ будетъ чудиться эта свѣтлая, прозрачная ночь благословеннаго юга полная чудесъ и тайнъ; вамъ будетъ чудиться эта юная, блѣдная красавица, жертва ненависти мачехи это оставленное жилище съ однимъ раствореннымъ окномъ, это пустое озеро, на тихихъ водахъ котораго играютъ лучи мѣсяца, на зеленыхъ берегахъ котораго пляшутъ вереницы безплотныхъ красавицъ (русалокъ). „Ночь передъ Рождествомъ" есть цѣлая полная картина домашней жизни народа, его маленькихъ радостей, его маленькихъ горестей — словомъ тутъ вся поэзія его жизни".

Четвертый разсказъ, помѣщенный во второмъ томѣ

„Вечеровъ“, „Иванъ Өедоровичъ Шпонька“, переноситъ читателя въ другой міръ, тотъ міръ, гдѣ нѣтъ ни чертей, ни вѣдьмъ, ни привидѣній, но гдѣ зато безраздѣльно царитъ пошлость, въ міръ тѣхъ „завсегдателей“, которыхъ Гоголь еще гимназистомъ ѣдко осмѣялъ въ своей сатирической поэмѣ „Нѣчто о Нѣжинѣ, или дуракамъ законъ не писанъ“.

Ивана Өедоровича Шпоньку никто не назвалъ бы дурнымъ или злымъ человѣкомъ. „Когда онъ былъ еще Ванюшею, то обучался въ Гадячскомъ повѣтовомъ училищѣ и, надобно сказать, былъ преблагонравный и престарательный мальчикъ. Учитель русской грамматики, Никифоръ Тимоѳеевичъ Дѣепричастіе, говаривалъ, что если бы всѣ у него были такъ старательны, какъ Шпонька, то онъ не носилъ бы съ собою въ классъ кленовой линейки, которою, какъ самъ онъ признавался, уставалъ бить по рукамъ лѣнивцевъ и шалуновъ. Тетрадка у него всегда была чистенькая, кругомъ облинеенная, нигдѣ ни пятнышка. Сидѣлъ онъ всегда смирно, сложивъ руки и уставивъ глаза на учителя, и никогда не привѣшивалъ сидѣвшему впереди его товарищу на спину бумажекъ, не рѣзалъ скамьи и не игралъ до прихода учителя въ *тѣсной бабы.*

Науки плохо давались благонравному мальчику, и онъ, просидѣвъ по нѣсколько лѣтъ въ двухъ младшихъ классахъ, вступилъ въ полкъ. Въ полку онъ держалъ себя такъ же степенно, какъ въ училищѣ Другіе офицеры играли въ карты, пили вино, знакомились съ сосѣдними помѣщиками и танцовали у нихъ на балахъ, а Шпонька, „сидя на своей квартирѣ, упражнялся въ занятіяхъ, сродныхъ одной кроткой и доброй душѣ: то чистилъ пуговицы, то читалъ гадательную книгу, то ставилъ мышеловки по угламъ своей комнаты, то наконецъ, скинувши

мундиръ, лежалъ на постели. Зато не было никог исправнѣе Ивана Ѳедоровича въ полку, и взводом своимъ онъ такъ командовалъ, что ротный коман диръ всегда ставилъ его за образецъ".

Прослужилъ Иванъ Ѳедоровичъ такъ усердн 15 лѣтъ, получилъ чинъ подпрапорщика и вышел въ отставку. Тетушка Василиса Кашпаровна, посл смерти его родителей управлявшая его имѣніемъ звала его въ деревню помогать ей хозяйничать.

Тетушка Василиса Кашпаровна была женщин рослая, дородная, сильная, которая хоть кого умѣл сдѣлать тише травы. Она сразу рѣшила, что пле мянникъ *„ще молода дытына"*, что онъ не может жить самостоятельно, и Иванъ Ѳедоровичъ такж сразу и безпрекословно подчинился ея волѣ. Оче видно, это человѣкъ не злой, даже кроткій и добро душный, но какъ ужасно представить себѣ міръ населенный такими Шпоньками!

Ни одного истинно человѣчнаго чувства, ни од ного благороднаго порыва! Что бы ни дѣлалось во кругъ него низкаго, жестокаго, даже преступнаго ничто не взволнуетъ его простую душу, ничто не вызо ветъ его на отпоръ, не заставитъ его поднять н только руку, но даже голосъ въ защиту правды добра!

Точно такіе же вовсе не злые, но совершенн ничтожные, пустые люди, заботящіеся только о том какъ бы сытно поѣсть да спокойнѣе прожить сво никому не нужную жизнь, выведены и въ двух другихъ разсказахъ Гоголя, вошедшихъ въ треты его книгу „Миргородъ".

„Я очень люблю скромную жизнь тѣхъ уединен ныхъ владѣтелей отдаленныхъ деревень, которых

въ Малороссіи обыкновенно называютъ „старосвѣтскими“, которые, какъ дряхлые живописные домики, хороши своею пестротою и совершенною противоположностью строенію гладкому, стройному и ровному, котораго стѣнъ не промылъ еще дождь, крышу не покрыла отрывками зеленая плѣсень, и крыльцо, лишенное штукатурки и глины, не показываетъ живописныхъ кирпичей или безыскусственнаго плетня. Я иногда люблю сойти на минуту въ сферу этой необыкновенно уединенной жизни, гдѣ ни одно желаніе не перелетаетъ за частоколъ, окружающій небольшой дворикъ, за плетень сада, наполненнаго яблонями и сливами, за деревенскія избы, его окружающія, пошатнувшіяся на сторону, осѣненныя вербами, бузиною и грушами. Жизнь ихъ скромныхъ владѣтелей такъ тиха, такъ тиха, что на минуту забываешься и думаешь, что страсти, желанія и неспокойныя порожденія злого духа, возмущающія міръ, вовсе не существуютъ, и ты ихъ видѣлъ только въ блестящемъ, сверкающемъ сновидѣніи. Я отсюда вижу низенькій домикъ съ галлереей изъ маленькихъ, почернѣлыхъ, деревянныхъ столбиковъ, идущею вокругъ всего дома, чтобы можно было во время грома и града затворить ставни оконъ, не замочась дождемъ. За нимъ душистая черемуха, цѣлые ряды низенькихъ фруктовыхъ деревъ, потопленныхъ багрянцемъ вишенъ и яхонтовымъ моремъ сливъ, покрытыхъ свинцовымъ матомъ; развѣсистый кленъ, въ тѣни котораго разостланъ для отдыха коверъ; передъ домомъ просторный дворъ съ низенькою, свѣжею травою, съ протоптанною дорожкою отъ амбара до кухни и отъ кухни до барскихъ покоевъ“.

Въ такомъ домикѣ Гоголь поселяетъ двухъ старичковъ-помѣщиковъ: Аѳанасія Ивановича Товстогуба и жену его Пульхерію Ивановну. Съ особенною тщательностью и любовью рисуетъ онъ намъ портреты ихъ.

„Аѳанасію Ивановичу было шестьдесятъ лѣт Пульхеріи Ивановнѣ пятьдесятъ пять. Аѳанасій Ив новичъ былъ высокаго роста, ходилъ всегда въ б раньемъ тулупчикѣ, покрытомъ камлотомъ, сидѣл согнувшись и всегда почти улыбался, хотя бы ра сказывалъ, или просто слушалъ. Пульхерія Иванов была нѣсколько серіозна, почти никогда не смѣялас но на лицѣ и въ глазахъ ея было написано столь доброты, столько готовности угостить васъ всѣм что было у нихъ лучшаго, что вы, вѣрно, нашли б улыбку уже черезчуръ приторною для ея добра лица. Легкія морщины на ихъ лицахъ были расп ложены съ такою пріятностью, что художникъ, вѣрн укралъ бы ихъ. По нимъ можно было, казалось, ч тать всю жизнь ихъ, ясную, спокойную. Нельзя бы глядѣть безъ участія на ихъ взаимную любовь. О никогда не говорили другъ другу *ты,* но всегда в вы, Аѳанасій Ивановичъ, вы, Пульхерія Иванов „Это вы продавили стулъ, Аѳанасій Ивановичъ“? „Ничего, не сердитесь, Пульхерія Ивановна: это я Они никогда не имѣли дѣтей, и оттого вся прив занность ихъ сосредоточивалась на нихъ же самихъ

Чѣмъ же жили эти добрые, любящіе старичк чѣмъ наполняли они свою мирную, спокойную жизн Гоголь даетъ намъ подробное описаніе ихъ врем провожденія.

„Оба старичка, по старинному обычаю стар свѣтскихъ помѣщиковъ, очень любили покушат Какъ только занималась заря (они всегда встава рано) и какъ только двери заводили свой разн голосый концертъ, они уже сидѣли за столикомъ пили кофе. Напившись кофе, Аѳанасій Иванови выходилъ въ сѣни и, встряхнувши платокъ, гов рилъ: „Кишъ, кишъ! пошли гуси съ крыльца“!

На дворѣ къ нему подходилъ приказчикъ, упра ляющій всѣмъ его имѣніемъ; онъ говорилъ съ ни о хозяйствѣ, разспрашивалъ о работахъ и дѣла

распоряженія, которыя приказчикъ могъ по своему усмотрѣнію исполнять или не исполнять.

„Послѣ этого Аѳанасій Ивановичъ возвращался въ покои и говорилъ, приблизившись къ Пульхеріи Ивановнѣ“:

— А что, Пульхерія Ивановна, можетъ-быть, пора закусить чего-нибудь?

— Чего же бы теперь, Аѳанасій Ивановичъ, закусить? развѣ коржиковъ съ саломъ, или пирожковъ съ макомъ, или, можетъ-быть, рыжиковъ соленыхъ?

— Пожалуй, хоть и рыжиковъ или пирожковъ, отвѣчалъ Аѳанасій Ивановичъ,—и на столѣ вдругъ являлась скатерть съ пирожками и рыжиками.

За часъ до обѣда Аѳанасій Ивановичъ закусывалъ снова, выпивалъ старинную серебряную чарку водки, заѣдалъ грибками, разными сушеными рыбками и прочимъ.

Обѣдать садились въ двѣнадцать часовъ. Кромѣ блюдъ и соусниковъ, на столѣ стояло множество горшечковъ съ замазанными крышками, чтобы не могло выдохнуться какое-нибудь аппетитное издѣліе старинной вкусной кухни.

За обѣдомъ обыкновенно шелъ разговоръ о предметахъ самыхъ близкихъ къ обѣду.

— Мнѣ кажется, какъ будто эта каша, говаривалъ обыкновенно Аѳанасій Ивановичъ, — немного пригорѣла. Вамъ этого не кажется, Пульхерія Ивановна?

— Нѣтъ, Аѳанасій Ивановичъ: вы положите побольше масла, тогда она не будетъ казаться пригорѣлою, или вотъ возьмите этого соуса съ грибками и подлейте къ ней.

— Пожалуй, говорилъ Аоанасій Ивановичъ, подставляя свою тарелку,—попробуемъ, какъ оно будетъ.

Послѣ обѣда Аѳанасій Ивановичъ шелъ отдохнуть одинъ часикъ, послѣ чего Пульхерія Ивановна приносила разрѣзанный арбузъ и говорила:

— Вотъ попробуйте, Аѳанасій Ивановичъ, как хорошій арбузъ.

— Да вы не вѣрьте, Пульхерія, Ивановна, ч онъ красный въ срединѣ, говорилъ Аѳанасій Ива вичъ, принимая порядочный ломоть:—бываетъ, ч и красный, да нехорошій.

Но арбузъ немедленно исчезалъ. Послѣ этого Аѳ насій Ивановичъ съѣдалъ еще нѣсколько грушъ отправлялся погулять по саду вмѣстѣ съ Пульхері Ивановной. Пришедши домой, Пульхерія Иванов отправлялась по своимъ дѣламъ; а онъ садился по навѣсомъ, обращеннымъ къ двору, и глядѣлъ, ка кладовая безпрестанно показывала и закрывала св внутренность, и дѣвки, толкая одна другую, то вн сили, то выносили кучи всякаго дрязгу въ деревя ныхъ ящикахъ, рѣшетахъ, ночевкахъ и въ прочи фруктохранилищахъ. Немного погодя онъ посыла за Пульхеріей Ивановной, или самъ отправлялся ней и говорилъ:

— Чего бы такого поѣсть мнѣ, Пульхерія Ив новна?

— Чего же бы такого? говорила Пульхерія Ив новна — Развѣ я пойду скажу, чтобы вамъ пр несли варениковъ съ ягодами, которыхъ приказа я нарочно для васъ оставить?

— И то добре, отвѣчалъ Аѳанасій Ивановичъ

— Или, можетъ-быть, вы съѣли бы киселику

— И то хорошо, отвѣчалъ Аѳанасій Иванович Послѣ чего все это немедленно было приносимо какъ водится, съѣдаемо.

Передъ ужиномъ Аѳанасій Ивановичъ еще к чего закусывалъ. Въ половинѣ десятаго садил ужинать. Послѣ ужина тотчасъ отправлялись спа и всеобщая тишина водворялась въ этомъ дѣяте номъ и вмѣстѣ спокойномъ уголкѣ".

Впрочемъ, не всегда. Часто объяденіе продолж лось и ночью. Аѳанасій Ивановичъ, который спа

на лежанкѣ, въ жарко натопленной комнатѣ, иногда вставалъ среди ночи, прохаживался и стоналъ.

Тогда Пульхерія Ивановна спрашивала:

— Чего вы стонете, Аѳанасій Ивановичъ?

— Богъ его знаетъ, Пульхерія Ивановна: какъ будто немного животъ болитъ, говорилъ Аѳанасій Ивановичъ.

— А не лучше ли вамъ чего-нибудь съѣсть, Аѳанасій Ивановичъ?

— Не знаю, будетъ ли оно хорошо, Пульхерія Ивановна! Впрочемъ, чего же бы такого съѣсть?

— Кислаго молочка или жиденькаго узвара съ сушеными грушами.

— Пожалуй, развѣ такъ только попробовать, говорилъ Аѳанасій Ивановичъ. Сонная дѣвка отправлялась рыться по шкафамъ, и Аѳанасій Ивановичъ съѣдалъ тарелочку, послѣ чего онъ обыкновенно говорилъ:

— Теперь такъ какъ будто сдѣлалось легче".

О своихъ крѣпостныхъ людяхъ, о тѣхъ, чьи труды создавали имъ ихъ сытую, безмятежную жизнь, ни Аѳанасій Ивановичъ, ни Пульхерія Ивановна никогда не думали. Никогда не приходило имъ въ голову заглянуть въ ихъ покривившіяся избы, узнать, обезпечены ли они хоть отъ голода, отъ холода, не терпятъ ли притѣсненій отъ приказчика, который полновластно распоряжался и ими и всѣми дѣлами по имѣнію. Аѳанасій Ивановичъ нисколько не занимался хозяйствомъ, развѣ иногда ради развлеченія ѣздилъ на поля посмотрѣть, какъ идетъ работа косцовъ или жнецовъ. Хозяйственныя заботы Пульхеріи Ивановны ограничивались приготовленіемъ безконечнаго множества самыхъ разнообразныхъ соленій, сушеній, вареній изъ всевозможныхъ фруктовъ, ягодъ и овощей. Дѣвичья ея была набита молодыми

и немолодыми дѣвушками, босыми, плохо одѣты
которыхъ она заставляла иногда шить какія-нибу
бездѣлки или чистить ягоды, но которыя больш
часть времени проводили въ полнѣйшей празднос
Иногда онѣ забирались потихоньку въ кладовую
тамъ безъ зазрѣнія совѣсти поѣдали припасы, з
готовленные хозяйкой; но припасовъ было та
много, что никто не замѣчалъ ихъ воровства.

Староста, приказчикъ и дворовые люди съ сво
стороны крали у помѣщиковъ все, что возмож
лѣсъ, хлѣбъ, полотно, дарили ихъ своимъ родны
продавали на базарѣ, пропивали въ кабакѣ.

„Добрые старички“ или не замѣчали этихъ
кражъ, или смотрѣли на нихъ сквозь пальцы. По
добра ихъ хватало на то, чтобы сытно, сладко
шать, имъ хотѣлось ничѣмъ не нарушать того
рядка, при которомъ жилось такъ мирно и спокой
Они очень удивились бы, если бы кто-нибудь ск
залъ имъ, что своимъ лѣнивымъ безпечнымъ сущ
ствованіемъ они приносятъ громадный вредъ окр
жающимъ, прямо портятъ и развращаютъ их
Какъ можно! они никого не обижаютъ, они да
нищаго не пропустятъ, чтобы не подать ему
пеечку или кусочекъ хлѣба для спасенія души сво
Жалѣть, любить тѣхъ людей, трудомъ которы
они жили и которыхъ они считали своей собстве
ностью,—этого они совсѣмъ не понимали. „*Вся п
вязанность ихъ сосредоточивалась на нихъ же
михъ*“.

Если мысли ихъ отвлекались на время отъ ѣ
и заботы о собственномъ здоровьѣ, и они заводи
другъ съ другомъ посторонніе разговоры, то раз

воры эти были такъ же праздны и пусты, какъ вся ихъ жизнь.

„Иногда, если было ясное время и въ комнатахъ довольно тепло натоплено, Аѳанасій Ивановичъ, развеселившись, любилъ пошутить надъ Пульхеріею Ивановною и поговорить о чемъ-нибудь постороннемъ.

— А что, Пульхерія Ивановна, говорилъ онъ,— если бы вдругъ загорѣлся домъ нашъ, куда бы мы дѣлись?

— Вотъ это, Боже сохрани! говорила Пульхерія Ивановна, крестясь.

— Ну да, положимъ, что домъ нашъ сгорѣлъ,— куда бы мы перешли тогда?

— Богъ знаетъ, что вы говорите, Аѳанасій Ивановичъ! Какъ можно, чтобы домъ могъ сгорѣть? Богъ этого не допуститъ.

— Ну, а если бы сгорѣлъ?

— Ну, тогда бы мы перешли въ кухню. Вы бы заняли на время ту комнатку, которую занимаетъ ключница.

— А если бы и кухня сгорѣла?

— Вотъ еще! Богъ сохранитъ отъ такого напущенія, чтобы вдругъ и домъ и кухня сгорѣли! Ну, тогда въ кладовую, покамѣстъ выстроился бы новый домъ.

— А если бы и кладовая сгорѣла?

— Богъ знаетъ, что вы говорите! Я и слушать васъ не хочу! Грѣхъ это говорить, и Богъ наказываетъ за такія рѣчи.

Но Аѳанасій Ивановичъ, довольный тѣмъ, что подшутилъ надъ Пульхеріею Ивановною, улыбался, сидя на своемъ стулѣ.

Когда заѣзжалъ какой-нибудь гость, а всякаго гостя старички принимали самымъ радушнымъ образомъ и закармливали досыта, до отвалу, разговоръ заходилъ часто о политикѣ.

„Гость, тоже весьма рѣдко выѣзжавшій из
своей деревни, часто со значительнымъ видомъ
таинственнымъ выраженіемъ лица выводилъ сво
догадки и разсказывалъ, что французъ тайно с
гласился съ англичаниномъ выпустить опять н
Россію Бонапарта, или просто разсказывалъ о пре
стоящей войнѣ, и тогда Аѳанасій Ивановичъ част
говорилъ, какъ будто не глядя на Пульхерію Ив
новну:

— Я самъ думаю итти на войну,—почему же
не могу итти на войну?

— Вотъ уже и пошелъ! прерывала Пульхер
Ивановна.—Вы не вѣрьте ему, говорила она, обр
щаясь къ гостю:—гдѣ уже ему, старому, итти
войну! Его первый солдатъ застрѣлитъ! Ей-Бог
застрѣлитъ! Вотъ такъ-таки прицѣлится и застр
литъ.

— Что жъ? говорилъ Аѳанасій Ивановичъ, и
его застрѣлю.

— Вотъ слушайте только, что онъ говорит
подхватывала Пульхерія Ивановна:—куда ему ит
на войну! И пистоли его давно уже заржавѣли
лежатъ въ каморѣ. Если бы вы ихъ видѣли, та
такіе, что прежде еще, нежели выстрѣлятъ, раз
рветъ ихъ порохомъ. И руки себѣ поотобьетъ,
лицо искалѣчитъ, и навѣки несчастнымъ останет

— Что жъ? говорилъ Афанасій Ивановичъ,—
куплю себѣ новое вооруженіе: я возьму саблю и
казацкую пику.

— Это все выдумки! Такъ вотъ вдругъ придет
въ голову и начнетъ разсказывать! подхватыва
Пульхерія Ивановна съ досадою.—Я и знаю, ч
онъ шутитъ, и все-таки непріятно слушать. Вот
этакое онъ всегда говоритъ; иной разъ слушаеш
слушаешь, да и страшно станетъ.

Но Аѳанасій Ивановичъ, довольный тѣмъ, ч
нѣсколько напугалъ Пульхерію Ивановну, смѣял
сидя, согнувшись, на своемъ стулѣ.

Такъ и прожили старички всю свою праздную, сытую жизнь.

Передъ смертью Пульхерія Ивановна призвала къ себѣ свою ключницу и наказывала, чтобы она какъ можно больше берегла своего хозяина, чтобы на кухнѣ готовились его любимыя кушанья, чтобы ему всегда подавали чистое бѣлье и платье.

„— Не своди съ него глазъ, Явдоха! Я буду молиться за тебя на томъ свѣтѣ, и Богъ наградитъ тебя. Не забывай же, Явдоха! ты уже стара, тебѣ не долго жить, не набирай грѣха на душу. Когда же не будешь за нимъ присматривать, то не будетъ тебѣ счастья на свѣтѣ. Я сама буду просить Бога, чтобы не давалъ тебѣ благополучной кончины. И сама ты будешь несчастна, и дѣти твои будутъ несчастны, и весь родъ вашъ не будетъ имѣть ни въ чемъ благословенія Божія.

Бѣдная старушка! она въ то время не думала ни о той великой минутѣ, которая ее ожидаетъ, ни о душѣ своей, ни о будущей своей жизни: она думала только о бѣдномъ своемъ спутникѣ, съ которымъ провела жизнь и котораго оставляла сирымъ и безпріютнымъ“.

Аѳанасій Ивановичъ не надолго пережилъ жену. Послѣ его смерти прислуга растащила разныя старинныя вещи и рухлядь. Пріѣхалъ наслѣдникъ, какой-то дальній родственникъ, и окончательно разорилъ имѣніе. Крестьянскія избы развалились, большинство мужиковъ разошлись въ разныя стороны и числились въ бѣгахъ. Отъ старичковъ ничего не осталось, даже имя ихъ скоро всѣ забыли, да и стоило ли помнить? Кончилась праздная, безцѣльная, глубоко эгоистичная жизнь, и никто не пожалѣетъ, что она кончилась!

Жалки и мелки Аѳанасій Ивановичъ и Пульхер Ивановна, но они по крайней мѣрѣ добродушн взаимная любовь придаетъ что-то трогательное человѣчное ихъ фигурамъ. Ничего подобнаго нель сказать о герояхъ другого разсказа Гоголя: „Повѣс о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Ив. номъ Никифоровичемъ". И эти два человѣка опят таки не злодѣи, не преступники, это самые обыкн венные обыватели, подобные которымъ встрѣчают сотнями; окружающіе хвалятъ, уважаютъ ихъ, да завидуютъ имъ, и только подъ перомъ мастера-х дожника ярко вырисовывается вся неприглядн пошлость ихъ.

„Славная бекеша у Ивана Ивановича! отличнѣ шая! А какія смушки! фу ты пропасть, какія смуш сизыя съ морозомъ. Описать нельзя: бархатъ! ребро! огонь! Господи Боже мой! Николай чудот рецъ, угодникъ Божій! отчего же это у меня нѣ такой бекеши? Прекрасный человѣкъ Иванъ Ива вичъ! Какой у него домъ въ Миргородѣ! Вокру него со всѣхъ сторонъ навѣсъ на дубовыхъ ст бахъ, подъ навѣсомъ вездѣ скамейки. Иванъ И новичъ, когда сдѣлается слишкомъ жарко, скине съ себя и бекешу и исподнее, самъ останется одной рубашкѣ и отдыхаетъ подъ навѣсомъ, и г дитъ, что дѣлается во дворѣ и на улицѣ. Какія него яблони и груши подъ самыми окнами! Отвори только окно—такъ вѣтви сами и врываются комнату. Это все передъ домомъ; а посмотрѣли что у него въ саду! Чего тамъ нѣтъ! Сливы, виш черешни, огородина всякая, подсолнечники, огур дыни, стручья, даже гумно и кузница.

„Прекрасный человѣкъ Иванъ Ивановичъ! О очень любитъ дыни: это его любимое кушанье. Ка только отобѣдаетъ и выйдетъ въ одной рубаш подъ навѣсъ, сейчасъ приказываетъ Гапкѣ принес

двѣ дыни и уже самъ разрѣжетъ, соберетъ сѣмена въ особую бумажку и начнетъ кушать. Потомъ велитъ Гапкѣ принести чернильницу, и самъ, собственною рукою сдѣлаетъ надпись надъ бумажкою съ сѣменами: „Сія дыня съѣдена такого-то числа". Если при этомъ былъ какой-нибудь гость, то: „участвовалъ такой-то".

А какой богомольный человѣкъ Иванъ Ивановичъ! Каждый воскресный день надѣваетъ онъ бекешу и идетъ въ церковь. Взошедши въ нее, Иванъ Ивановичъ, раскланявшись на всѣ стороны, обыкновенно помѣщается на клиросѣ и очень хорошо подтягиваетъ басомъ. Когда же окончится служба, Иванъ Ивановичъ никакъ не утерпитъ, чтобы не обойти всѣхъ нищихъ. Онъ бы, можетъ-быть, и не хотѣлъ заняться такимъ скучнымъ дѣломъ, если бы не побуждала его къ этому природная доброта.

— Здорово, небога! (бѣдная) обыкновенно говорилъ онъ, отыскавши самую искалѣченную бабу, въ изодранномъ, сшитомъ изъ заплатъ платьѣ. — Откуда ты, бѣдная?

— Я, паночку, изъ хутора пришла: третій день какъ не пила, не ѣла; выгнали меня собственныя дѣти.

— Бѣдная головушка! чего жъ ты пришла сюда?

— А такъ, паночку, милостыни просить, не дастъ ли кто-нибудь на хлѣбъ.

— Гм! что жъ тебѣ развѣ хочется хлѣба? обыкновенно спрашивалъ Иванъ Ивановичъ.

— Какъ не хотѣть! Голодна какъ собака.

— Гм! отвѣчалъ обыкновенно Иванъ Ивановичъ. — Такъ тебѣ, можетъ, и мяса хочется?

— Да все, что милость ваша дастъ, всѣмъ буду довольна.

— Гм! развѣ мясо лучше хлѣба?

— Гдѣ ужъ голодному разбирать? Все, что пожалуете, все хорошо. При этомъ старуха обыкновенно протягивала руку.

— Ну, ступай же съ Богомъ! говорилъ Иванъ Ивановичъ.—Чего же ты стоишь? Вѣдь я тебя не бью!

И, обратившись съ такими разспросами къ другому, къ третьему, наконецъ возвращается домой, или заходитъ выпить рюмку водки къ сосѣду Ивану Никифоровичу, или къ судьѣ, или къ городничему".

Передъ нами весь нравственный обликъ „прекраснѣйшаго" человѣка.

Это полнѣйшій эгоистъ, который не любитъ никого, кромѣ себя, собственнаго комфорта и наслажденія, у котораго даже для голоднаго нищаго нѣтъ ни добраго слова, ни куска хлѣба; тунеядецъ въ полномъ смыслѣ, который отъ бездѣлья считаетъ дынныя сѣмечки и никогда въ жизни не брался ни за какое дѣло, ни за какую работу. Зачѣмъ ему работать? Онъ баринъ, на него работаютъ его крѣпостные мужики, а онъ можетъ прохлаждаться подъ своимъ дубовымъ навѣсомъ, не стѣсняясь ничѣмъ даже одеждами.

Другой, тоже „прекраснѣйшій человѣкъ", Иванъ Никифоровичъ, живетъ также въ своемъ домѣ, бокъ о-бокъ съ Иваномъ Ивановичемъ. Они величайшіе пріятели и одного поля ягоды. Въ основныхъ чертахъ они совершенно похожи другъ на друга, хотя по внѣшности между ними были существенныя различія. Иванъ Ивановичъ имѣлъ даръ говорить очень пріятно.

„Иванъ Никифоровичъ, напротивъ, больше молчитъ; но зато если влѣпитъ словцо, то держись только, — отбреетъ лучше всякой бритвы.

Иванъ Ивановичъ худощавъ и высокаго роста Иванъ Никифоровичъ ниже ростомъ, но зато толще Голова у Ивана Ивановича похожа на рѣдьку хво

стомъ внизъ; голова у Ивана Никифоровича — на рѣдьку хвостомъ вверхъ. У Ивана Ивановича большіе, выразительные глаза табачнаго цвѣта, и ротъ нѣсколько похожъ на букву *ижицу*; у Ивана Никифоровича глаза маленькіе, желтоватые, совершенно пропадающіе между густыхъ бровей и пухлыхъ щекъ, и носъ въ видѣ спѣлой сливы. Иванъ Ивановичъ очень деликатенъ въ обращеніи, никогда не скажетъ неприличнаго слова, и когда потчуетъ кого-нибудь табакомъ, то всегда напередъ лизнетъ языкомъ крышку табакерки, потомъ щелкнетъ по ней пальцемъ и, протягивая ее, говоритъ: „Смѣю ли просить, государь мой, объ одолженіи"? Иванъ Никифоровичъ часто позволяетъ себѣ употреблять довольно грубыя выраженія, и, потчуя табакомъ, даетъ прямо въ руки свой рожокъ, приговаривая только: „Одолжайтесь!"

Впрочемъ, — прибавляетъ авторъ, — несмотря на нѣкоторыя несходства, какъ Иванъ Ивановичъ такъ и Иванъ Никифоровичъ прекрасные люди".

Эти „прекрасные люди" могли бы весь свой вѣкъ прожить спокойно, если бы совершенно неожиданно не возгорѣлась между ними страшнѣйшая ссора. Какъ у всѣхъ пустыхъ, праздныхъ людей, ссора эта началась, конечно, изъ-за пустяка. Разъ какъ-то лѣтнимъ утромъ Иванъ Ивановичъ по обыкновенію лежалъ у себя подъ навѣсомъ.

„Лежа, онъ долго оглядывалъ каморы, дворъ, сараи, куръ, бѣгавшихъ по двору, и думалъ про себя: „Господи, Боже мой, какой я хозяинъ! Чего у меня нѣтъ? Птицы, строенія, амбары, всякая прихоть, водка перегонная, настоенная; въ саду груши, сливы; въ огородѣ макъ, капуста, горохъ... Чего же еще нѣтъ у меня? Хотѣлъ бы я знать, чего нѣтъ у меня?"

Задумавшись надъ этимъ глубокомысленнымъ вопросомъ, Иванъ Ивановичъ случайно перевелъ глаза

на сосѣдній дворъ, а тамъ въ это время тощая баба служанка вытаскивала изъ кладовыхъ и развѣшивала на веревки просушивать старое платье и разныя вещи своего барина. Это зрѣлище заинтересовало Ивана Ивановича; а когда баба вынесла изъ кладовой ружье онъ заволновался. Никогда прежде не видалъ онъ ружья у своего сосѣда. „И на что оно ему? разсуждалъ онъ, — стрѣлять не стрѣляетъ, а ружье держитъ. И какая славная вещица! Я давно хотѣлъ достать себѣ такое“.

У него является мысль сходить къ Ивану Никифоровичу, выпросить у него ружье; а если онъ не подаритъ, вымѣнять его на что-нибудь. Иванъ Ивановичъ тотчасъ же надѣлъ бекешу и отправился къ сосѣду. Какъ человѣкъ тонкаго обращенія, онъ сначала поговорилъ съ нимъ о разныхъ посторонихъ предметахъ, о погодѣ, объ урожаѣ, о политикѣ и ужъ затѣмъ приступилъ къ дѣлу. Иванъ Никифоровичъ, который и не вспомнилъ бы о существованіи ружья, если бы глупая баба не вздумала провѣтривать его вмѣстѣ съ платьемъ, оказалось, крайне дорожилъ имъ. Онъ наотрѣзъ отказался не только подарить, но даже промѣнять ружье.

— Я вамъ дамъ за него бурую свинью, предлагалъ Иванъ Ивановичъ.—Славная свинья! на слѣдующій годъ она вамъ наведетъ поросятъ.

Иванъ Никифоровичъ почему-то сильно обидѣлся на такое предложеніе.

— Вы бы сами посудили хорошенько, говорилъ онъ:—ружье вещь извѣстная, а свинья—это чортъ знаетъ, что такое! Если бы не вы говорили, я бы могъ принять это въ обидную сторону.

Иванъ Ивановичъ прибавилъ къ свиньѣ еще два мѣшка съ овсомъ, и это не помогло.

— Поцѣлуйтесь со своею свиньею, а коли не хотите, такъ съ чортомъ! отрѣзалъ ему Иванъ Никифоровичъ со своею обычною несдержанностью языка.

Деликатный Иванъ Ивановичъ разсердился.

— Вы, Иванъ Никифоровичъ, разносились такъ со своимъ ружьемъ, какъ дурень съ писанною торбою, съ досадой сказалъ онъ.

— А вы, Иванъ Ивановичъ, настоящій *гусакъ*!

Если бы Иванъ Никифоровичъ не сказалъ этого слова, то они поспорили бы между собою и разошлись, какъ всегда, пріятелями; но теперь произошло совсѣмъ другое. Иванъ Ивановичъ весь вспыхнулъ.

— Что вы такое сказали, Иванъ Никифоровичъ? спросилъ онъ, возвысивъ голосъ.

— Я сказалъ, что вы похожи на гусака, Иванъ Ивановичъ.

— Какъ же вы смѣли, сударь, позабывъ и приличіе и уваженіе къ чину и фамиліи человѣка, обезчестить такимъ поноснымъ именемъ?

— Что жъ тутъ поноснаго? Да чего вы въ самомъ дѣлѣ такъ размахались руками, Иванъ Ивановичъ?

Иванъ Ивановичъ былъ внѣ себя отъ гнѣва; губы его дрожали, ротъ его сталъ похожимъ не на ижицу, а на *о*, глазами онъ страшно мигалъ и громко объявилъ, что знать не хочетъ Ивана Никифоровича, что никогда больше ногой не ступитъ въ его домъ.

Старая пріязнь рушилась, и между бывшими друзьями началась злѣйшая вражда. Жители Миргорода, взволнованные такимъ важнымъ событіемъ, старались примирить ихъ, употребляя даже для этой цѣли довольно странное средство, бывшее у нихъ въ большомъ ходу: противниковъ пригласили на обѣдъ къ городничему и послѣ обѣда, во время ко-

тораго они усиленно отвертывались другъ отъ друг. двое миротворцевъ начали подталкивать ихъ сзад. чтобы спихнуть ихъ вмѣстѣ и не выпустить до тѣх поръ, пока они не подадутъ другъ другу руку. Во напрасно! Бывшіе друзья, а теперь враги, преслѣдо вали другъ друга разными мелкими непріятностями, затѣмъ подали другъ на друга жалобу въ суд. Иванъ Ивановичъ обвинялъ Ивана Никифорович въ „зажигательствѣ, въ оскорбленіи моего чина имени и фамиліи и въ хищническомъ присвоеніи соб ственности, а паче всего въ подломъ и предосуди тельномъ присовокупленіи къ фамиліи моей назван. „гусакъ“ и просилъ, кромѣ взысканія съ него штра фа, проторей и убытковъ, забить его въ кандалы посадить въ городскую тюрьму. Иванъ Никифор вичъ шелъ еще дальше и требовалъ, чтобы его пр. тивника не только засадили въ тюрьму, но и сосла. въ Сибирь, на каторгу. Чтобы склонить на сво сторону судей, каждый изъ тяжущихся щедро по. носилъ имъ взятки и разорялъ свое имѣніе. Пр шло пять, десять лѣтъ, а тяжба все тянулась. Об врага постарѣли, посѣдѣли, обѣднѣли, но оба толь и думаютъ, какъ бы отомстить одинъ другому, каждый утѣшался надеждой, что дѣло скоро ко чится въ его пользу.

„Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!“ такъ закан чиваетъ свою повѣсть Гоголь. Дѣйствительно тяже подумать, что изображенныя имъ лица не выдуман что они взяты изъ жизни, что не мало разсѣян всюду такихъ жалкихъ пошляковъ, не подозрѣв ющихъ возможности человѣческой разумной жизн Не просто смѣхъ возбуждаютъ выходки Ивана Ив

новича и Ивана Никифоровича, а смѣхъ, соединенный съ грустью, съ отвращеніемъ къ тому невѣжеству, къ той праздности и лѣни, которыя сдѣлали ихъ такими жалкими и ничтожными.

ГЛАВА VI.

Безспорный успѣхъ.— Новое «полезное дѣло».— Рудый Панько на каѳедрѣ.—«Тарасъ Бульба».

Съ каждымъ новымъ произведеніемъ росла слава Гоголя, какъ художника-реалиста, какъ писателя, умѣвшаго изображать настоящую, дѣйствительную жизнь безъ прикрасъ, успѣвшаго и заинтересовать и заставить задуматься надъ тѣми мелкими обыденными фактами, которые онъ рисовалъ такими живыми красками. Кругъ его читателей и почитателей все болѣе и болѣе распространялся; среди тогдашнихъ писателей онъ былъ уже своимъ человѣкомъ; издатели съ охотой брались печатать все, что выходило изъ-подъ его пера.

Бѣлинскій писалъ о немъ: „Если Гоголь часто и съ умысломъ подшучиваетъ надъ своими героями, то безъ злобы, безъ ненависти; онъ понимаетъ ихъ ничтожность, но не сердится на нее; онъ даже какъ будто любуется ею, какъ любуется взрослый человѣкъ на игры дѣтей, которыя для него смѣшны своею наивностью и которыхъ онъ не имѣетъ желанія раздѣлить. Но тѣмъ не менѣе это все-таки *юморъ*, ибо онъ не щадитъ ничтожества, не скрываетъ и не скрашиваетъ его безобразія, ибо, плѣняя изображеніемъ этого ничтожества, возбуждаетъ къ

нему отвращеніе... Заставить насъ принять живѣй шее участіе въ ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваном Никифоровичемъ, насмѣшить насъ до слезъ глупо стями, ничтожностью и юродствомъ этихъ живых пасквилей на человѣчество—это удивительно; но за ставить насъ потомъ пожалѣть объ этихъ идіотах пожалѣть отъ всей души, заставить насъ разстать съ ними съ какимъ-то глубоко грустнымъ чувством заставить насъ всплакнуть вмѣстѣ съ собою: „Скучн на этомъ свѣтѣ, господа“! вотъ, вотъ оно то бож ственное искусство, которое называется творчеством вотъ онъ тотъ художническій талантъ, для котора гдѣ жизнь, тамъ и поэзія!“

Гоголь, понятно, не оставался равнодушнымъ к такимъ успѣхамъ. Они радовали его, они возбужда въ немъ довѣріе къ собственнымъ силамъ, но он все-таки не вполнѣ удовлетворяли его. Онъ все ещ не признавалъ за своими произведеніями какого-н будь серіознаго значенія.

— Почитаютъ ихъ, посмѣются, поговорятъ нихъ нѣсколько времени, вотъ и все, разсужда онъ, — добра они никому не могутъ принести! Э вовсе не то великое общеполезное дѣло, которому долженъ посвятить жизнь!

И онъ все продолжалъ искать этого дѣла. К государственной службѣ, послѣ перваго горька опыта, сердце его уже не лежало; учительство тож разочаровало его, но приготовленіе къ урокамъ з ставило его прочитать нѣсколько сочиненій и стат по исторіи. Въ воображеніи его создались широ картины изъ жизни народовъ, и вотъ онъ рѣши что какъ ученый, какъ профессоръ, вліяющій на у

своихъ слушателей, онъ можетъ быть дѣйствительно полезнымъ человѣкомъ.

Въ 1834 году открывался Кіевскій университетъ и Гоголь сталъ хлопотать, чтобы ему дали тамъ каѳедру исторіи. Хлопоты эти не увѣнчались успѣхомъ. Гоголь былъ такъ огорченъ, что Жуковскій и Пушкинъ, чтобы утѣшить своего молодого друга, добились для него званія адъюнктъ-профессора всеобщей исторіи при Петербургскомъ университетѣ.

Гоголь былъ въ восторгѣ и съ увлеченіемъ засѣлъ за чтеніе разныхъ историческихъ сочиненій. Онъ писалъ своимъ друзьямъ, что намѣренъ написать исторію Малороссіи и кромѣ того составить „Исторію среднихъ вѣковъ" томахъ въ 8, 9, а можетъ-быть, и больше.

Ученые люди и прфессора Петербургскаго университета были оскорблены тѣмъ, что каѳедру получилъ по протекціи молодой человѣкъ, извѣстный, какъ авторъ нѣсколькихъ повѣстушекъ, но не какъ ученый. Зато студенты, полюбившіе Гоголя за его произведенія, съ нетерпѣніемъ и любопытствомъ ожидали новаго лектора. Его первая лекція привела ихъ въ восторгъ. Смѣлыми красками, живыми картинами изобразилъ онъ имъ весь мракъ средне-вѣковой жизни. Они слушали его съ напряженнымъ вниманіемъ. Лекція продолжалась три четверти часа, и въ концѣ ея молодой профессоръ заявилъ:

— На первый разъ я старался, господа, показать вамъ только главный характеръ исторіи среднихъ вѣковъ; въ слѣдующій разъ мы примемся за самые факты и должны будемъ для этого вооружиться анатомическимъ ножомъ.

Но, увы, именно фактовъ-то и не было въ ра поряженіи новоиспеченнаго историка, а кропотли подбирать ихъ, свѣрять, „анатомировать“, какъ он выражался,—на это онъ былъ вовсе не способен Вторую свою лекцію онъ началъ громкой фразо „Азія была всегда какимъ-то народовержущимъ ву каномъ“, затѣмъ очень вяло и безжизненно погов рилъ о переселеніи народовъ, указалъ слушателям нѣсколько курсовъ по исторіи и черезъ 20 мину сошелъ съ каѳедры. Слѣдующія лекціи были въ т комъ же родѣ.

Въ головѣ Гоголя толпились образы различны Ивановъ Ивановичей и Ивановъ Никифоровиче разныхъ малорусскихъ сказочныхъ героевъ и уда цовъ-казаковъ; въ ней не укладывались стройны рядами тѣ сухіе факты, тѣ хронологическія данны которыя онъ вычитывалъ изъ разныхъ матеріалов Самые эти факты возбуждали его воображеніе, ист рическія личности воплощались въ головѣ его живыхъ людей, въ героевъ романовъ и драмъ, к торые онъ задумывалъ писать.

Но студентовъ нельзя было занимать плана своихъ будущихъ произведеній, имъ нужна бы наука, а эта наука плохо давалась художнику-бе летристу. Онъ читалъ скучно, мертво, повторялъ что можно было найти въ любомъ курсѣ, не дава ничего своего, ничего свѣжаго, оригинальнаго. Ст денты зѣвали на его лекціяхъ и неохотно посѣща ихъ, а въ коридорахъ университета слышались та разговоры:

— Скажите, господа, неужели этотъ Гогол

Яновскій тотъ самый Рудый Панько, который писалъ „Вечера на хуторѣ“?

— Да, конечно, Рудый Панько его псевдонимъ.

— Да не можетъ быть! Этотъ Яновскій полнѣйшая бездарность, а вѣдь Рудый Панько одинъ восторгъ! Какъ мы смѣялись, когда читали его „Вечера!“

— У Яновскаго не засмѣешься! скорѣй заснешь!

Еще только одинъ разъ удалось Гоголю показать своимъ слушателямъ, что онъ, и какъ лекторъ, не бездарность. Жуковскій и Пушкинъ обѣщали прійти въ университетъ послушать, какъ онъ читаетъ, и Николай Васильевичъ постарался хорошенько подготовиться, чтобы не ударить въ грязь лицомъ передъ людьми, мнѣніемъ которыхъ страшно дорожилъ. Можетъ-быть, присутствіе ихъ одушевило его, можетъ-быть, тема была ему по душѣ, но онъ прочелъ „Взглядъ на исторію аравитянъ“ такъ же увлекательно, живо и картинно, какъ и свою вступительную лекцію. Кромѣ этихъ двухъ лекцій всѣ остальныя были крайне слабы. Скука и недовольство, выражавшіяся на лицахъ слушателей, не могли не дѣйствовать удручающе на Гоголя. Онъ понялъ, что опять взялся не за свое дѣло, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше тяготился своимъ профессорствомъ. Въ письмѣ къ одному изъ своихъ знакомыхъ въ Москву онъ сообщалъ, что задумываетъ комедію, что она не выходитъ у него изъ головы. „Примусь за исторію, говоритъ онъ, — передо мною движется сцена, шумятъ аплодисменты; рожи высовываются изъ ложъ, изъ райка, изъ креселъ и оскаливаютъ зубы, и исторія къ чорту!“

Ученыя занятія Гоголя продолжалась года по
тора, не больше. Начальство университета предлож
ему выдержать экзаменъ на доктора-философ
если онъ желаетъ сдѣлаться профессоромъ, или
всѣмъ оставить каѳедру. Гоголь не колеблясь
бралъ второе.

„ Теперь вышелъ я на свѣжій воздухъ, писа
онъ потомъ.—Это освѣженіе нужно въ жизни, ка
цвѣтамъ дождь, какъ засидѣвшемуся въ кабин
прогулка.„

Занятія Гоголя исторіей не пропали даромъ. П
домъ ихъ, кромѣ нѣсколькихъ отрывковъ истори
скихъ романовъ и драмъ, явилась повѣсть „Тара
Бульба“, эта яркая картина жизни вольнаго ка
чества, яркая иллюстрація къ исторіи Запорожс
Сѣчи и всей Украйны. Въ „Тарасѣ Бульбѣ“ нѣ
тѣхъ ничтожныхъ, забитыхъ, пошлыхъ людей,
кихъ Гоголь выставляетъ въ своихъ разсказахъ
современной жизни, да ихъ не могло быть ср
стараго казачества, среди этихъ удальцовъ, закал
ныхъ въ постоянной борьбѣ съ воинственными
сѣдями.

Тарасъ Бульба былъ настоящій казакъ, каз
до мозга костей. Выше вѣры православной да
зацкаго товарищества для него ничего не было
землѣ. Бить „басурманъ“, татаръ, турокъ, жид
а при случаѣ и поляковъ, которые въ его глаз
были тоже „нехристями“, — считалъ онъ долг
каждаго порядочнаго человѣка; измѣнить въ че
нибудь товариществу было въ его глазахъ велич
шимъ преступленіемъ. У него было свое хозяйст
довольно богатый домъ, любящая жена, но онъ

дорожилъ всѣмъ этимъ. Тихая, покойная жизнь была ему не по сердцу. Настоящая жизнь для него въ Запорожской Сѣчи, гдѣ онъ провелъ молодость, среди казаковъ, на войнѣ. Жену свою онъ любилъ, но презиралъ, какъ существо слабое, какъ бабу, которая не можетъ принять участія въ военныхъ подвигахъ, и держалъ въ полномъ повиновеніи. Двухъ своихъ сыновей онъ отдалъ учиться въ Кіевскую академію, гдѣ полудикихъ казачатъ обучали съ помощью розогъ и плетей латинскому языку, ни къ чему не нужному имъ; а когда они по окончаніи ученья вернулись домой рослыми, красивыми юношами, рѣшилъ немедленно везти ихъ въ настоящее гнѣздо казачества, въ Запорожскую Сѣчь; показать своимъ старымъ сотоварищамъ и тамъ же обучить ратному дѣлу.

Трогательными чертами описываетъ Гоголь горе бѣдной матери, которая послѣ долгой разлуки не успѣла еще вдоволь наглядѣться на своихъ дорогихъ сыновей и уже должна снова разставаться съ ними.

„Ночь еще только что обняла небо; но Бульба всегда ложился рано. Онъ развалился на коврѣ (среди двора), накрылся бараньимъ тулупомъ, потому что ночной воздухъ былъ довольно свѣжъ и потому что Бульба любилъ укрыться потеплѣе, когда былъ дома. Онъ вскорѣ захрапѣлъ, и за нимъ послѣдовалъ весь дворъ; все, что ни лежало въ разныхъ углахъ его, захрапѣло и запѣло. Прежде всего заснулъ сторожъ, потому что болѣе всѣхъ напился для пріѣзда панычей.

Одна бѣдная мать не спала. Она приникла къ изголовью дорогихъ сыновей своихъ, лежавшихъ рядомъ; она расчесывала гребнемъ ихъ молодыя небрежно всклоченныя кудри и смачивала ихъ слезами.

Она глядѣла на нихъ 'вся глядѣла всѣми чувствами вся превратилась въ одно зрѣніе и не могла наглядѣться. Она вскормила ихъ собственною грудью, она возрастила, взлелѣяла ихъ—и только на одинъ мигъ видитъ ихъ передъ собой. „Сыны мои, сыны мои милые! что будетъ съ вами? что ждетъ васъ?" говорила она, и слезы остановились въ морщинахъ измѣнившихъ прекрасное когда-то лицо ея. Въ самомъ дѣлѣ, она была жалка, какъ всякая женщина того удалого вѣка. Она видѣла мужа въ годъ два три дня, и потомъ нѣсколько лѣтъ о немъ не бывало слуху. Да и когда видѣлась съ нимъ, когда они жили вмѣстѣ, что за жизнь ея была? Она терпѣла оскорбленія, даже побои; она видѣла ласки оказываемыя только изъ милости; она была какое-то странное существо въ этомъ сборищѣ безженныхъ рыцарей, на которыхъ разгульное Запорожье набрасывало суровый колоритъ свой. Вся любовь, всѣ чувства, все, что есть нѣжнаго и страстнаго въ женшинѣ, все обратилось у нея въ одно материнское чувство. Она съ жаромъ, со страстью, со слезами какъ степная чайка вилась надъ дѣтьми своими. Е сыновей, ея милыхъ сыновей берутъ отъ нея,—берутъ для того, чтобы не увидѣть ихъ никогда! Кто знаетъ можетъ-быть, при первой битвѣ татаринъ срубитъ имъ головы, и она не будетъ знать, гдѣ лежатъ брошенныя тѣла ихъ, которыя расклюетъ хищная подорожная птица; а за каждую каплю крови ихъ она отдала бы себя всю. Рыдая, глядѣла она имъ въ очи, когда всемогущій сонъ начиналъ уже смыкать ихъ, и думала: авось-либо Бульба, проснувшись, отсрочитъ денька на два отъѣздъ; можетъ-быть, онъ задумалъ оттого такъ скоро ѣхать, что много выпилъ".

Напрасная надежда! Едва занялась заря, Тарасъ всталъ, разбудилъ сыновей и сталъ готовиться въ дорогу. Молодые люди надѣли живописный казацкій костюмъ, вскочили на коней и вмѣстѣ съ отцомъ

десяткомъ сопровождавшихъ ихъ казаковъ двинулись въ путь.

Ѣхать имъ пришлось чудною травяною степью, покрывавшею въ то время нынѣшнія южныя губерніи Россіи до самаго Чернаго моря, и Гоголь даетъ намъ яркое описаніе этой степи:

„Вся поверхность земли представлялась зелено-золотымъ океаномъ, по которому брызнули милліоны разныхъ цвѣтовъ. Сквозь тонкіе, высокіе стебли травы сквозили голубыя, синія и лиловыя волошки; желтый дрокъ выскакивалъ вверхъ своею пирамидальною верхушкою; бѣлая кашка зонтикообразными шапками пестрѣла на поверхности; занесенный, Богъ знаетъ откуда, колосъ пшеницы наливался въ гущѣ. Подъ тонкими ихъ корнями шныряли куропатки, вытянувъ свои шеи. Воздухъ былъ наполненъ тысячью разныхъ птичьихъ свистовъ. Въ небѣ неподвижно стояли ястребы, распластавъ свои крылья и неподвижно устремивъ глаза свои въ траву“...

Сѣчь помѣщалась въ то время на островѣ Хортицѣ за днѣпровскими порогами и представляла совершенно своеобразное сборище удальцовъ. Женщины не допускались туда; у запорожскихъ казаковъ не было ни семьи, ни собственнаго хозяйства. Вообще же они принимали въ свое товарищество всѣхъ, кто желалъ. Къ нимъ приходили безбородые юноши, бѣжавшіе отъ розогъ учителя или отъ побоевъ отца, крестьяне, разоренные помѣщиками, промотавшіеся кутилы, разбойники, мечтавшіе о грабежахъ, преступники, спасавшіеся отъ наказанія, безпокойныя головы, не мирившіяся со спокойною, однообразною жизнью, оскорбленные и озлобленные люди, искавшіе мести. Отъ приходившихъ требовали одного, чтобы они были христіане, притомъ православные.

Запорожцы сочиняютъ отв[illegible] хану. (Картина И. Е. Рѣпина,

— Вѣруешь ли во Христа? спрашивали у всякаго, кто изъявлялъ желаніе сдѣлаться казакомъ.

— Вѣрую!

— И въ Троицу Святую вѣруешь?

— Вѣрую!

— И въ церковь ходишь?

— Хожу!

— А ну, перекрестись!

Пришедшій крестился и послѣ этого становился членомъ товарищества, пользовался одинаковыми правами съ остальными, подчинялся всѣмъ правиламъ ихъ общежитія.

Въ мирное время нѣкоторые казаки занимались кое-какими ремеслами или торговлей, другіе ходили на охоту и на рыбную ловлю, а очень многіе проводили цѣлые дни въ попойкахъ, кутежахъ, веселыхъ танцахъ и пѣсняхъ или бесѣдахъ о былыхъ подвигахъ. Впрочемъ, мирное время обыкновенно не долго продолжалось въ Сѣчи.

Вскорѣ по пріѣздѣ Тараса съ сыновьями получено было извѣстіе, что поляки тѣснятъ православныхъ, что польскіе паны сдаютъ православныя церкви на аренду евреямъ, которые разрѣшаютъ совершать богослуженія не иначе, какъ за плату; ксендзы ѣздятъ по Украйнѣ въ таратайкахъ. въ которыхъ впрягаютъ не коней, а православныхъ христіанъ, казацкій гетманъ замученъ, казацкіе полковники казнены.

Заволновалась Сѣчь. Единодушно рѣшено было „итти прямо на Польшу, отомстить за все зло и посрамленіе вѣры и казацкой славы, набрать добычи съ городовъ, зажечь пожаръ по деревнямъ и хлѣбамъ, пустить далеко по степи о себѣ славу."

Священникъ отслужилъ молебенъ, окропилъ всѣхъ

святою водою, и скоро далеко по степи вытянулся казачій таборъ.

Ужасъ и разореніе несли съ собой эти воины, защитники вѣры Христовой. Они жгли деревни, мѣстечки, монастыри, угоняли или убивали скотъ, грабили дома, топтали засѣянныя поля. Жители въ страхѣ разбѣгались, тѣ же, которые думали сопротивляться, гибли отъ рукъ запорожцевъ, считавшихъ неудобнымъ забирать плѣнныхъ. Наскоро собранные отряды польскаго войска не могли остановить удалой дружины и терпѣли пораженіе за пораженіемъ. Среди этой боевой жизни сыновья Тараса быстро превратились изъ неопытныхъ юношей въ отважныхъ воиновъ.

Остапъ, болѣе спокойный и хладнокровный, дѣйствовалъ всегда твердо, умно, расчетливо, умѣлъ уклониться отъ напрасной опасности и вѣрной рукой нанести врагу тяжелый ударъ.

— „О, да этотъ будетъ современемъ добрый полковникъ! говорилъ старый Тарасъ:—ей-ей, будетъ добрый полковникъ, да еще такой, что и батька за поясъ заткнетъ“.

Болѣе пылкій Андрій находилъ какое то наслажденіе въ битвѣ и часто въ увлеченіи производилъ такія чудеса храбрости, которымъ изумлялись даже старые воины.

„Дивился старый Тарасъ и говорилъ:—И это добрый—врагъ бы не взялъ его!—вояка! Не Остапъ, а добрый, добрый также вояка“!

Опустошивъ пограничныя области, запорожцы двинулись на городъ Дубно, гдѣ надѣялись поживиться грабежомъ. Но городъ оказался хорошо укрѣпленнымъ, съ сильнымъ гарнизономъ. Нѣсколько

отчаянныхъ приступовъ казаковъ было отбито, и тогда они осадили городъ, чтобы голодомъ принудить его къ сдачѣ.

Осада затянулась. Андрій скучалъ бездѣйствіемъ и вдругъ онъ получилъ извѣстіе, что одна красавица-панночка, съ которой онъ случайно познакомился въ Кіевѣ, находится въ осажденномъ городѣ что она, какъ и прочіе осажденные, умираетъ отъ голода и умоляетъ рыцаря дать кусокъ хлѣба, если не ей, то хотя ея бѣдной, старой матери. Андрій живо вспомнилъ блестящую красавицу, и сердце его сжалось отъ жалости. Онъ наложилъ цѣлый мѣшокъ хлѣба, разной крупы и тайнымъ ходомъ пробрался въ осажденный городъ. Послѣ этого онъ не являлся больше въ станъ запорожцевъ, и скоро стало извѣстно, что онъ измѣнилъ своимъ и перешелъ на сторону поляковъ. Долго не вѣрилъ Тарасъ страшнымъ вѣстямъ о сынѣ, долго утѣшалъ онъ себя надеждой, что тотъ попалъ въ плѣнъ при одной изъ вылазокъ осажденныхъ и томится у нихъ въ неволѣ.

И вотъ однажды, когда осажденный городъ получилъ въ подкрѣпленіе новыя войска, и ряды осаждающихъ сильно порѣдѣли вслѣдствіе безпрерывныхъ стычекъ, изъ городскихъ воротъ выѣхалъ гусарскій полкъ, краса польской арміи. Впереди всѣхъ, одѣтый въ щегольской гусарскій мундиръ ѣхалъ Андрій, такой же красавецъ, какъ прежде, такъ же, какъ прежде, увлеченный жаромъ битвы онъ несся на своемъ дорогомъ аргамакѣ и сыпалъ удары направо и налѣво. Тарасъ узналъ сына.

— Эй, хлопцы! закричалъ онъ своимъ,—заманите мнѣ его въ лѣсъ!

Заманить пылкаго Андрія было не мудрено. Онъ погнался за ударившимъ его казакомъ и очутился передъ отцомъ.

— „Ну, что же мы теперь будемъ дѣлать? сказалъ Тарасъ, смотря прямо ему въ очи.

Но ничего не могъ на то сказать Андрій и стоялъ, потупивши въ землю очи.

— Чго, сынку, помогли тебѣ твои ляхи?

Андрій былъ безотвѣтенъ.

— Такъ продать? продать вѣру? продать своихъ? Стой же, слѣзай съ коня!

Покорно какъ ребенокъ слѣзъ онъ съ коня и остановился ни живъ, ни мертвъ передъ Тарасомъ.

— Стой и не шевелись! Я тебя породилъ, я тебя и убью! сказалъ Тарасъ и, отступивши шагъ назадъ, снялъ съ плеча ружье. Блѣденъ какъ полотно былъ Андрій... Тарасъ выстрѣлилъ. Какъ хлѣбный колосъ, подрѣзанный серпомъ, какъ молодой барашекъ, почуявшій подъ сердцемъ смертельное желѣзо, повисъ онъ головой и повалился на траву, не сказавши ни слова".

Рука суроваго отца не дрогнула, но, свершивши казнь, онъ долго не могъ оторваться отъ безжизненнаго тѣла сына.—„Чѣмъ бы не казакъ былъ? говорилъ онъ, глядя на мужественное все еще красивое лицо мертвеца,—и станомъ высокій, и чернобровый, и рука была крѣпка въ бою! Пропалъ! пропалъ безславно, какъ подлая собака".

Поляки все больше и больше тѣснили казаковъ. Тарасъ вернулся къ своимъ и ринулся въ бой. Но запорожцевъ было мало, поляки подавляли ихъ числомъ; скоро израненный Остапъ былъ на глазахъ

отца взятъ въ плѣнъ, и самъ Тарасъ получилъ оглушающій ударъ въ голову. Увезенный съ поля битвы своими, весь израненный, избитый, онъ долго находился между жизнью и смертью, но въ концѣ концовъ все-таки оправился и тотчасъ отправился разыскивать сына своего Остапа. Остапъ находился въ это время въ варшавской тюрьмѣ, приговоренный судомъ къ страшнымъ пыткамъ и смерти. Несмотря на всѣ старанія, Тарасу не удалось пробраться къ сыну въ тюрьму, но онъ пошелъ на площадь, гдѣ должна была происходить казнь. Остапъ съ геройскимъ мужествомъ выносилъ адскія муки, которымъ его подвергали. Ни крика, ни стона не вырвалось у него. А Тарасъ, стоя въ толпѣ, одобрительно шепталъ.

— Добре, сынку, добре!

Въ послѣднія предсмертныя минуты сила воли какъ будто стала оставлять молодого воина. Онъ обвелъ глазами площадь,—все чужія, незнакомыя лица! Ему страстно захотѣлось передъ смертью увидать кого-нибудь изъ близкихъ,—не мать, она стала бы слишкомъ сокрушаться,—а твердаго человѣка, который подкрѣпилъ и ободрилъ бы его своимъ словомъ, и онъ воскликнулъ:

— „Батько! гдѣ ты? слышишь ли ты все это?

— Слышу! раздалось среди всеобщей тишины и весь милліонъ народа въ одно время вздрогнулъ"

Тарасъ остался жить и всю свою жизнь посвятилъ мести за погибшихъ сыновей. Онъ гулялъ со своимъ полкомъ по Польшѣ, выжегъ восемнадцать мѣстечекъ, до сорока костеловъ, дошелъ чуть не до Кракова, разграбилъ множество панскихъ замковъ.

предавалъ огню не только дорогія вещи, хранившіяся въ нихъ, но и самихъ жителей, не щадя ни женщинъ, ни дѣтей, не обращая вниманія на слезы, на мольбы о пощадѣ.

— Это вамъ, вражьи ляхи, поминки по Остапѣ! приговаривалъ онъ, и даже сами казаки находили, что онъ слишкомъ жестокъ, слишкомъ свирѣпъ.

Наконецъ польское правительство выслало противъ него большой отрядъ войска, которому удалось одолѣть Тараса. Большая часть его товарищей были перебиты, другіе спаслись бѣгствомъ, а Тарасъ, взятый въ плѣнъ, былъ приговоренъ къ мучительной смерти: его привязали къ высокому дереву, а у подножія дерева разложили костеръ. Но и въ послѣднія минуты жизни онъ думалъ не о себѣ, не объ ожидавшей его пыткѣ, а о товарищахъ, спасавшихся бѣгствомъ. Съ высокаго дерева ему видна была окрестность. Онъ взглянулъ внизъ, гдѣ сверкалъ Днѣстръ.

„Радость блеснула въ очахъ его. Онъ увидѣлъ выдвинувшіяся изъ-за кустарника четыре кормы, собралъ всю силу голоса и зычно закричалъ: „Къ берегу, къ берегу хлопцы! Спускайтесь подгорной дорожкой, что налѣво. У берега стоятъ челны,—всѣ забирайте, чтобы не было погони“! Но за такой совѣтъ достался ему тутъ же ударъ обухомъ по головѣ, который переворотилъ все въ глазахъ его. Когда очнулся Тарасъ Бульба отъ удара и глянулъ на Днѣстръ, казаки уже были на челнахъ и гребли веслами; пули сыпались на нихъ сверху, но не доставали. И вспыхнули радостныя очи у стараго атамана:

— Прощайте, товарищи! кричалъ онъ имъ сверху.—Вспоминайте меня и будущей весной прибывайте сюда вновь да хорошенько погуляйте! Что

взяли, чортовы ляхи? Думаете, есть что-нибудь на свѣтѣ, чего бы побоялся казакъ?“

И погибъ неустрашимый герой, дикій, необузданный Бульба!

При нашихъ болѣе мягкихъ нравахъ, мы не можемъ безъ ужаса читать о тѣхъ звѣрствахъ, какія казаки продѣлывали въ Польшѣ; ихъ необузданныя страсти, ихъ дикая удаль слишкомъ чужды намъ. А между тѣмъ мы чувствуемъ къ нимъ невольное уваженіе, мы невольно увлекаемся ихъ отважными подвигами. Мастеръ-художникъ сумѣлъ показать намъ, что подъ ихъ грубою оболочкою скрывается сердце, полное великодушія и самоотверженія, полное беззавѣтной любви къ родинѣ, геройской готовности страдать и умереть за товарищей, и ради этой любви, этого самоотверженія мы прощаемъ имъ и ихъ жестокость и ихъ дикость.

ГЛАВА VII.

Пушкинъ и Гоголь.—Веселыя собранія.—«Шинель».—«Ревизоръ».—Еще разбитыя мечты.—Отъѣздъ за границу.

Послѣ своихъ неудачныхъ попытокъ сдѣлаться ученымъ и образцовымъ преподавателемъ, Гоголь окончательно посвятилъ себя литературной дѣятельности. Въ этомъ особенно поддерживалъ его Пушкинъ и весь тотъ кружокъ писателей, среди которыхъ онъ въ это время жилъ. Всякая новая вещь, которая выходила изъ-подъ пера его, читалась въ этомъ кружкѣ и возбуждала искреннее восхи

щеніе; молодого автора хвалили, поощряли писать еще и еще.

— Вы обладаете удивительнымъ даромъ подмѣчать пошлость, мелочность человѣка, ускользающую отъ другихъ, и выставлять ее такъ ярко, что она всякому бросается въ глаза. Это великій даръ,— вы не должны имъ пренебрегать! Пишите больше, пусть все, что создается въ вашей головѣ, переходитъ на бумагу! твердилъ ему Пушкинъ.

Гоголь высоко ставилъ мнѣнія великаго писателя. Самъ онъ недовѣрчиво относился къ своимъ произведеніямъ и обыкновенно находилъ, что ему не удается передать на бумагѣ тѣхъ образовъ, которые такъ ярко, живо рисовались его воображенію; но если Пушкинъ хвалилъ что-нибудь, написанное имъ, онъ успокаивался, онъ вѣрилъ, что вышло недурно. Часто давалъ онъ на просмотръ Пушкину черновики своихъ разсказовъ. Пушкинъ прочитывалъ ихъ и дѣлалъ кое-какія поправки и замѣчанія, которыя Гоголь всегда принималъ съ благодарностью.

Своихъ связей съ прежними нѣжинскими товарищами и съ другими малороссами, жившими въ въ Петербургѣ, Гоголь не прерывалъ, но кругъ его знакомства значительно расширился, и теперь въ его скромной квартикѣ собиралось довольно многочисленное и очень разнообразное общество: кромѣ нѣжинцевъ, тутъ были писатели, художники, актеры,— между прочимъ знаменитый актеръ Щепкинъ,—мелкіе чиновники, молодые люди, пріѣхавшіе въ Петербургъ искать счастья. Все время велись оживленные разговоры, обсуждались разныя новости въ литературномъ, художественномъ и театральномъ мірѣ,

разсказывались анекдоты, пѣлись и сочинялись юм ристическіе куплеты, читались вновь выходивш стихотворенія. Гоголь читалъ очень хорошо и вы разительно. Онъ благоговѣлъ передъ произведенія Пушкина и спѣшилъ подѣлиться съ пріятеля всякой новинкой, выходившей изъ-подъ пера ег Его остроты, его мѣткія юмористическія замѣчан высказываемыя обыкновенно съ невозмутимою серіо ностью, поддерживали оживленное настроеніе г стей. Но среди самыхъ горячихъ разговоровъ и сп ровъ тонкая наблюдательность ни на минуту оставляла Гоголя; онъ какъ-то невольно слѣдилъ всѣми окружающими и подмѣчалъ тайныя поб жденія каждаго. Нерѣдко случалось, что онъ вдру обрывалъ какой-нибудь разговоръ и вниматель прислушивался къ разсказу кого-нибудь изъ гост разсказу, казавшемуся другимъ совсѣмъ не особен интереснымъ, и послѣ сидѣлъ нѣсколько мину задумчивый, разсѣянный. Оказывалось, что это разсказъ заронилъ въ его душу неясные обра которые онъ воплощалъ впослѣдствіи въ свои произведеніяхъ. Разъ одинъ старичокъ, помѣстивш своего родственника въ больницу для душев больныхъ, сталъ разсказывать о жизни и прив кахъ сумасшедшихъ. Говорилъ онъ вяло, несвяз никому не хотѣлось слушать его; но Гоголь подсѣ къ нему ближе, разспрашивалъ его и такъ вни тельно отнесся къ его разглагольствованіямъ, совсѣмъ очаровалъ его. А черезъ нѣсколько мени вышли въ свѣтъ его „Записки сумасшедшаго это мастерское произведеніе, съ удивительною пр дивостью передающее постепенное развитіе болѣ и ощущенія несчастнаго помѣшаннаго.

Въ другой разъ чиновникъ разсказалъ случай, происшедшій съ однимъ изъ его товарищей. Этотъ товарищъ, скромный канцеляристъ, былъ въ то же время страстный охотникъ. Онъ получалъ очень небольшое жалованье, но путемъ невѣроятной экономіи, часто отказывая себѣ даже въ необходимомъ и работая сверхъ положенныхъ часовъ, онъ успѣлъ скопить достаточно денегъ на покупку хорошаго ружья. Въ первый разъ онъ со своей обновкой выѣхалъ въ маленькой лодочкѣ на Финскій заливъ охотиться на птицъ; онъ работалъ веслами, а ружье положилъ передъ собою на носъ лодки и, какъ самъ потомъ признавался, находился въ какомъ-то самозабвеніи. Вдругъ, о ужасъ, драгоцѣнное ружье исчезло! Должно-быть, оно зацѣпилось за тростникъ, черезъ который пробиралась лодка, и упало въ воду. Всѣ старанія отыскать его оказались напрасными. Несчастный чиновникъ вернулся домой въ полномъ отчаяніи и заболѣлъ горячкою. Его товарищи-чиновники сжалились надъ нимъ, составили жежду собой подписку и купили ему новое ружье. Только это и спасло его жизнь; но о страшномъ событіи на лодкѣ онъ все-таки не могъ вспоминать безъ ужаса.

Присутствующіе смѣялись надъ чиновникомъ-охотникомъ и надъ его бѣдой, но Гоголь слушалъ молча, а какъ только гости разошлись, усѣлся за свой письменный столъ и набросалъ очеркъ, изъ котораго впослѣдствіи выработался одинъ изъ лучшихъ разсказовъ его „Шинель". Этотъ разсказъ, въ который онъ вложилъ не мало своихъ личныхъ наблюденій изъ департаментскаго міра, даетъ намъ полную исторію забитаго, мелкаго чиновничка, жал-

каго и въ то же время трогательнаго по своей безпо-мощности и безотвѣтственности. Звали его Акакій Акакіевичъ Башмачкинъ. Онъ былъ низенькаго ро-ста, рябоватъ, рыжеватъ, какъ будто нѣсколько под-слѣповатъ, съ лысиной на лбу и морщинами на ще-кахъ.

„Сколько ни перемѣнилось директоровъ и вся-кихъ начальниковъ, его видѣли все на одномъ и томъ же мѣстѣ, въ томъ же положеніи, въ той же самой должности, тѣмъ же чиновникомъ для письма, такъ что потомъ увѣрились, что онъ, видно, такъ и ро-дился на свѣтъ уже совершенно готовымъ, въ виц-мундирѣ и съ лысиной на головѣ. Сторожа не только не вставали съ мѣстъ, когда онъ проходилъ, но даже не глядѣли на него, какъ будто бы черезъ пріемную пролетѣла простая муха. Начальники поступали съ нимъ какъ-то холодно-деспотически. Какой-нибудь помощникъ столначальника прямо совалъ ему под-но.ъ бумаги, не сказавъ даже: „Перепишите!: или „Вотъ интересное, хорошенькое дѣльце“, или что-ни-будь пріятное, какъ употребляется въ благовоспитан-ныхъ службахъ. И онъ бралъ, посмотрѣвъ только на бумагу, не глядя, кто ему подложилъ ее, имѣлъ ли на то право; онъ бралъ и тутъ же пристраивался пи-сать ее. Молодые чиновники подсмѣивались и острили надъ нимъ, во сколько хватало канцелярскаго остро-умія; разсказывали тутъ же передъ нимъ разныя соста-вленныя про него исторіи, сыпали на голову ему бу-мажки, называя это снѣгомъ. Но ни одного слова не отвѣчалъ на это Акакій Акакіевичъ, какъ будто бы никого и не было передъ нимъ. Это не имѣло даже вліянія на занятія его: среди всѣхъ этихъ докукъ онъ не дѣлалъ ни одной ошибки въ письмѣ. Только если ужъ слишкомъ была невыносима шутка, онъ произносилъ: „Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня оби-жаете?“ И что-то странное заключалось въ словахъ и въ голосѣ, съ какимъ они были произнесены. В

немъ слышалось что-то такое преклоняющее на жалость, что одинъ молодой человѣкъ“, только что поступившій на службу и увлекавшійся дурнымъ примѣромъ, вдругъ остановился пораженный. Онъ сразу понялъ, какъ много грубаго и безчеловѣчнаго было въ тѣхъ людяхъ, которыхъ онъ считалъ за вполнѣ порядочныхъ.

„И долго потомъ, среди самыхъ веселыхъ минутъ, представлялся ему низенькій чиновникъ съ лысинкою на лбу, со своими проникающими словами: „Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?“ И въ этихъ проникающихъ словахъ звенѣли другія слова: „Я братъ твой“.

Акакій Акакіевичъ служилъ не только усердно, но и съ любовью. Онъ не старался добираться до смысла того, что писалъ, онъ просто списывалъ слово за словомъ, букву за буквой. Это до того притупило умъ его, что ничего другого онъ уже не умѣлъ и дѣлать. Не только сочинять, но даже нѣсколько измѣнить бумагу было ему не по силамъ; онъ могъ только списывать да переписывать, но зато „въ этомъ переписываніи ему видѣлся какой-то свой разнообразный и пріятный міръ. Наслажденіе выражалось на лицѣ его; нѣкоторыя буквы у него были фавориты, до которыхъ, если онъ добирался, то былъ самъ не свой: и подсмѣивался, и подмигивалъ, и помогалъ губами, такъ что въ лицѣ его, казалось, можно было прочесть всякую букву, которую выводило перо его“.

Ничего кромѣ службы не зналъ Акакій Акакіевичъ. Никогда не бывалъ онъ ни въ театрѣ, ни въ гостяхъ у знакомыхъ. Изъ департамента онъ шелъ прямо домой, не обращая вниманія ни на что окру-

жающее, обѣдалъ чѣмъ и какъ попало, послѣ обѣда переписывалъ бумаги, взятыя на домъ, и, написавшись всласть, ложился спать, улыбаясь заранѣе при мысли о завтрашнемъ днѣ: что-то Богъ пошлетъ переписать завтра? Такъ день за день шла жизнь этого жалкаго человѣка, даже не сознававшаго всей ничтожности своего существованія, и мирно дошла бы до конца, если бы на него неожиданно не обрушилось несчастіе.

Акакій Акакіевичъ обыкновенно не обращалъ никакого вниманія на свой костюмъ, но въ зимніе морозы онъ, по дорогѣ въ департаментъ и обратно, сталъ чувствовать, что его какъ-то особенно припекаетъ въ спину и въ плечо, хотя онъ и старался какъ можно скорѣе перебѣжать законное пространство. Онъ осмотрѣлъ свою шинель, служившую ему уже много лѣтъ и за свой странный фасонъ получившую отъ насмѣшниковъ-чиновниковъ названіе „капота", и съ огорченіемъ замѣтилъ, что сукно и подкладка ея въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совсѣмъ протерлись. Онъ снесъ ее къ знакомому портному въ надеждѣ, что тотъ какъ-нибудь починить ее, но портной рѣшительно отказался отъ этой работы и предложилъ лучше сшить ему новую. Акакій Акакіевичъ упалъ духомъ. Онъ понималъ, что портной правъ, что новая шинель необходима; но откуда взять на нее денегъ? Въ теченіе многихъ лѣтъ Акакій Акакіевичъ откладывалъ въ копилку со всякаго истрачиваемаго рубля по грошу и такимъ путемъ успѣлъ скопить около сорока рублей (на ассигнаціи, по нашему нынѣшнему счету немного больше 11 руб.), а на шинель

нужно было не меньше 80 руб. Какъ же добыть остальные?

„Акакій Акакіевичъ думалъ, думалъ и рѣшилъ, что нужно будетъ уменьшить обыкновенныя издержки, хотя по крайней мѣрѣ въ продолженіе одного года: изгнать употребленіе чаю по вечерамъ, не зажигать по вечерамъ свѣчи, а если что понадобится дѣлать, итти въ комнату хозяйки и работать при ея свѣчкѣ; ходя по улицамъ, ступать какъ можно легче и осторожнѣе по камнямъ и плитамъ, почти на цыпочкахъ, чтобы такимъ образомъ не истереть скоровременно подметокъ; какъ можно рѣже отдавать прачкѣ мыть бѣлье; а чтобы не занашивалось, то всякій разъ, приходя домой, скидать его и оставаться въ одномъ только демикотоновомъ халатѣ, очень давнемъ и щадимомъ даже временемъ“.

Мало-по-малу онъ привыкъ ко всѣмъ этимъ ограниченіямъ и пріучился голодать по вечерамъ, „но зато онъ питался духовно, нося въ мысляхъ своихъ вѣчную идею будущей шинели. Съ этихъ поръ какъ будто самое существованіе его сдѣлалось какъ-то полнѣе, какъ будто онъ былъ не одинъ, а какая-то пріятная подруга жизни согласилась съ нимъ проходить вмѣстѣ жизненную дорогу,—и подруга эта была не кто другая, какъ та же шинель на толстой ватѣ, на крѣпкой подкладкѣ безъ износу. Онъ сдѣлался какъ-то живѣе, даже тверже характеромъ, какъ человѣкъ, который уже опредѣлилъ и поставилъ себѣ цѣль. Огонь порою показывался въ глазахъ его, въ головѣ даже мелькали самыя дерзкія и отважныя мысли: не положить ли куницу на воротникъ? Размышленія объ этомъ чуть не навели на него разсѣянности. Одинъ разъ, переписывая бумагу, онъ чуть было даже не сдѣлалъ ошибки, такъ что почти вслухъ вскрикнулъ: „ухъ!“ и перекрестился“.

Завѣтная мечта его осуществилась раньше, чѣмъ онъ ожидалъ: къ Рождеству онъ получилъ въ де-

партаментѣ награду и могъ приступить къ сооруженію новой шинели.

Съ какою радостью и гордостью надѣлъ онъ ее, когда она была наконецъ готова! Въ самомъ праздничномъ, торжественномъ настроеніи пошелъ онъ въ ней на службу. Какъ ему тепло, какъ пріятно! Чиновники какъ-то сразу узнали, что у Акакія Акакіевича новая шинель, побѣжали въ швейцарскую, осмотрѣли ее и принялись поздравлять его такъ, что онъ сначала улыбался, а потомъ даже застыдился. Рѣшили, что надо спрыснуть шинель, и одинъ изъ чиновниковъ, бывшій въ этотъ день именинникомъ, пригласилъ Акакія Акакіевича и прочихъ товарищей къ себѣ на вечеръ. Акакій Акакіевичъ никогда не ходилъ въ гости, но отъ этого приглашенія неловко было отказаться, да и пріятно было лишній разъ пощеголять въ новой шинели.

Поздно вечеромъ возвращался домой Акакій Акакіевичъ. Ему пришлось итти по пустыннымъ, плохо освѣщеннымъ улицамъ и черезъ огромную площадь съ едва видными домами на другой сторонѣ ея.

„Онъ вступилъ на площадь не безъ какой-то невольной боязни, точно какъ будто сердце его предчувствовало что-то недоброе. Онъ оглянулся назадъ и по сторонамъ—точно море вокругъ него. „Нѣтъ, лучше и не глядѣть“, подумалъ онъ и шелъ, закрывъ глаза, и когда открылъ ихъ, чтобы узнать, близко ли конецъ площади, увидѣлъ вдругъ, что передъ нимъ стоятъ, почти передъ носомъ, какіе-то люди съ усами,—какіе именно, ужъ этого онъ не могъ даже различить. У него затуманило въ глазахъ и забилось въ груди. „А вѣдь шинель-то моя!“ сказалъ одинъ изъ нихъ громовымъ голосомъ, схвативши его за воротникъ. Акакій Акакіевичъ хотѣлъ было ужъ

закричать: „Караулъ!“ какъ другой приставилъ ему къ самому рту кулакъ величиною съ чиновничью голову, промолвивъ: „А вотъ только крикни!“ Акакій Акакіевичъ чувствовалъ только, какъ сняли съ него шинель, дали ему пинка колѣномъ, и онъ упалъ навзничь въ снѣгъ и ничего ужъ больше не чувствовалъ“.

Когда онъ вернулся домой, квартирная хозяйка пришла въ ужасъ отъ его отчаяннаго вида, а услышавъ, что съ нимъ случилось, посовѣтовала ему заявить о пропажѣ въ полицію. Полицейскіе чины, къ которымъ обращался Акакій Акакіевичъ, не выказали ни малѣйшаго участія къ его дѣлу; кто-то посовѣтовалъ ему попросить помощи у одного „значительнаго лица“, которое могло своимъ вліяніемъ посодѣйствовать ему къ отысканію пропажи. „Значительное лицо“, недавно получившее генеральскій чинъ и учившееся передъ зеркаломъ придавать лицу своему особенно важное и суровое выраженіе, съ первыхъ же словъ накинулось на несчастнаго просителя съ „такою свирѣпостью, что Акакій Акакіевичъ такъ и обмеръ, пошатнулся, затрясся всѣмъ тѣломъ и никакъ не могъ стоять: если бы не подбѣжали тутъ же сторожа поддержать его, онъ бы шлепнулся на полъ; его вынесли почти безъ движенія“.

Какъ сошелъ съ лѣстницы, какъ вышелъ на улицу Акакій Акакіевичъ, онъ уже этого не помнилъ. Онъ шелъ по вьюгѣ, свистѣвшей на улицахъ, въ своей старенькой шинели, разинувъ ротъ, сбиваясь съ тротуаровъ, и, добравшись домой, не въ силахъ былъ сказать ни слова. На другой день у него открылась сильнѣйшая горячка, а еще черезъ нѣсколько дней онъ умеръ.

„И Петербургъ остался безъ Акакія Акакіевича, какъ будто бы въ немъ его и никогда не было. Исчезло и скрылось существо, никѣмъ не защищенное, никому не дорогое, ни для кого не интересное, даже не обратившее на себя вниманіе и естествонаблюдателя, не пропускающаго посадить на булавку обыкновенную муху и разсмотрѣть ее въ микроскопъ,—существо, переносившее покорно канцелярскія насмѣшки и безъ всякаго чрезвычайнаго дѣла сошедшее въ могилу“.

Сердце сжимается отъ жалости къ этому маленькому, пришибленному жизнью, униженному и оскорбленному человѣку! Описаніе плѣшиваго чиновничка, любовно выводящаго на бумагѣ буква за буквой, вызываетъ улыбку; но эта улыбка невольно замираетъ на губахъ, когда развертывается вся картина жалкаго существованія человѣка, превратившагося въ какую-то пишущую машину, не способнаго ни на свѣтлую мысль, ни на истинно человѣческое чувство. Мы негодуемъ на легкомысліе чиновниковъ, обижающихъ своими насмѣшками безотвѣтнаго Акакія Акакіевича, и на „значительное лицо“, убившее его своею безсердечностью; у насъ зарождается теплое чувство состраданія ко всѣмъ униженнымъ и оскорбленнымъ, не сознающимъ своихъ правъ и не умѣющимъ отстаивать ихъ,—но этого мало. Произведенія Гоголя имѣютъ еще болѣе серіозное значеніе: они пробуждаютъ сознательное отношеніе къ окружающему міру, они заставляютъ задуматься надъ условіями жизни, которыя порождаютъ безотвѣтныхъ, безправныхъ Акакій Акакіевичей, которые превращаютъ людей въ машины и отнимаютъ у нихъ образъ и подобіе Божіе. И Гоголь понялъ наконецъ, что писать для этой цѣли есть дѣло полезное, мо-

жетъ-быть, даже именно то общеполезное дѣло, о которомъ онъ всегда мечталъ. Его первые разсказы изъ малорусской жизни, въ которыхъ столько юмора и молодого, свѣжаго смѣха, перестали нравиться ему; если смѣхъ можетъ служить орудіемъ для борьбы съ пороками людей, то его не слѣдуетъ тратить попусту, надобно постоянно отдавать себѣ отчетъ, надъ чѣмъ и съ какою цѣлью заставляешь людей смѣяться. И вотъ онъ задумалъ написать большое произведеніе, комедію, и въ ней, какъ онъ самъ выражался, „собрать въ кучу все дурное въ Россіи, какое я тогда зналъ, всѣ несправедливости, какія дѣлаются въ тѣхъ мѣстахъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ больше всего требуется отъ человѣка справедливости, и за одинъ разъ посмѣяться надъ всѣмъ“.

Основой для комедіи Гоголя послужило истинное происшествіе: въ одномъ городкѣ явился самозванецъ-ревизоръ, и перепуганные чиновники надавали ему взятокъ, чтобы онъ только молчалъ объ ихъ злоупотребленіяхъ. И вотъ Гоголь выводитъ передъ зрителемъ цѣлый рядъ провинціальныхъ чиновниковъ: городничій Сквозникъ-Дмухановскій—взяточникъ, самоуправецъ, который беретъ со всякаго имѣющаго до него дѣло и распоряжается всѣмъ въ городѣ, нисколько не стѣсняясь законами; судья Тяпкинъ-Ляпкинъ тоже взяточникъ, который самъ признается, что пятнадцать лѣтъ сидитъ на судейскомъ мѣстѣ и все-таки ни въ одномъ дѣлѣ не можетъ разобрать, гдѣ правда, гдѣ неправда; попечитель богоугодныхъ заведеній Земляника, заботящійся только о томъ, чтобы набивать себѣ карманъ на счетъ больныхъ и призрѣваемыхъ; почтмейстеръ Шпекинъ, изъ любо

знательности распечатывающій и читающій чужі письма, и др. Каждый изъ этихъ чиновниковъ чув ствуетъ за собой не мало грѣшковъ, и потому, когд получается извѣстіе, что изъ Петербурга должен пріѣхать инкогнито ревизоръ, которому поручен освидѣтельствовать всѣ присутственныя мѣста, - ими, естественно, овладѣваетъ тревога. А тутъ, как на зло, оказалось, что въ городѣ уже нѣсколы дней живетъ какой-то неизвѣстный молодой человѣк петербургскій чиновникъ. У страха глаза велики, встревоженные чиновники безъ труда убѣждают себя, что Хлестаковъ — легкомысленный шалопай враль—именно и есть ожидаемый ревизоръ. Они вс отправляются къ нему на поклонъ, одинъ перед другимъ стараются угодить ему, льстятъ, радуютс когда онъ беретъ у нихъ деньги, а городничій с страху даже готовъ отдать за него дочь свою. В концѣ концовъ открывается, что Хлестаковъ вов не ревизоръ. Является жандармъ, объявляетъ, чт пріѣхалъ настоящій ревизоръ, и пьеса кончается карт ной общаго ужаса. На этой канвѣ Гоголь изобразил массу сценъ, взятыхъ прямо съ натуры, рисующих такой строй жизни, при которомъ одни обманыв ютъ, грабятъ, дѣлаютъ всякія беззаконія, друг терпятъ, покоряются, едва осмѣливаясь поднять го лосъ для жалобы. При этомъ и у тѣхъ и у других авторъ сумѣлъ подмѣтить такія комическія черт что на первый взглядъ онѣ возбуждаютъ невольны смѣхъ, и, только ближе присмотрѣвшись къ ним понимаешь, что это не просто смѣшные люди, жалкіе, нравственные уроды.

Гоголь долго и съ любовью работалъ надъ „Ре

визоромъ“, онъ обдумывалъ планъ, много разъ передѣлывалъ отдѣльныя сцены, а когда пьеса была разрѣшена къ представленію на сценѣ, онъ самъ слѣдилъ за постановкой ея, бывалъ на всѣхъ репетиціяхъ, училъ актеровъ, какъ играть. Онъ придавалъ серіозное значеніе своему произведенію и очень боялся, что актеры, которымъ никогда еще не приходилось играть ничего подобнаго, придадутъ дѣйствующимъ лицамъ слишкомъ смѣшной видъ и обратятъ все въ какой-то фарсъ.

Во время перваго представленія „Ревизора“ Гоголь, блѣдный, взволнованный, сидѣлъ въ одной ложѣ съ Жуковскимъ. Залъ былъ полонъ. Самъ государь Николай Павловичъ, съ разрѣшенія котораго давалась пьеса, находился въ театрѣ. Послѣ перваго акта на всѣхъ лицахъ написано было недоумѣніе. На сценѣ давалось что-то необычное. Какъ будто просто фарсъ, а между тѣмъ нѣкоторыя положенія, нѣкоторыя черты выхвачены прямо изъ жизни, дышатъ такой правдивостью, что назвать ихъ фарсомъ нельзя. То же недоумѣніе продолжалось и въ слѣдующихъ актахъ; по временамъ то тамъ, то сямъ раздавался смѣхъ, аплодисментовъ почти совсѣмъ не было, зато замѣтно было общее напряженное вниманіе; во время четвертаго акта смѣхъ почти замолкъ, замѣтно брало верхъ негодованіе, которое разразилось по окончаніи пьесы слышавшимися со всѣхъ сторонъ восклицаніями:

— Это невозможно! Это клевета!

— Можно ли ставить такія пьесы? Это развращаетъ общество.

— Сегодня выставилъ на посмѣяніе городничаг
завтра коснется и кого-нибудь повыше!

— И развѣ бываютъ на свѣтѣ такіе люди? Эт
просто каррикатура, каррикатура на все обществ
на всю Россію!

— Возмутительно! Безнравственно!

Гоголь былъ разочарованъ и страшно огорчен
Его любимое произведеніе, отъ котораго онъ ждал
и славы себѣ и пользы обществу, унижено, забро
сано грязью. Онъ такъ любитъ Россію, такъ стра
стно хочетъ послужить ей, а его обвиняютъ в
томъ, что онъ ее оскорбляетъ, клевещетъ на нее чт
онъ безнравственενъ, что онъ идетъ противъ пра
вительства!

Напрасно Жуковскій и другіе пріятели старалис
успокоить его и увѣрить, что лучшіе, наиболѣе ра
витые люди вовсе не осуждаютъ его, а напротив
признаютъ его великій талантъ и все значеніе про
изведенія, въ которомъ пороки и злоупотреблені
предаются посмѣянію. Гоголь вернулся домой сильн
не въ духѣ. Прокоповичъ, думая порадовать ег
преподнесъ ему экземпляръ „Ревизора", только чт
вышедшій изъ печати. Гоголь съ негодованіемъ швыр
нулъ книгу на полъ.

— Господи! если бы ругалъ одинъ-два, куда н
шло! А то всѣ, всѣ! Да я и самъ вижу, что пьес
никуда не годится!

Въ слѣдующіе дни въ печати появились невыго
ные отзывы о пьесѣ; ее обвиняли въ нелѣпости
неправдоподобности содержанія, въ каррикатурност
характеровъ. Въ городѣ о ней также много гов
рили, и большинство считало ее очень опасно

— Какъ можно отдавать на общее посмѣяніе чиновниковъ? толковали разные почтенные, посѣдѣвшіе на службѣ мужи:—вѣдь чиновниковъ назначаетъ правительство; возбуждать неуваженіе, недовѣріе къ нимъ значитъ подрывать власть правительства, — за это автора слѣдовало бы въ Сибирь сослать!

Къ счастью, императоръ Николай Павловичъ не раздѣлялъ трусливыхъ опасеній своихъ не разуму усердныхъ слугъ, и по его приказанію „Ревизора" продолжали давать на сценѣ. Зала театра была всякій разъ переполнена зрителями, многіе напрасно добивались билетовъ, актеры входили въ роли и играли все лучше и лучше. Но все это мало утѣшало Гоголя.

„Я усталъ и душою и тѣломъ, писалъ онъ Пушкину, котораго не было въ Петербургѣ во время перваго представленія „Ревизора".—Клянусь, никто не знаетъ и не слышитъ моихъ страданій... Богъ же съ ними со всѣми! Мнѣ опротивѣла моя пьеса!"

Въ Москвѣ тоже собирались ставить на сцену „Ревизора", и раньше Гоголь обѣщалъ пріѣхать самъ, прочесть свою пьесу актерамъ чтобы они лучше поняли ее. Теперь онъ отказался отъ этого намѣренія.

„Дѣлайте, что хотите съ моей пьесой, писалъ онъ своему пріятелю, знаменитому актеру Щепкину,—но я не стану хлопотать о ней. Мнѣ она сама надоѣла такъ же, какъ хлопоты о ней".

Въ письмѣ къ другому своему знакомому (проф. Погодину) онъ подробно описываетъ свои ощущенія въ то время:

„Я не сержусь на толки, какъ ты пишешь; не сержусь, что сердятся и отворачиваются тѣ, которые отыскиваютъ въ моихъ оригиналахъ свои собствен-

ныя черты и бранятъ меня. Но грустно мнѣ это всеобщее невѣжество, движущее столицей. Грустно когда видишь, въ какомъ еще жалкомъ состояніи находится у насъ писатель. Все противъ него, и нѣтъ никакой сколько-нибудь равносильной стороны за него. Выведены на сцену плуты—и всѣ въ ожесточеніи: „Зачѣмъ выводить на сцену плутовъ?" Пусть сердятся плуты, но сердятся тѣ, которыхъ я не зналъ вовсе за плутовъ. Прискорбна мнѣ эта невѣжественная раздражительность, признакъ глубокаго упорнаго невѣжества. Разсмотри положеніе бѣднаго автора, любящаго между тѣмъ милое свое отечество, и скажи ему, что есть небольшой кругъ понимающій его, глядящій на него другими глазами,—утѣшитъ ли это его?".

Отъ природы слабое здоровье Гоголя не переносило никакихъ нравственныхъ потрясеній. Больной физически, усталый умственно послѣ усиленной работы послѣднихъ лѣтъ, разочарованный въ своихъ мечтахъ создать великое произведеніе и пріобрѣсти славу, онъ рѣшилъ отдохнуть отъ всего, что волновало и угнетало его послѣдніе мѣсяцы, отдохнуть за границей, среди совершенно чужихъ людей, которые отнесутся къ нему и безъ вражды и безъ назойливой пріязни.

„Я хотѣлъ бы убѣжать теперь Богъ знаетъ куда, писалъ онъ Пушкину въ маѣ 1836 года, — и предстоящее мнѣ путешествіе—пароходъ, море и другія далекія небеса могутъ одни только освѣжить меня. Я жажду ихъ, какъ Богъ знаетъ чего".

ГЛАВА VIII.

Вліяніе заграничной жизни.— Начало «Мертвыхъ душъ».— Смерть Пушкина.— Герой поэмы.— Живыя «мертвыя души».— Опять на родинѣ.

Путешествіе и жизнь за границей въ самомъ дѣлѣ принесли пользу Гоголю. Здоровье его быстро поправилось, а съ этимъ вмѣстѣ пропало и то унылое, угнетенное расположеніе духа, съ какимъ онъ выѣзжалъ изъ Петербурга.

„Клянусь, что я сдѣлаю то, чего не сдѣлаетъ обыкновенный человѣкъ, писалъ онъ Жуковскому черезъ нѣсколько недѣль послѣ отъѣзда.—Львиную силу чувствую въ душѣ своей и замѣтно слышу переходъ свой изъ дѣтства, проведеннаго въ школьныхъ занятіяхъ, въ юношескій возрастъ“.

Всѣ его предыдущія произведенія казались ему какими-то ученическими упражненіями, и только теперь считалъ онъ себя способнымъ создать нѣчто дѣйствительно великое.

„Если свершу это твореніе такъ, какъ нужно его совершить, то... какой огромный, какой оригинальный сюжетъ! говоритъ онъ въ другомъ письмѣ.—Какая разнообразная куча! Вся Русь явится въ немъ! Это будетъ первая моя порядочная вещь, которая вынесетъ мое имя!“.

Подъ этою „вещью“ Гоголь подразумѣвалъ свою знаменитую поэму „Мертвыя души“. Началъ онъ ее писать еше въ Петербургѣ, года за два передъ тѣмъ. Одинъ разъ, сидя у него въ гостяхъ, Пушкинъ разсказалъ ему, что во Псковѣ только что арестованъ оригинальный мошенникъ, разъѣзжавшій по помѣщикамъ и занимавшійся скупкою у нихъ „мертвыхъ душъ“.

— Знаете ли, прибавилъ Пушкинъ,—это можетъ дать отличный матеріалъ для романа; я какъ-нибудь займусь этимъ.

Гоголь промолчалъ, но черезъ нѣсколько времени показалъ ему, что ужъ началъ писать свои „Мертвыя души“.

Въ первыя минуты Пушкинъ нѣсколько подосадовалъ и говорилъ своимъ домашнимъ:

— Съ этимъ малороссомъ надо быть осторожнѣе: онъ обираетъ меня такъ, что и кричать нельзя.

Но потомъ, когда Гоголь прочелъ ему первыя главы „Мертвыхъ душъ“, онъ пришелъ въ положительный восторгъ.

— Превосходно! восхищался онъ. — Этотъ сюжетъ точно для васъ созданъ! Отъ всей души дарю вамъ свою идею! Вы съ своимъ Чичиковымъ можете изъѣздить хоть всю Россію, и сколько интересныхъ характеровъ покажете вы намъ!

Съ первыхъ же мѣсяцевъ жизни за границей Гоголь принялся за свою поэму. Начало, написанное въ Петербургѣ, онъ нѣсколько передѣлалъ и затѣмъ приступилъ къ слѣдующимъ главамъ. Вообще мало можно найти авторовъ, которые бы такъ добросовѣстно относились къ своимъ произведеніямъ, какъ Гоголь. Ничего не писалъ онъ для печати сразу. Всякой своей вещи онъ дѣлалъ сначала черновой набросокъ, затѣмъ отдѣлывалъ его набѣло, зачастую по нѣсколько разъ передѣлывая и переписывая цѣлыя главы; когда вещь появлялась уже въ печати, онъ и тутъ находилъ въ ней недостатки, несовершенства и для слѣдующаго изданія непремѣнно еще исправлялъ и передѣлывалъ ее. Поэтому работа его

медленно подвигалась впередъ, и всякій небольшой разсказикъ, который такъ легко читается, стоилъ ему большихъ трудовъ. Еще когда около него былъ Пушкинъ, совѣты и мнѣнія котораго онъ ставилъ такъ высоко, ему было легче. Если Пушкинъ говорилъ ему: „Ну, теперь хорошо! нечего больше мѣнять, отправляйте въ типографію!"— онъ безпрекословно слушался и печаталъ произведеніе, надъ которымъ по собственному побужденію навѣрно просидѣлъ бы еще нѣсколько вечеровъ.

Но вотъ въ началѣ 1837 г. разнеслась вѣсть о смерти Пушкина. Гоголь былъ въ это время въ Парижѣ. Ужасное извѣстіе какъ громомъ поразило его:

„Ты знаешь, какъ я люблю свою мать, говорилъ онъ Данилевскому, который былъ въ Парижѣ вмѣстѣ съ нимъ,—но если бы я потерялъ даже ее, я не могъ бы быть такъ огорченъ, какъ теперь. Пушкинъ въ этомъ мірѣ не существуетъ больше!"

Нѣсколько позднѣе онъ писалъ Плетневу:

„Что мѣсяцъ, что недѣля, то новая утрата; но никакой вѣсти хуже нельзя было получить изъ Россіи... Все наслажденіе моей жизни, все мое высшее наслажденіе исчезло вмѣстѣ съ нимъ. Ничего не предпринималъ я безъ его совѣта. Ни одна строка не писалась безъ того, чтобы я не воображалъ его передъ собою. Что скажетъ онъ, что замѣтитъ онъ, чему посмѣется, чему изречетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе свое — вотъ что только занимало и одушевляло мои силы. Боже! нынѣшній трудъ мой, внушенный имъ, его созданіе... я не въ силахъ продолжать его. Нѣсколько разъ принимался за перо—и перо падало изъ рукъ моихъ. Невыразимая тоска!"

Мало-по-малу время, какъ всегда бываетъ, при-

тупило острое страданіе; Гоголь переселился въ Римъ, южная весна охватила его своею прелестью, и онъ могъ снова приняться за работу. Отъ роскошной итальянской природы, отъ дивныхъ произведеній искусства, наполняющихъ Римъ, онъ мысленно переносился вглубь Россіи и вмѣстѣ съ Чичиковымъ его лакеемъ Петрушкою и кучеромъ Селифаномъ разъѣзжалъ въ небольшой бричкѣ по грязнымъ, пыльнымъ и ухабистымъ проселочнымъ дорогамъ, отъ одного имѣнія къ другому.

Кто же такой этотъ Чичиковъ, герой поэмы, похожденія котораго Гоголь, съ благословенія Пушкина, взялся нарисовать намъ? Павелъ Ивановичъ Чичиковъ — сынъ очень небогатаго дворянина, который, помѣщая его въ училище, далъ ему слѣдующее наставленіе: „Учись, не дури и не повѣсничай, а больше всего угождай учителямъ и начальникамъ. Коли будешь угождать начальнику, то хоть и въ наукѣ не успѣешь и таланту Богъ не далъ, все пойдешь въ ходъ и всѣхъ опередишь. Съ товарищами не водись: они тебя добру не научатъ; а если ужъ на то пошло, такъ водись съ тѣми, кто побогаче, чтобы при случаѣ могли быть тебѣ полезны. Не угощай никого, старайся лучше, чтобы тебя потчевали, а главное, береги копейку: друзья измѣнятъ въ бѣдѣ, а копейка никогда".

И Павлуша вполнѣ проникся наставленіями отца: онъ не только не дружился съ товарищами и ничѣмъ съ ними не дѣлился, а напротивъ, ловко пользовался ихъ слабостью, чтобы наживать деньги: продавалъ голоднымъ булки за дорогую цѣну, другихъ соблазнялъ самодѣльными грошевыми игруш-

ками и такимъ путемъ на полтинникъ, полученный отъ отца, скоро пріобрѣлъ пять рублей, которые также выгодно пустилъ въ оборотъ. Съ начальствомъ онъ велъ себя очень умно: сидѣлъ въ классѣ смирнехонько, нарочно попадался на глаза учителю, чтобы лишній разъ поклониться ему, подавалъ ему шапку при выходѣ изъ класса. Зато онъ былъ все время въ училищѣ на отличномъ счету, а при выпускѣ получилъ кромѣ аттестата книгу съ надписью: „За примѣрное прилежаніе и благонадежное поведеніе". По выходѣ изъ училища онъ поступилъ на службу и работалъ самымъ усерднымъ образомъ, но при этомъ имѣлъ, конечно, въ виду собственную наживу. Ему хотѣлось пріобрѣсти столько денегъ, чтобы жить въ полномъ довольствѣ, вкусно ѣсть, имѣть свой домъ, собственныхъ лошадей, — и онъ пріобрѣталъ, не стѣсняясь средствами: обманывалъ, бралъ взятки. Нѣсколько разъ онъ былъ почти у цѣли, но при самомъ концѣ срывался; нечестные поступки его выходили на свѣжую воду, и ему приходилось чуть не съ начала начинать карьеру. Къ сорока годамъ онъ очутился владѣльцемъ очень небольшой суммы денегъ, двухъ дворовыхъ людей — кучера да лакея, пары лошадей и брички. Тогда онъ задумалъ предпріятіе, на которомъ разсчитывалъ разбогатѣть навѣрняка. Въ крѣпостное время помѣщики, какъ извѣстно, могли и продавать, и покупать крестьянъ, и закладывать ихъ. Отъ времени до времени они должны были составлять поименные списки своихъ крестьянъ, такъ называемыя „ревизскія сказки". За каждаго человѣка („душу"), внесеннаго въ списокъ, помѣщикъ платилъ въ казну

„подушную" подать, при чемъ приходилось платить и за умершихъ, за „мертвыя души", пока не придетъ новая ревизія и мертвыхъ не вычеркнутъ изъ списковъ. Вотъ Чичиковъ и задумалъ скупать у помѣщиковъ, конечно, по дешевой цѣнѣ, много такихъ „мертвыхъ душъ", отъ которыхъ всякій радъ былъ отдѣлаться, и заложить ихъ въ казну какъ живыхъ. Это обѣщало ему нѣсколько десятковъ тысячъ рублей прибыли, а что казна, т. е. государство, при этомъ потерпитъ убытокъ, его ни мало не безпокоило; онъ да и очень многіе въ то время смотрѣли на казну, какъ на дойную корову, которую всякій можетъ безъ зазрѣнія совѣсти доить въ свою пользу.

Чичиковъ объѣзжаетъ въ своей бричкѣ разныя имѣнія, и передъ читателемъ раскрывается цѣлая картинная галлерея владѣльцевъ этихъ имѣній.

Вотъ Маниловъ, человѣкъ очень мягкій въ обращеніи, какъ будто даже добродушный.

„Въ первую минуту разговора съ нимъ, не можешь не сказать: „Какой пріятный и добрый человѣкъ!" Въ слѣдующую затѣмъ минуту ничего не скажешь, а въ третью скажешь: „Чортъ знаетъ, что такое!" и отойдешь подальше; если же не отойдешь, то почувствуешь скуку смертельную. Отъ него не дождешься никакого живого или хоть заносчиваго слова, какое можешь услышать почти отъ всякаго, если коснешься задирающаго его предмета".

Хозяйствомъ своимъ Маниловъ не занимался, предоставивъ все въ вѣдѣніе приказчика; книгъ не читаетъ,—на столѣ его лежитъ два года какая-то книга, заложенная на 14 страницѣ; дома даже мало говоритъ, а больше думаетъ; но эти думы такъ же праздны и безсодержательны, какъ вся его жизнь

то онъ вздумаетъ, что хорошо было бы провести отъ дома подземный ходъ въ деревню, то, что не дурно бы выстроить каменный мостъ черезъ прудъ передъ домомъ и по обѣимъ сторонамъ моста устроить лавки съ разными товарами, нужными для крестьянъ и т. п.

Вотъ помѣщица Коробочка, всѣ заботы которой направлены на то, чтобы получать съ своихъ крестьянъ какъ можно больше всякихъ поборовъ да продавать все какъ можно дороже.

Вотъ Ноздревъ—кутила, пьяница, шулеръ, враль, „историческій человѣкъ", съ которымъ всюду, гдѣ онъ появляется, случается исторія: или его выведутъ изъ зала жандармы, или прогонятъ свои же пріятели; онъ или навретъ какую нибудь чепуху: разскажетъ, что у него была лошадь розовой или голубой масти и т. под.; или распуститъ про своего хорошаго знакомаго какую-нибудь глупѣйшую небылицу, разстроитъ его свадьбу, помѣшаетъ его торговой сдѣлкѣ и искренно удивляется, если тотъ разсердится.

Собакевичъ—обжора, грубый, неотесанный медвѣдь по внѣшнему виду и кулакъ въ душѣ.

Плюшкинъ — скряга, убившій въ себѣ всѣ чувства, всѣ человѣческія побужденія, проклявшій родного сына, отказывающійся помогать родной дочери. Онъ живетъ въ грязной комнатѣ, наполненной кучами разнаго хлама; онъ ѣстъ тѣ же пустыя щи, что его работники; онъ одѣвается такъ, что его можно принять за нищаго; онъ дрожитъ надъ каждымъ лоскутомъ бумаги, надъ каждымъ кускомъ заплѣсневѣлаго сухаря. А между тѣмъ онъ очень богатъ: у него стоятъ скирды необмолоченнаго хлѣба,

закрома полны всякаго зерна и муки, амбары и кладовыя загромождены множествомъ холстовъ, суконъ овчинъ, сушеной рыбы, всякихъ овощей; на рабочемъ дворѣ заготовлены громадные запасы всякаго дерева и всевозможныхъ деревянныхъ издѣлій. Но всего этого ему мало: онъ ходитъ каждый день по улицамъ своей деревни, собираетъ всякую дрянь: старыя подошвы, бабьи тряпки, гвозди, черепки битой посуды,—все тащитъ къ себѣ и складываетъвъ кучу въ углу своего кабинета.

„И до такой ничтожности, мелочности, гадости могъ снизойти человѣкъ? восклицаетъ Гоголь, — могъ такъ измѣниться? И похоже это на правду? Все похоже на правду, все можетъ статься съ человѣкомъ. Нынѣшній же пламенный юноша отскочилъ бы съ ужасомъ, если бы показали ему его же портретъ въ старости. Забирайте же съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое, ожесточающее мужество,—забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ не подымете потомъ! Грозна, страшна грядущая впереди старость и ничего не отдаетъ назадъ и обратно! Могила милосерднѣе ея,—на могилѣ напишется; *здѣсь погребенъ человѣкъ*; но ничего не прочитаешь въ хладныхъ, безчувственныхъ чертахъ безчеловѣчной старости.“

Всѣ эти Маниловы, Собакевичи, Плюшкины и проч., живущіе исключительно для своего удовольствія или для удовлетворенія своихъ низкихъ страстей, всѣ эти по истинѣ *„мертвыя души“* не какіе нибудь скромные, незамѣтные обыватели. Нѣтъ, все это помѣщики, т. е. владѣльцы десятковъ и сотенъ крѣпостныхъ людей. Отъ нихъ зависитъ матеріальное и нравственное благосостояніе этихъ крѣпост-

ныхъ; мало того, они держатъ въ рукахъ своихъ самую жизнь ихъ. И никогда не приходитъ имъ въ голову, какая тяжелая отвѣтственность лежитъ на нихъ по отношенію къ этимъ „*крѣпостнымъ*"! Они знаютъ одно: мужикъ долженъ работать, долженъ исправно вносить оброки и всѣ поборы, какіе съ него требуетъ баринъ; а чтобы онъ не баловался, не воровалъ и не пьянствовалъ, его слѣдуетъ бить и сѣчь. Когда Чичиковъ удивляется, что у Плюшкина такъ много мужиковъ находятся въ бѣгахъ, тотъ совершенно спокойно отвѣчаетъ:

„Вѣдь у меня что годъ, то бѣгаютъ. Народъ-то больно прожорливъ, отъ праздности завелъ привычку трескать, а у меня ѣсть и самому нечего".

Рядомъ съ помѣщиками авторъ выводитъ передъ читателемъ другія „мертвыя души", чиновниковъ-взяточниковъ, недобросовѣстно исполняющихъ свои обязанности, заботящихся только о томъ, какъ бы побольше нажиться, веселѣе провести время да при этомъ схоронить концы своихъ далеко не чистыхъ дѣлишекъ; а вокругъ нихъ цѣлый міръ захолустнаго городка съ его невѣжествомъ, сплетнями, пересудами, мелкими интересами.

— Какъ грустно жить въ Россіи! замѣтилъ Пушкинъ послѣ того, какъ Гоголь прочелъ ему первыя главы своей поэмы. Да, невеселыя картины рисуетъ намъ авторъ, но эти картины, къ сожалѣнію, взяты съ натуры, изъ жизни, и для того, чтобы онѣ замѣнились болѣе свѣтлыми, необходимо было, чтобы всѣ ясно видѣли ихъ неприглядность, ихъ безобразіе. Въ своихъ сочиненіяхъ Гоголь нигдѣ не высказывался прямо противъ крѣпостного права, но онъ

такими яркими штрихами отмѣтилъ ту порчу, ту безнравственность, какія владѣнія „душами“ вносило во взаимныя отношенія людей его времени, что по справедливости можетъ быть причисленъ къ писателямъ, произведенія которыхъ пробудили въ обществѣ сознаніе несправедливости и вреда крѣпостничества.

Рисуя невеселыя картины русской жизни, Гоголь не переставалъ страстно любить родину, душою рваться къ ней.

„Русь, Русь! восклицаетъ онъ (Мертвыя души, т. I, гл. XI),—вижу тебя, изъ моего чуднаго, прекраснаго далека тебя вижу. Бѣдно, разбросано и непріютно въ тебѣ; не развеселятъ, не испугаютъ взоровъ дерзкія дива природы, вѣнчанныя дерзкими дивами искусства,—города съ многооконными, высокимидворцами, вросшими въ утесы, картинныя дерева и плющи, вросшіе въ дома, въ шумѣ и въ вѣчной пыли водопадовъ; не опрокинется назадъ голова посмотрѣть на громоздящіяся безъ конца надъ нею и въ вышинѣ каменныя глыбы; не блеснутъ сквозь наброшенныя одна на другую арки, темныя, окутанныя виноградными сучьями, плющами и несмѣтными милліонами дикихъ розъ; не блеснутъ сквозь нихъ вдали вѣчныя линіи сіяющихъ горъ, несущихся въ серебряныя, ясныя небеса. Открыто-пустынно и ровно все въ тебѣ; какъ точки, какъ значки, непримѣтно торчатъ среди равнинъ невысокіе твои города. Ничто не обольститъ и не очаруетъ взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздается немолчно въ ушахъ твоя тоскливая, несущаяся по всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря до моря, пѣсня? Что въ ней, въ этой пѣснѣ? Что зоветъ и рыдаетъ, и хватаетъ за сердце? Какіе звуки болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу, и вьются около моего сердца? Русь! чего

же ты хочешь отъ меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты такъ, и зачѣмъ все, что ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи?.. И еще полный недоумѣнія, неподвижно стою я, а уже главу осѣнило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онѣмѣла мысль передъ твоимъ пространствомъ. Что пророчитъ сей необъятный просторъ? Здѣсь ли, въ тебѣ ли не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться ему? И грозно объемлетъ меня могучее пространство, страшною силою отразясь въ глубинѣ моей; неестественной властью освѣтились мои очи... У! какая сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль! Русь!..“

Три года прожилъ Гоголь за границей, большею частью въ Римѣ, и все это время работалъ очень прилежно. Кромѣ „Мертвыхъ душъ“, каждую главу которыхъ онъ передѣлывалъ по нѣсколько разъ и отдѣлывалъ самымъ тщательнымъ образомъ, онъ написалъ еще нѣсколько разсказовъ и драматическихъ сценъ и передѣлалъ нѣкоторыя сцены „Ревизора“. Осенью Гоголь пріѣхалъ на время въ Россію, прямо въ Москву. Тамъ всѣ знакомые встрѣтили его съ распростертыми объятіями. Онъ остановился у своего стараго знакомаго, Погодина, но большую часть времени проводилъ въ домѣ извѣстнаго писателя Аксакова, который выказывалъ ему самую искреннюю дружбу.

— Я жилъ это лѣто съ семью на дачѣ въ Аксиньинѣ, въ 10 верстахъ отъ Москвы, разсказываетъ Аксаковъ.—26 сентября вдругъ получаю слѣдующую записку отъ Щепкина: „Спѣшу увѣдомить васъ, что М. П. Погодинъ пріѣхалъ, и не одинъ:

ожиданія наши исполнились, съ нимъ пріѣхалъ Н. В. Гоголь. Послѣдній просилъ никому не сказывать, что онъ здѣсь; онъ очень похорошѣлъ, хотя сомнѣніе о здоровьѣ у него безпрестанно проглядываетъ. Я до того обрадовался его пріѣзду, что совершенно обезумѣлъ, даже до того, что едва ли не сухо его принялъ; вчера цѣлый вечеръ просидѣлъ у нихъ и, кажется, путнаго слова не сказалъ: такое волненіе его пріѣздъ во мнѣ произвелъ, что я нынѣшнюю ночь почти не спалъ. Не утерпѣлъ, чтобы не извѣстить васъ о такомъ для насъ сюрпризѣ... Мы всѣ обрадовались чрезвычайно. Мой сынъ (Константинъ), прочитавши записку прежде всѣхъ, поднялъ отъ радости такой кликъ, что всѣхъ перепугалъ, тотчасъ же поскакалъ въ Москву и повидался съ Гоголемъ".

— Чѣмъ болѣе я смотрю на него, тѣмъ болѣе удивляюсь и чувствую всю великость этого человѣка и всю мелкость людей, его не понимающихъ! восклицалъ Константинъ Аксаковъ.

Сердечный пріемъ старыхъ знакомыхъ, понятно, произвелъ на Гоголя самое отрадное впечатлѣніе. Онъ былъ веселъ, остроуменъ, разсказывалъ разныя приключенія своей заграничной жизни, всѣхъ смѣшилъ и самъ отъ души смѣялся.

Въ Петербургѣ, куда онъ проѣхалъ изъ Москвы, его также встрѣтили съ прежнимъ дружелюбіемъ и Жуковскій и старые друзья-малороссы: Прокоповичъ, Данилевскій и др. И здѣсь такъ же, какъ въ Москвѣ, онъ читалъ отрывки изъ своихъ „Мертвыхъ душъ"; присутствовавшіе слушали съ напряженнымъ вниманіемъ мастерское чтеніе; только иногда взрывы неудержимаго смѣха прерывали общую тишину. Всѣ

единогласно высказывали автору свой восторгъ, всѣ упрашивали его не уѣзжать больше за границу и поскорѣй приняться за печатанье своего произведенія. Гоголь былъ очень тронутъ общими похвалами, но оставаться въ Россіи не соглашался. Онъ увѣрялъ, что ему еще нужно поработать надъ послѣдними главами „Мертвыхъ душъ", что нигдѣ ему не работается такъ хорошо, какъ въ Римѣ, что ему необходимо удалиться отъ Россіи, чтобы любить ее настоящимъ образомъ. Во всякомъ случаѣ онъ обѣщалъ вернуться черезъ годъ и привезти томъ, совершенно готовый къ печати.

Черезъ полтора года Гоголь дѣйствительно вернулся. Но всѣ знакомые были поражены перемѣною, происшедшею въ немъ. Онъ похудѣлъ, поблѣднѣлъ, прежняя веселость исчезла; въ разговорахъ иногда прорывался его обычный юморъ, но смѣхъ окружающихъ какъ будто тяготилъ его, и онъ спѣшилъ перемѣнить тему разговора. Дѣло въ томъ, что онъ перенесъ въ Римѣ очень тяжелую болѣзнь, которая сильно подорвала его вообще некрѣпкое здоровье. Эта болѣзнь представилась ему преддверіемъ смерти, ему стало казаться, что онъ сдѣлалъ въ своей жизни мало хорошаго, истинно полезнаго, что онъ недостаточно часто думалъ о Богѣ и Его заповѣдяхъ, мало готовился къ будущей загробной жизни. Никому изъ знакомыхъ не повѣрялъ онъ своей внутренней тревоги; всѣ замѣчали только, что онъ сталъ еще болѣе религіозенъ, чѣмъ прежде. Онъ привезъ съ собой первый томъ „Мертвыхъ душъ" и немедленно приступилъ къ печатанью его. По этому поводу выходили разныя задержки, разныя непріятности;

Гоголь волновался, нервничалъ, холодная зима удручающе дѣйствовала на него, и какъ только книга его вышла въ свѣтъ, онъ снова уѣхалъ за границу съ тѣмъ, чтобы тамъ писать второй томъ своихъ „Мертвыхъ душъ“.

ГЛАВА IX.

Религіозное настроеніе. — Болѣзнь. — Сожженіе рукописи. — «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями».—Путешествіе въ Іерусалимъ.—Васильевка, Москва.—Работа идетъ успѣшно.— Послѣдняя болѣзнь. — Уничтоженіе великаго произведенія.— Смерть.

То религіозное настроеніе, въ которомъ находился Гоголь, отражалось и на его работѣ. Онъ сталъ смотрѣть на окончаніе „Мертвыхъ душъ“ какъ на подвигъ, который Самъ Богъ повелѣваетъ ему совершить для пользы Россіи, для искорененія всего существующаго въ ней зла. Ему казалось, что для этой цѣли мало изобразить дурныхъ людей, достойныхъ насмѣшки и презрѣнія, а необходимо дать образцы людей хорошихъ, которые своимъ примѣромъ учили бы, какъ слѣдуетъ жить. Онъ мечталъ кромѣ второго тома написать еще третій, создать нѣчто важное и великое, о чемъ первый томъ не давалъ и понятія.

Но вмѣстѣ съ этимъ у него явилось сомнѣніе, можетъ ли онъ самъ, человѣкъ, имѣющій слабости, пороки, вести другихъ къ добродѣтели, и онъ рѣшилъ, что прежде, чѣмъ исправлять другихъ, онъ долженъ усовершенствовать самого себя. Для этого

онъ сталъ читать евангеліе и писанія св. отцовъ церкви; около него составился цѣлый кружокъ лицъ, которыя точно также заботились о своемъ нравственномъ исправленіи; они вели душеспасительные разговоры, поддерживали, утѣшали, поучали другъ друга.

Гоголь продолжалъ работать надъ вторымъ томомъ „Мертвыхъ душъ", но дѣло у него подвигалось очень медленно.

Съ одной стороны, здоровье его плохо поправлялось, съ другой, задавшись цѣлью непремѣнно поучать, онъ сдерживалъ свободные порывы своего творчества. Тѣ *образцовые люди*, которыхъ онъ хотѣлъ представить въ назиданіе читателямъ, не встрѣчались ему въ жизни, — онъ долженъ былъ *сочинять* ихъ; а всякій художникъ можетъ только воспроизвести то, что даетъ дѣйствительная жизнь Тѣмъ не менѣе черезъ два года большая часть второго тома была окончена. Но тутъ съ нимъ снова случился болѣзненный припадокъ, въ родѣ того, какой онъ испыталъ въ Римѣ въ 1840 году и потомъ въ Москвѣ.

„Болѣзненныя состоянія до такой степени невыносимы, говоритъ онъ въ одномъ письмѣ,—что повѣситься или утопиться, казалось, какъ бы похожимъ на какое-то лѣкарство и облегченіе".

Страхъ смерти опять овладѣлъ имъ. Онъ мучительно чувствовалъ, что умираетъ, умираетъ, ничего не сдѣлавъ великаго, полезнаго!

Богъ далъ ему талантъ и спроситъ отчета въ употребленіи этого таланта. Что онъ Ему скажетъ, съ чѣмъ предстанетъ передъ Грознымъ Судіей?

Всѣ его произведенія написаны легкомысленно, безъ намѣренія поучать; только въ самомъ послѣднемъ (второмъ томѣ „Мертвыхъ душъ“) задавался онъ серіозною задачею. Но какъ плохо исполнилъ онъ ее! Какъ много недостатковъ въ этомъ произведеніи! И вотъ, въ минуту тоски и отчаянья, Гоголь сжегъ всю свою рукопись!

Послѣ этого ему сразу представилось, какъ слѣдовало написать ее, и онъ готовъ былъ немедленно приняться за работу, но болѣзнь все еще не оставляла его, слабость не позволяла ему взяться за перо. Съ тоскою думалось ему, что смерть придетъ слишкомъ скоро, прежде чѣмъ ему удастся заново передѣлать то, что онъ самъ истребилъ. Чтобы написать, какъ онъ мечталъ, второй и третій томъ „Мертвыхъ душъ“, нужно нѣсколько лѣтъ; а ему казалось, что онъ не имѣетъ ихъ въ своемъ распоряженіи. Между тѣмъ онъ, во что бы то ни стало, хотѣлъ дать Россіи *истинно полезную книгу*. И вотъ что онъ придумалъ. Кромѣ печатныхъ произведеній онъ писалъ много писемъ къ разнымъ лицамъ; въ этихъ письмахъ часто, особенно въ послѣдніе годы, содержались разные совѣты, наставленія, поученія. Онъ попросилъ знакомыхъ прислать ему обратно такія письма, выбралъ изъ нихъ наиболѣе подходящія къ его цѣли, нѣсколько передѣлалъ ихъ и выпустилъ въ свѣтъ цѣлую книгу подъ заглавіемъ „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“.

Этой книгѣ онъ придавалъ громадное значеніе и, прося Плетнева заняться изданіемъ ея, писалъ:

„Ради Бога, употреби всѣ силы и мѣры къ скорѣйшему отпечатанію книги, — это нужно, нужно

для меня и для другихъ, словомъ, нужно для общаго добра!“

Онъ былъ убѣжденъ, что его книга встрѣтитъ общее сочувствіе, что она создастъ ему наконецъ истинную славу и явится тѣмъ общеполезнымъ дѣломъ, о которомъ онъ всю жизнь мечталъ.

Увы! и на этотъ разъ Гоголя ждало разочарованіе, какъ всегда, когда онъ выходилъ изъ своей роли писателя-художника! „Переписка“ не только не доставила ему славы, напротивъ, вызвала противъ него со всѣхъ сторонъ неудовольствіе. Первый томъ „Мертвыхъ душъ“ и другія произведенія его читались всѣми на расхватъ, всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали давно обѣщаннаго второго тома, и вдругъ вмѣсто того выходитъ книга какихъ-то поученій, разсужденій, написанныхъ мѣстами заносчиво, мѣстами высокомѣрно, тономъ проповѣдника, считающаго себя выше другихъ. Вмѣсто похвалъ Гоголь со всѣхъ сторонъ услышалъ порицанія и въ печати и въ письмахъ знакомыхъ. Можно себѣ представить, какъ это больно отозвалось въ душѣ человѣка, измученнаго и тяжелою физическою болѣзнью и нравственными страданіями!

„Ради Самого Христа, писалъ онъ къ Аксакову, который тоже неодобрительно отозвался о его книгѣ,—прошу васъ теперь не изъ дружбы, но изъ милосердія, которое должно быть свойственно всякой доброй и сострадающей душѣ, изъ милосердія прошу васъ войти въ мое положеніе, потому что душа моя изныла, какъ ни крѣплюсь и ни стараюсь быть хладнокровнымъ... Можно еще вести брань съ самыми ожесточенными врагами, но храни Богъ всякаго отъ этой страшной битвы съ друзьями. Тутъ все изнемогаетъ, что ни есть въ тебѣ“.

Положеніе Гоголя было дѣйствительно страшно тяжелое. Кромѣ нападокъ на его книгу, онъ слышалъ толки о томъ, что талантъ его погибъ, что онъ отказывается отъ дѣятельности писателя, и минутами ему казалось, что это справедливо... Второй томъ „Мертвыхъ душъ“ былъ сожженъ; въ умѣ его создался планъ перестройки его заново, но ему „не писалось“, творчество не посѣщало его да и матеріаловъ для постройки у него не было. Знакомые, которые бывали у него за границей, пріѣзжали изъ Петербурга или Москвы, а не изъ захолустныхъ мѣстъ, гдѣ долженъ былъ дѣйствовать его Чичиковъ. Они разсказывали ему разные анекдоты и происшествія изъ столичной жизни, а ему не то нужно было. Онъ много разъ писалъ къ своимъ знакомымъ въ разныхъ городахъ и просилъ ихъ присылать ему подробныя описанія всего, что тамъ случается, и всѣхъ лицъ, съ которыми они входятъ въ сношенія; но его просьбы оставались безъ исполненія. Уѣзжая изъ Россіи, онъ говорилъ, что способенъ только тогда живо представлять себѣ міръ, когда удаляется отъ него, и потому можетъ писать о Россіи только въ Римѣ: тамъ „она представляется ему вся, во всей своей громадѣ“; но теперь онъ почувствовалъ, что ему не хватаетъ фактовъ, наблюденій, что ему необходимо собственными глазами видѣть то, о чемъ онъ намѣренъ писать. Онъ рѣшилъ вернуться въ Россію, но прежде хотѣлъ исполнить свое давнишнее, завѣтное намѣреніе — съѣздить въ Іерусалимъ, помолиться гробу Господню. Послѣ всѣхъ страданій, пережитыхъ за послѣдніе годы, онъ нуждался въ этомъ утѣшеніи; онъ на-

дѣялся, что въ Іерусалимѣ на него снизойдетъ благодать Божія; что онъ возстанетъ отъ св. гроба съ обновленными силами, съ бодрымъ видомъ и „освѣженнымъ возвратится къ дѣлу и труду своему на добро землѣ своей“.

Въ то время путешествіе въ Іерусалимъ соединялось съ гораздо большими трудностями и опасностями, чѣмъ теперь. Гоголь поѣхалъ на кораблѣ изъ Неаполя въ Яффу, и морская болѣзнь до того измучила его, что онъ еле живымъ высадился на берегъ. Сухопутное путешествіе черезъ знойную пустыню было тоже крайне утомительно. Гоголь пріѣхалъ въ Іерусалимъ совсѣмъ разбитымъ, и не мудрено, что не могъ испытывать того умиленія, тѣхъ восторговъ, о которыхъ мечталъ. Онъ въ такихъ яркихъ краскахъ представлялъ себѣ минуту, когда преклонитъ колѣни у св. гроба и благодать Божія осѣнитъ, очиститъ его, что дѣйствительность не могла не оказаться блѣднѣе его ожиданій. И все-таки онъ уѣхалъ изъ Палестины значительно успокоеннымъ, умиротвореннымъ. Черезъ Константинополь и Одессу онъ отправился прямо въ Малороссію и прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ съ матерью и сестрами въ Васильевкѣ. Послѣ переселенія въ Петербургъ онъ всего два-три раза былъ у себя на родинѣ, хотя постоянно переписывался съ матерью, посылалъ ей деньги и подарки, заботился объ образованіи сестеръ и двухъ изъ нихъ помѣстилъ въ институтъ.

Теперь, очутившись снова въ родномъ углу, онъ принялся тамъ за работу и обыкновенно утромъ просиживалъ нѣсколько часовъ у своего письмен-

наго стола, большую же часть времени проводилъ или съ матерью или въ полѣ, въ саду. Онъ рисовалъ планъ новаго дома въ Васильевкѣ, такъ какъ старый уже разваливался; составлялъ узоры для ковровъ, которые ткали крѣпостныя мастерицы; сажалъ деревья въ саду, вникалъ во всѣ мелочи хозяйства, знакомился съ крестьянами, разговаривалъ съ ними, обо всемъ разспрашивалъ ихъ.

Старый господскій домъ въ Васильевкѣ. Рис. Гоголя.

Къ осени Гоголь уѣхалъ въ Москву. Семейство Аксаковыхъ и весь ихъ кружокъ приняли его съ прежнимъ дружелюбіемъ. Недоразумѣнія, вызванныя „Избранными мѣстами изъ переписки", были забыты и онъ опять сталъ своимъ человѣкомъ у Аксаковыхъ. Онъ рѣшилъ не ѣздить больше за границу и окончательно поселился въ Москвѣ, только на лѣто ѣздилъ въ деревню да нѣсколько холодныхъ зимнихъ мѣсяцевъ провелъ въ Одессѣ. Гоголь избѣгалъ многолюдныхъ собраній, въ обществѣ бывалъ обыкновенно угрюмъ и молчаливъ, но въ кругу

близкихъ людей къ нему порой возвращалась его прежняя веселость и остроуміе. Работа его шла повидимому гораздо успѣшнѣе, чѣмъ до поѣздки въ Іерусалимъ, и новая переработка второго тома „Мертвыхъ душъ“ подвигалась къ концу.

Осенью 1849 года Гоголь гостилъ въ подмосковной деревнѣ у Аксакова.

„18-го числа вечеромъ, разсказываетъ Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ, — Гоголь, сидя на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ, вдругъ сказалъ:

— Да не прочесть ли намъ главу „Мертвыхъ душъ“?

Сынъ мой Константинъ даже всталъ, чтобы принести ихъ съ верху, изъ своей библіотеки, но Гоголь удержалъ его за рукавъ и сказалъ:

— Нѣтъ, я ужъ вамъ прочту изъ второго.

И съ этими словами вытащилъ изъ своего огромнаго кармана большую тетрадь. Не могу выразить, что сдѣлалось со всѣми нами. Я былъ совершенно уничтоженъ. Не радость, а страхъ, что я услышу что-нибудь недостойное прежняго Гоголя, такъ смутилъ меня, что я совсѣмъ растерялся. Гоголь былъ самъ сконфуженъ! Ту же минуту всѣ мы придвинулись къ столу, и Гоголь прочелъ 1-ую главу второго дома „Мертвыхъ душъ“. Съ первыхъ страницъ я увидѣлъ, что талантъ Гоголя не погибъ, и пришелъ въ совершенный восторгъ. Чтеніе продолжалось часъ съ четвертью. Гоголь нѣсколько усталъ и, осыпаемый нашими искренними и радостными привѣтствіями, скоро ушелъ наверхъ, въ свою комнату, потому что прошелъ часъ, въ который онъ обыкновенно ложился спать, т. е. 11 часовъ“.

Въ теченіе зимы онъ прочелъ Аксаковымъ вторую, третью и четвертую главы, которыя точно такъ же, какъ первая, привели ихъ въ восторгъ. На ихъ просьбу читать дальше, Гоголь отвѣчалъ, что остальныя главы, хотя написаны вчернѣ, но еще не отдѣланы. Надъ этой отдѣлкой онъ и работалъ, и въ то же время много читалъ, особенно такихъ сочиненій въ которыхъ описывалась Россія и какія-либо стороны русской жизни.

Чѣмъ болѣе исправлялъ и передѣлывалъ Гоголь свои черновики, тѣмъ болѣе несовершенствъ находилъ онъ въ нихъ. Около него не было дружеской руки Пушкина, которая указала бы ему, когда всѣ поправки становятся излишними; не было властнаго слова уважаемаго учителя, которое сказало бы ему

— Это хорошо, это должно быть напечатано!

И на него часто находили минуты полнаго недовольства собой, полнаго отчаянья, когда ему казалось, что все его произведеніе никуда не годится.

Зиму 1851—52 года Гоголь чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ, жаловался на слабость, на разстройство нервовъ, на припадки тоски; но никто изъ знакомыхъ не придавалъ этому значенія: всѣ знали что онъ мнителенъ, и привыкли къ его жалобамъ на разныя болѣзни. Въ кругу близкихъ пріятелей онъ бывалъ попрежнему иногда веселъ и шутливъ охотно читалъ свои и чужія произведенія, съ наслажденіемъ слушалъ пѣніе малорусскихъ пѣсенъ и иногда самъ напѣвалъ ихъ своимъ, какъ онъ самъ называлъ, „козлинымъ“ голосомъ.

Между тѣмъ болѣзненные припадки усиливались его снова охватилъ тотъ мучительный „страхъ смерти“

который онъ не разъ испытывалъ и раньше. На масленой онъ началъ говѣть и прекратилъ всѣ свои литературныя занятія. Онъ не ѣлъ ничего, кромѣ, просфоры, и всѣ ночи проводилъ въ молитвѣ; знакомые видѣли, что онъ сильно похудѣлъ и поблѣднѣлъ; но при нихъ онъ казался совершенно спокойнымъ. Священникъ, исповѣдавшій и причастившій его, замѣтилъ, что онъ очень слабъ, еле держится на ногахъ. Мысль о близкой смерти не покидада его.

Второй томъ „Мертвыхъ душъ" былъ уже готовъ къ печати, и онъ хотѣлъ оставить его друзьямъ на память. Онъ пригласилъ къ себѣ графа А. П. Толстого, въ домѣ котораго жилъ, и просилъ его взять рукопись и послѣ его смерти показать одному духовному лицу, которое должно было рѣшить, что слѣдуетъ печатать. Графъ Толстой отказался взять рукопись: онъ старался ободрить больного, говорилъ, что его положеніе вовсе не опасно, что онъ, вѣроятно, скоро выздоровѣетъ и тогда самъ распорядится своимъ произведеніемъ.

Гоголь остался одинъ. Ночью страхъ смерти, страхъ отвѣта передъ Грознымъ Судіею снова овладѣлъ имъ. Его произведеніе представилось ему, — какъ часто представлялось и раньше, — долгомъ, возложеннымъ на него Создателемъ, одарившимъ его талантомъ. Ужасъ охватилъ его при мысли, что долгъ этотъ выполненъ не такъ, какъ слѣдуетъ, что писаніе его, вмѣсто приготовленія людей къ жизни вѣчной, окажетъ на нихъ дурное вліяніе. Долго со слезами молился онъ и въ три часа разбудилъ слугу своего, велѣлъ ему открыть трубу въ каминѣ, взялъ связку бумагъ и положилъ ее въ каминъ.

Слуга бросился передъ нимъ на колѣни и умолялъ его не жечь бумагъ.

— Уже какъ выздоровѣете, сами пожалѣете убѣждалъ онъ его.

— Не твое дѣло! упавшимъ голосомъ отвѣтилъ ему Гоголь и зажегъ бумаги.

Онѣ вспыхнули и затлѣлись. Гоголь сидѣлъ около камина и ворочалъ ихъ щипцами, не давая имъ погаснуть. При этомъ онъ все время крестился и молился.

Когда бумаги превратились въ пепелъ, онъ оглянулся и увидѣлъ слугу своего, который стоялъ за его спиной и горько плакалъ.

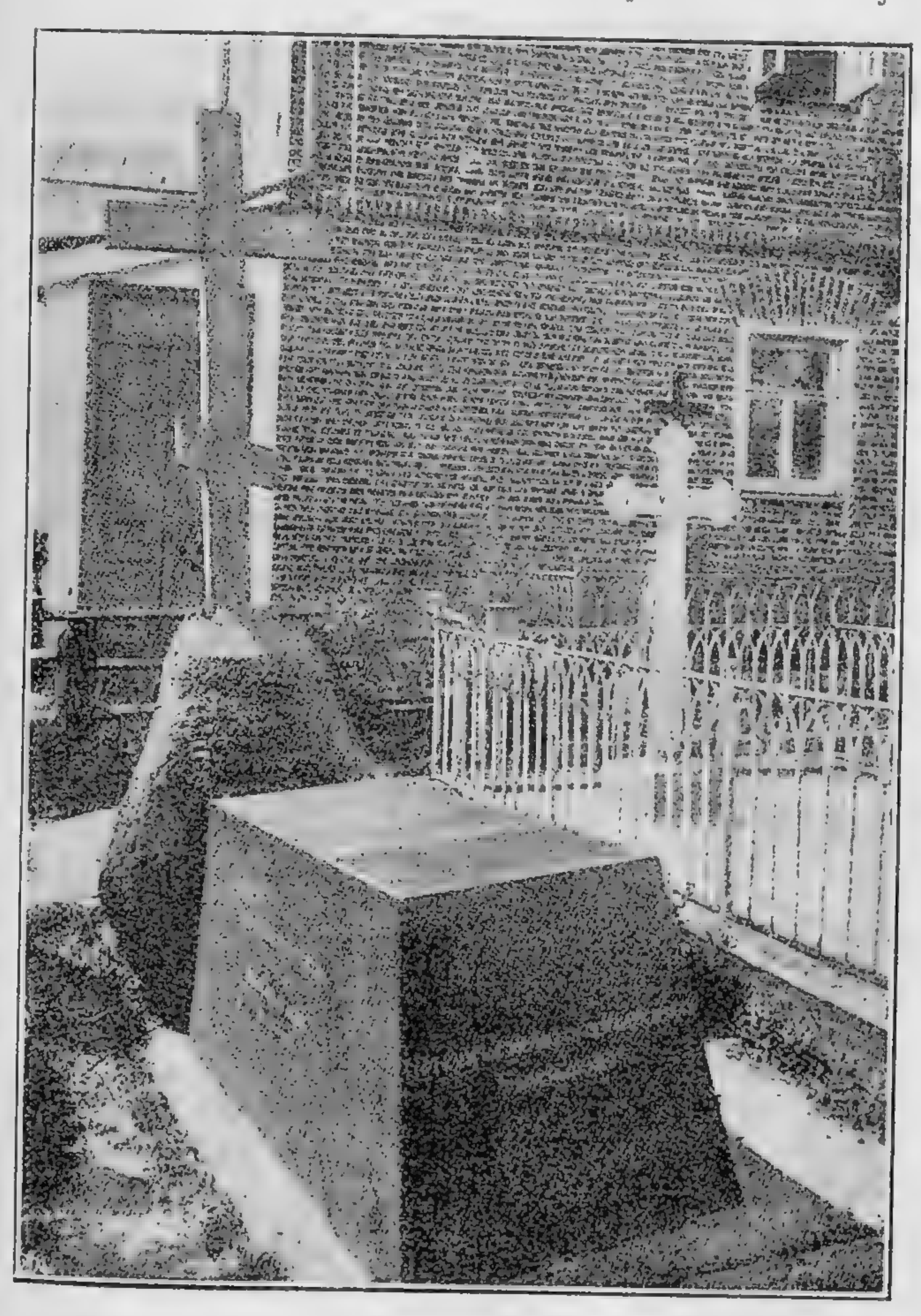
— Тебѣ жаль меня? спросилъ Гоголь. Онъ обнялъ своего вѣрнаго Акима и самъ заплакалъ.

Такъ погибло произведеніе, которое великій писатель создавалъ такъ долго, съ такою любовью. Судя по отзывамъ людей, слышавшихъ чтеніе отдѣльныхъ главъ, оно нисколько не уступало прочимъ произведеніямъ Гоголя, напротивъ, показывало большую зрѣлость таланта. Тѣ отрывки его, которые появились въ печати послѣ его смерти, принадлежатъ къ болѣе раннимъ редакціямъ поэмы и не даютъ понятія о томъ, какой видъ она приняла послѣ окончательной обработки.

Утромъ Гоголь самъ ужаснулся того, что было сдѣлано имъ ночью, и жалѣлъ, что Толстой не взялъ у него рукописи.

Послѣ этого онъ впалъ въ мрачное уныніе, почти ничего не говорилъ, отказывался отъ всякого лѣченія, не пускалъ къ себѣ друзей и, когда они приходили, просилъ ихъ уйти, такъ какъ онъ хочетъ

спать. Такъ прошла первая недѣля поста. Въ понедѣльникъ на второй духовникъ предложилъ ему со·

Могила Гоголя на кладбищѣ Данилова монас. въ Москвѣ.

бороваться. Онъ съ радостью согласился и во время

обряда молился со слезами. Во вторникъ ему стало какъ будто лучше, но въ среду у него сдѣлался страшный нервный припадокъ, и въ четвергъ 21-го февраля онъ скончался.

Гоголь погребенъ въ Москвѣ, въ Даниловомъ монастырѣ. На надгробномъ памятникѣ его вырѣзаны слова пророка Іереміи:

„Горькимъ моимъ словомъ посмѣюся“,

Трудно придумать для его могилы лучшую надпись! Да, дѣйствительно, онъ смѣялся, смѣялся во всѣхъ своихъ произведеніяхъ; но это не былъ легкомысленный смѣхъ весельчака, для котораго ничего нѣтъ серіознаго въ жизни; это не былъ желчный смѣхъ человѣконенавистника, который съ злорадствомъ отмѣчаетъ всякій недостатокъ ближняго; это былъ по истинѣ „горькій“ смѣхъ человѣка, который, обличая слабости и пороки своихъ собратій, не перестаетъ любить ихъ, не перестаетъ сочувствовать ихъ страданіямъ, какъ бы мелочны ни казались причины этихъ страданій.

ИЗЪ АЛЬБОМА

ГОГОЛЕВСКИХЪ ТИПОВЪ

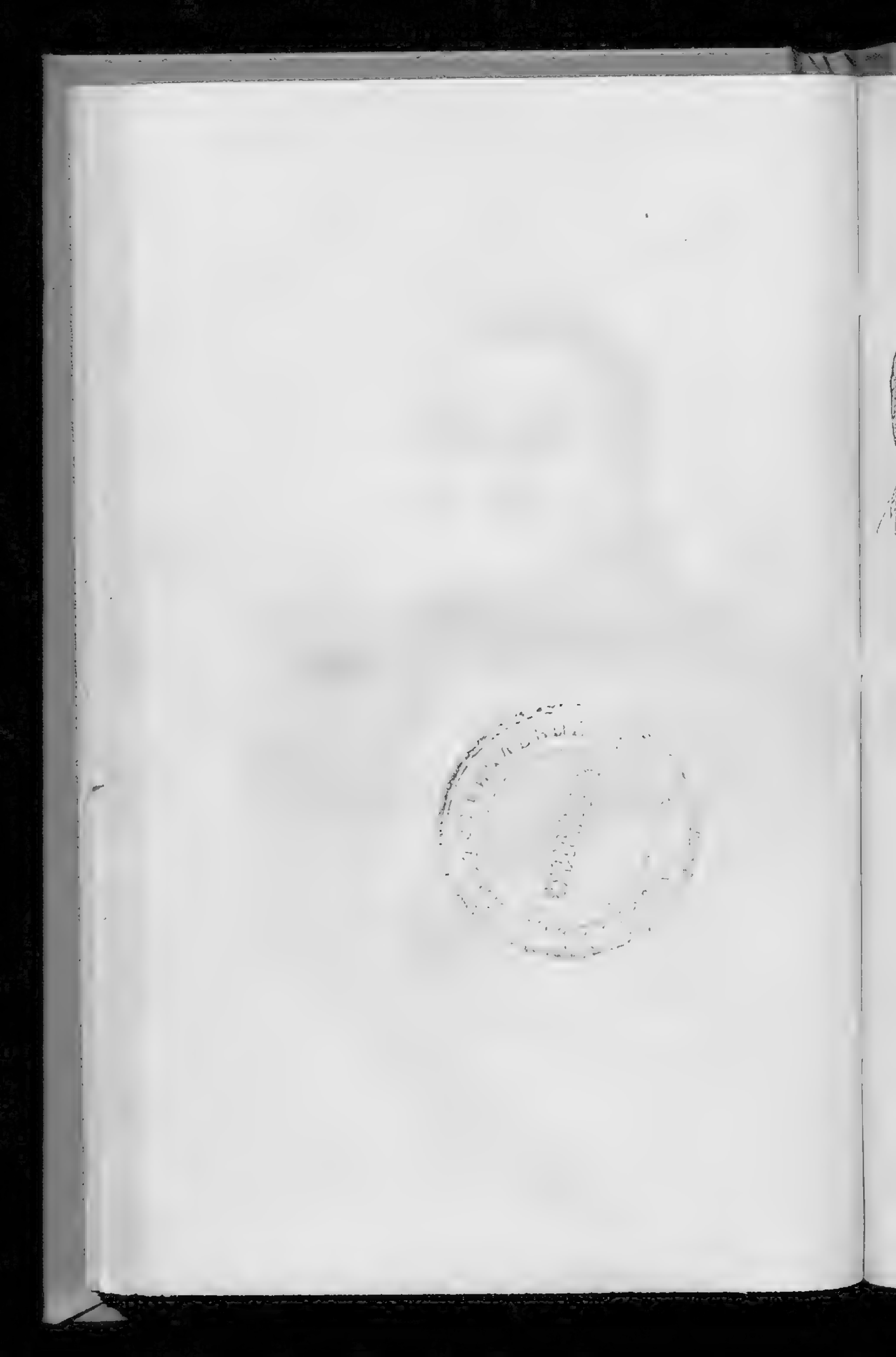
ПО РИСУНКАМЪ ХУДОЖНИКА

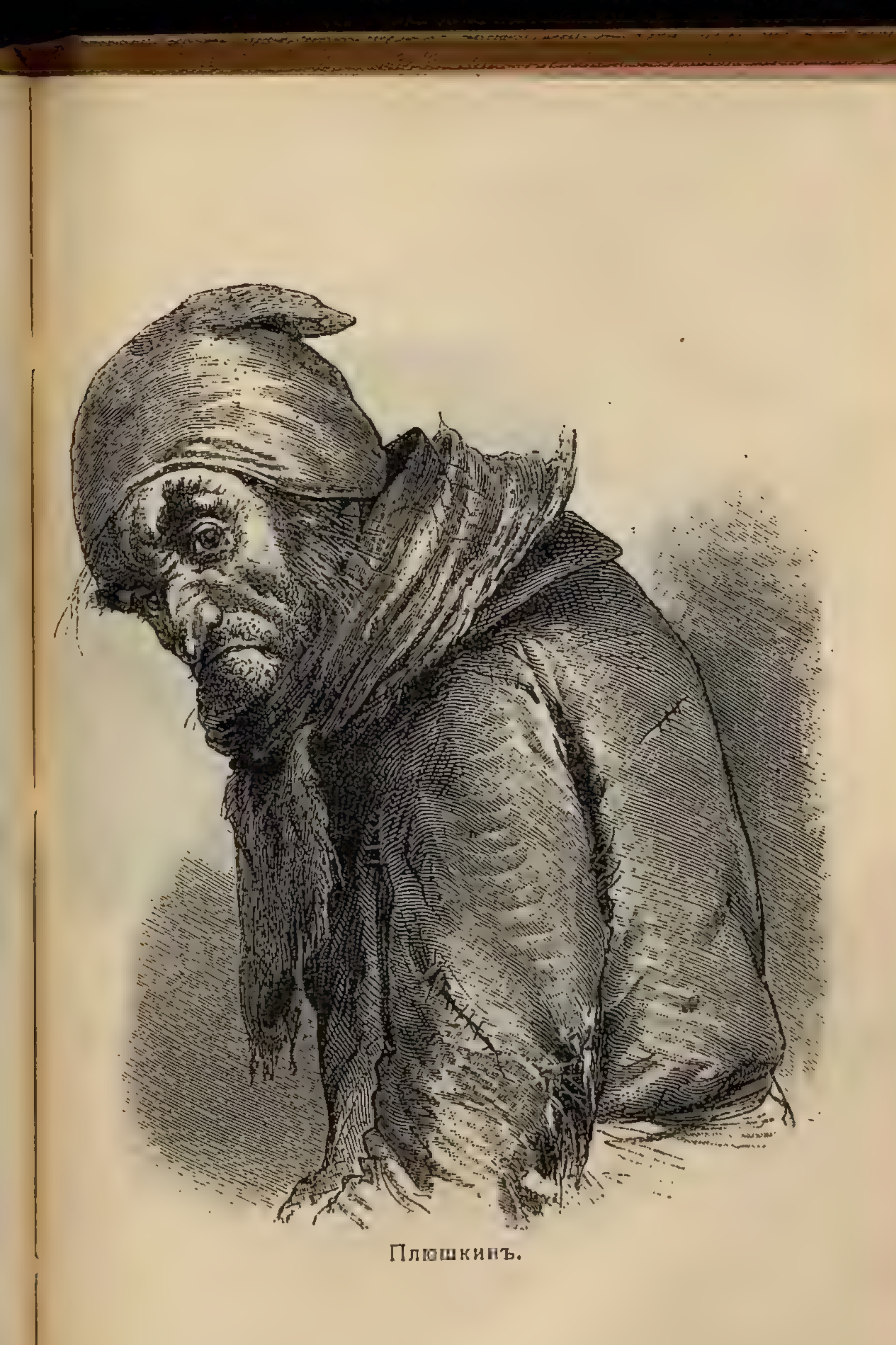
П. Боклевскаго.

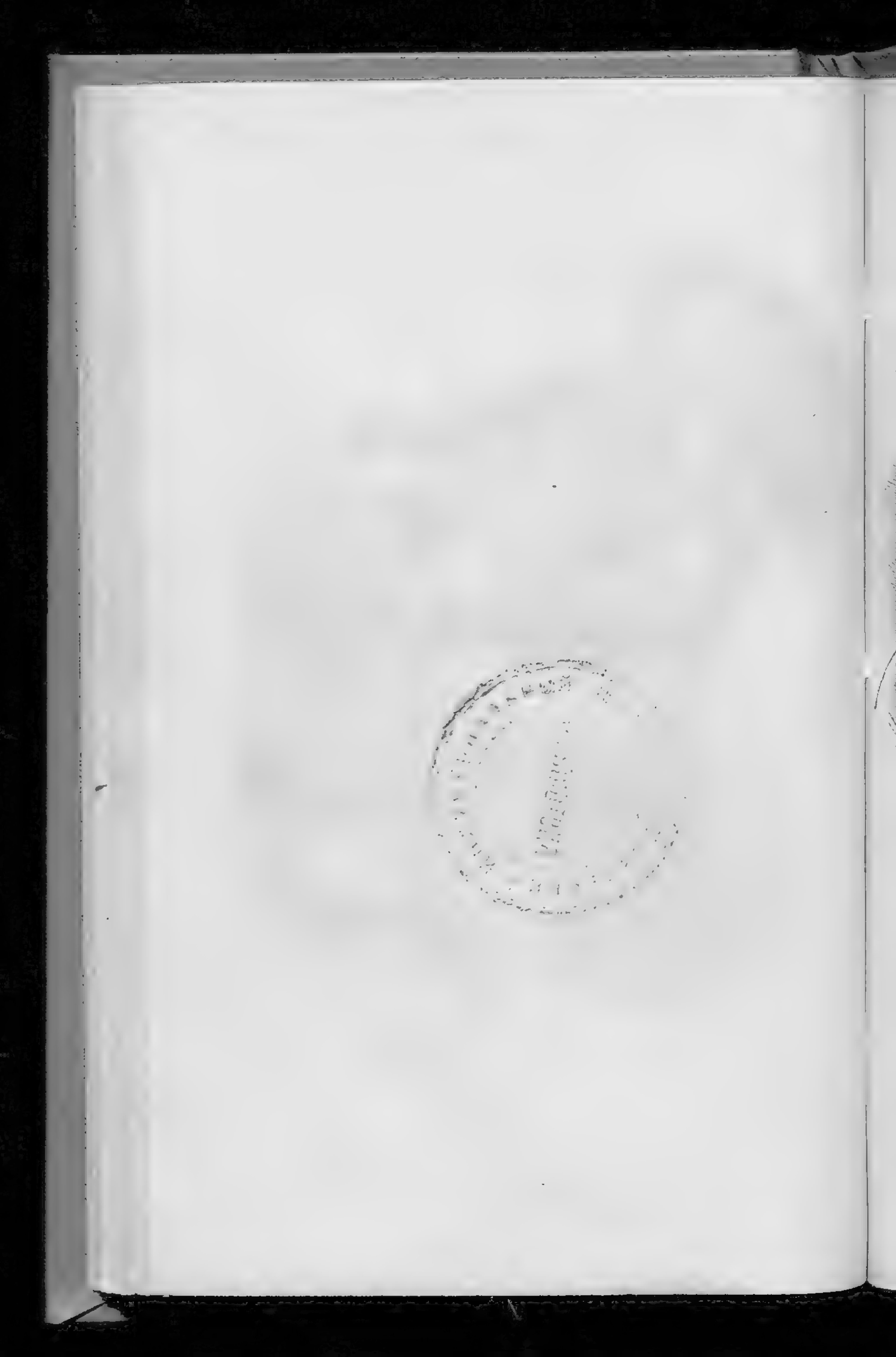

Чичиковъ.

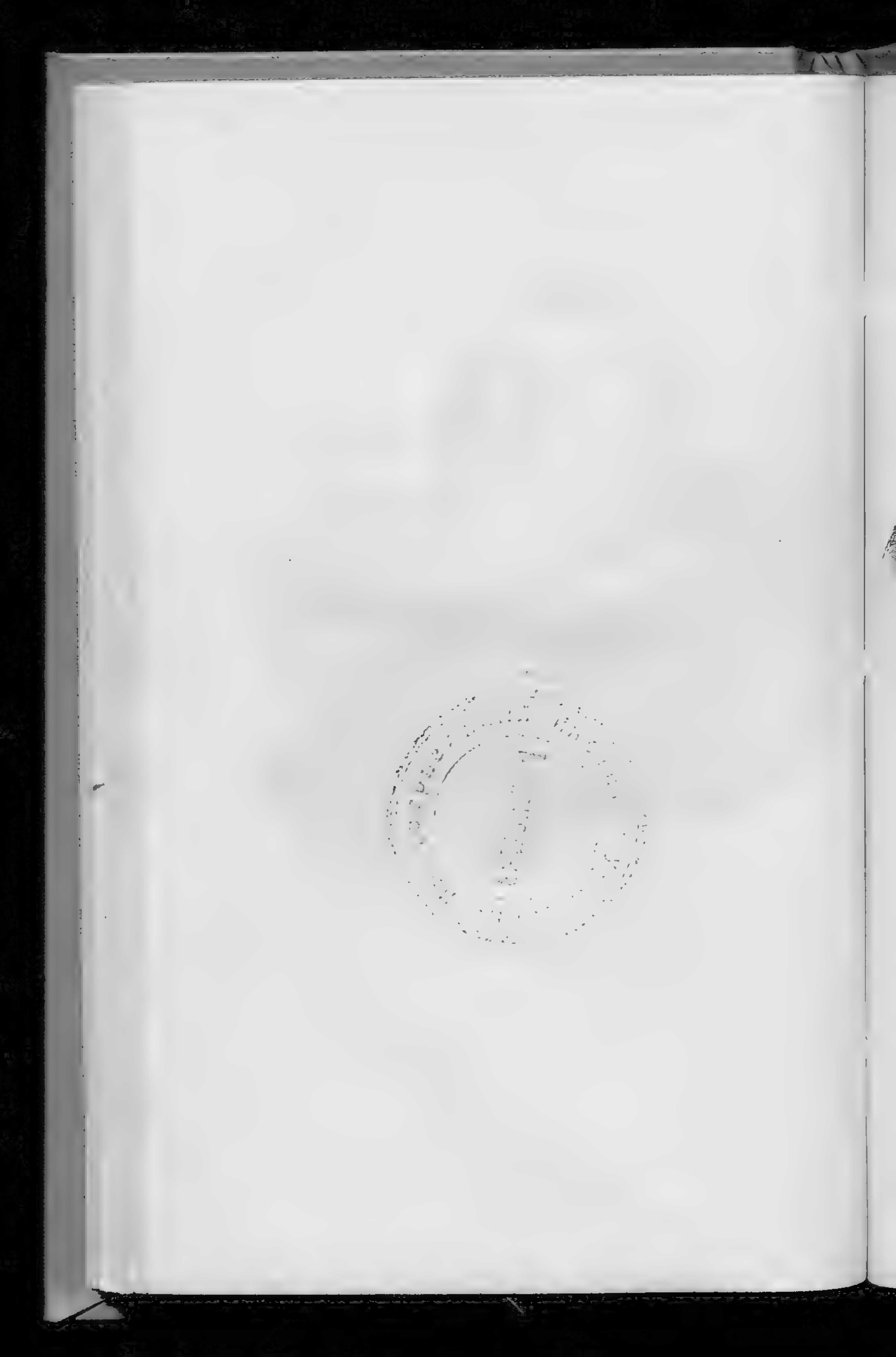

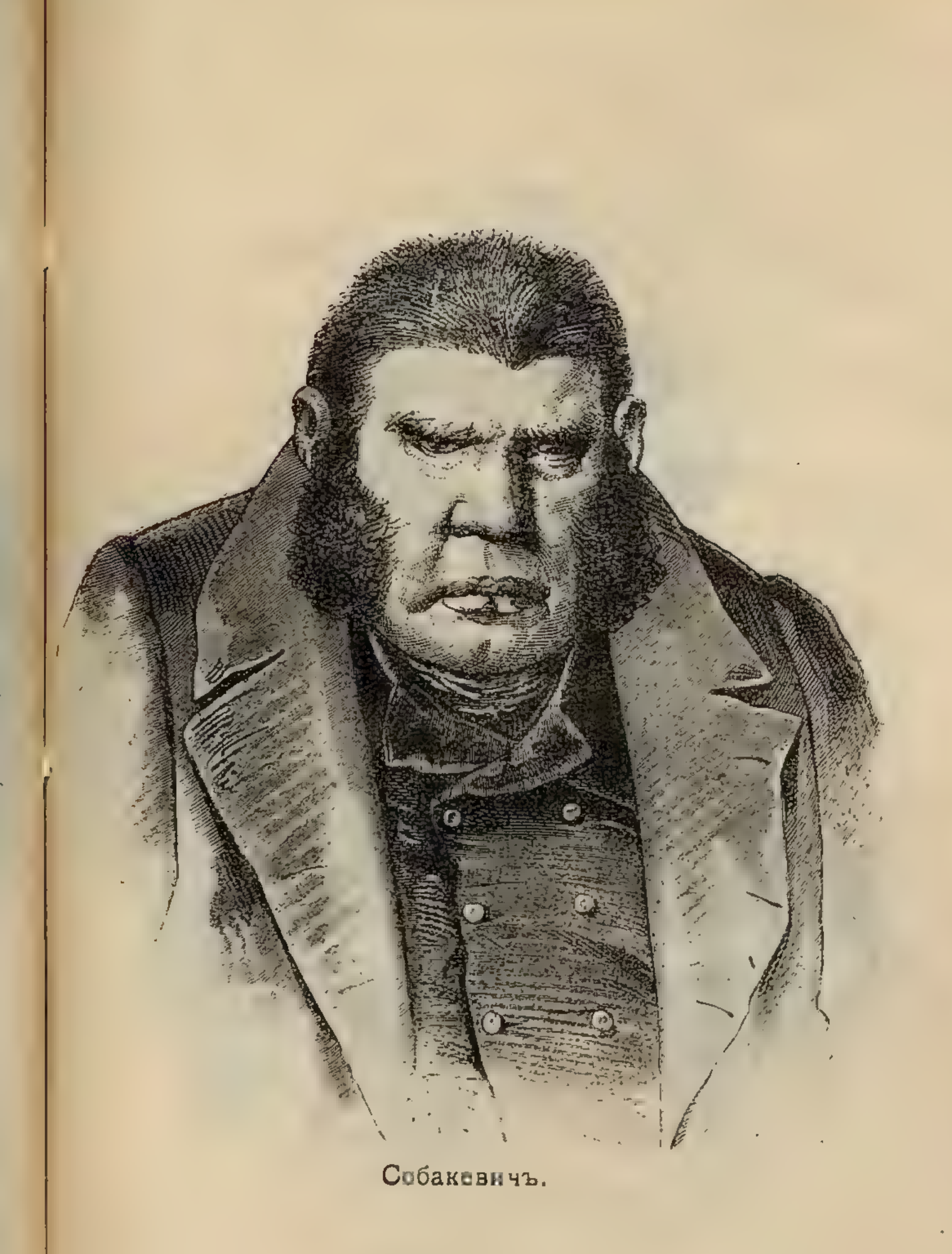
Плюшкинъ.

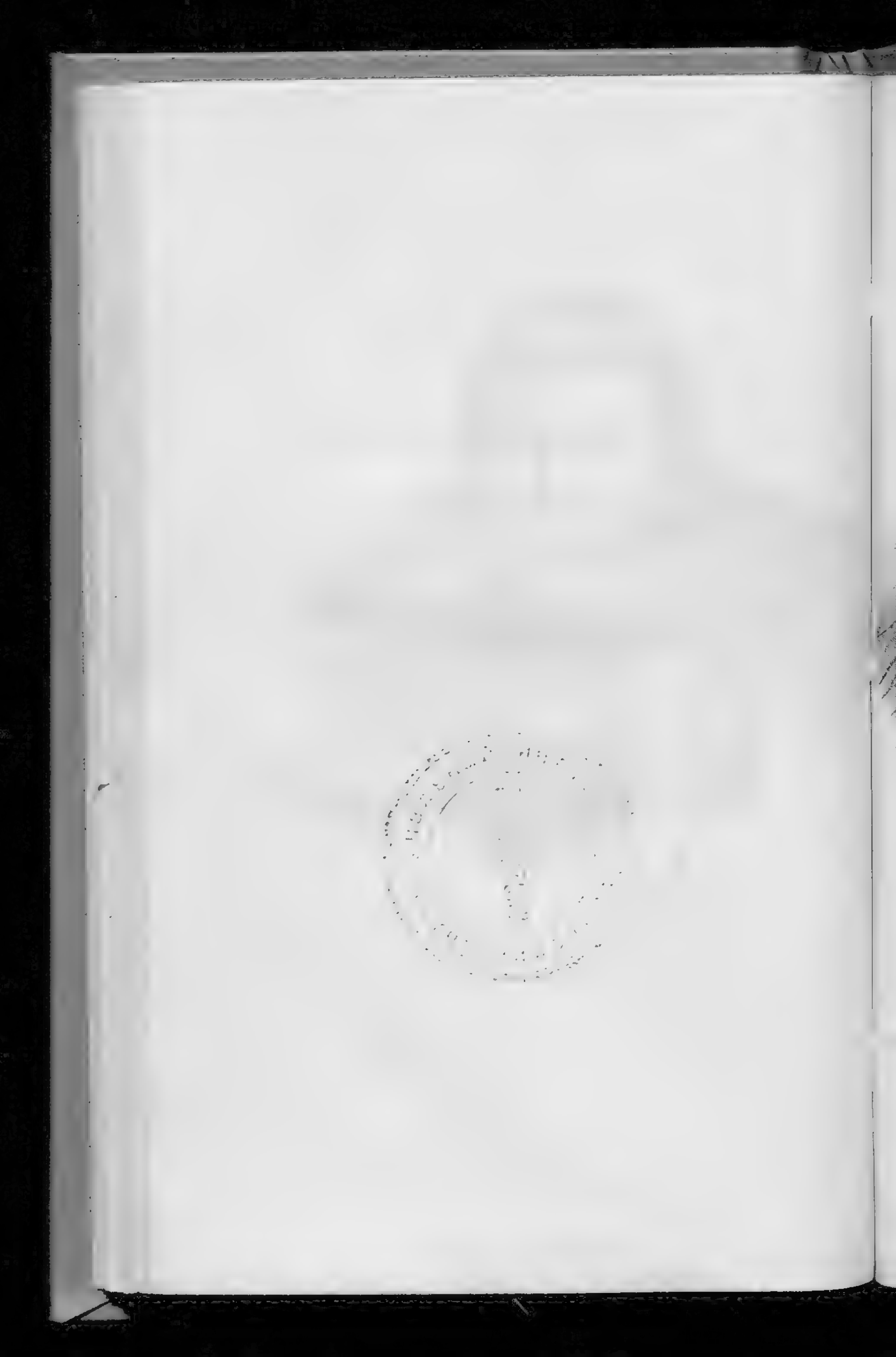

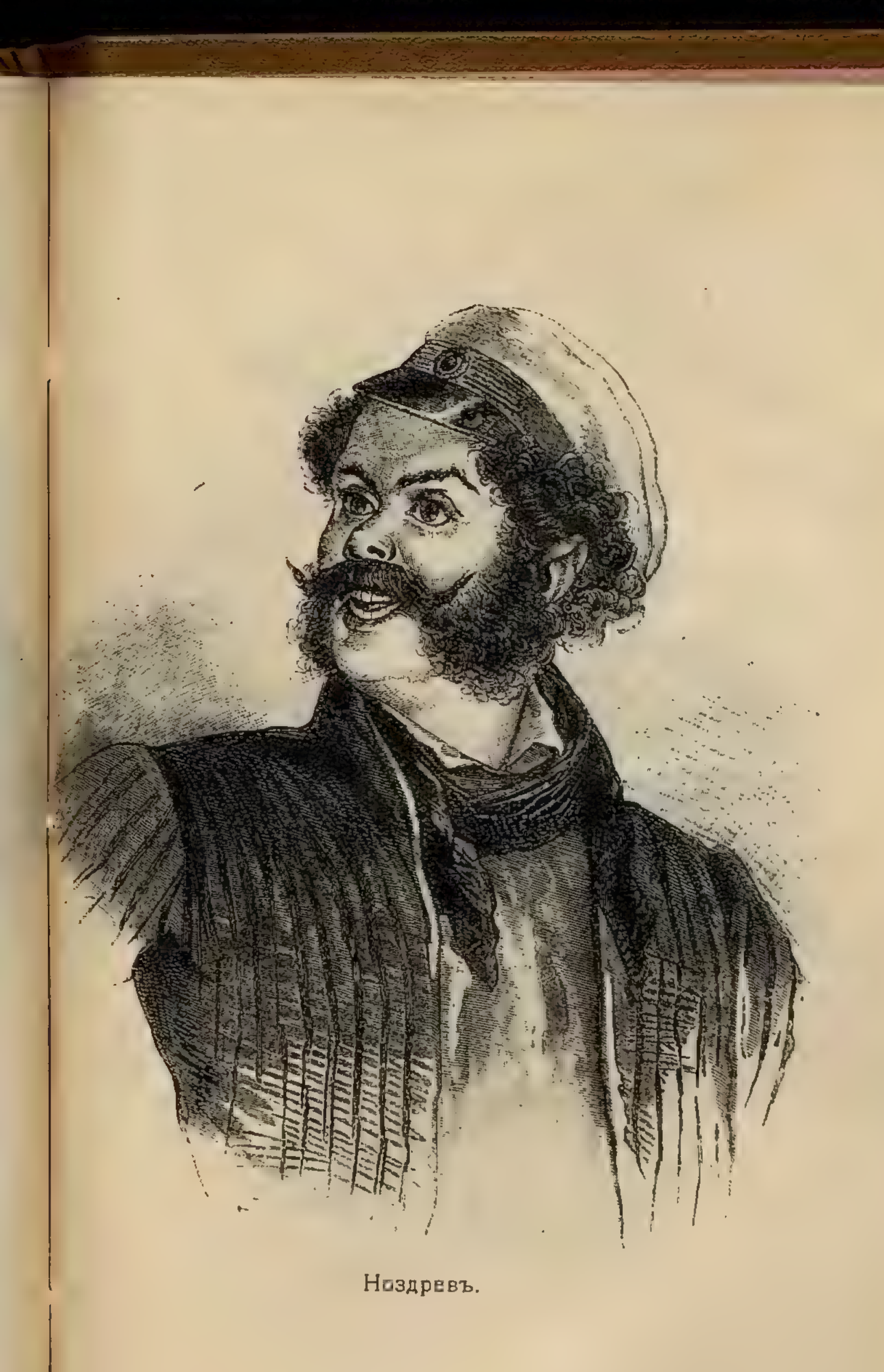
Коробочка.

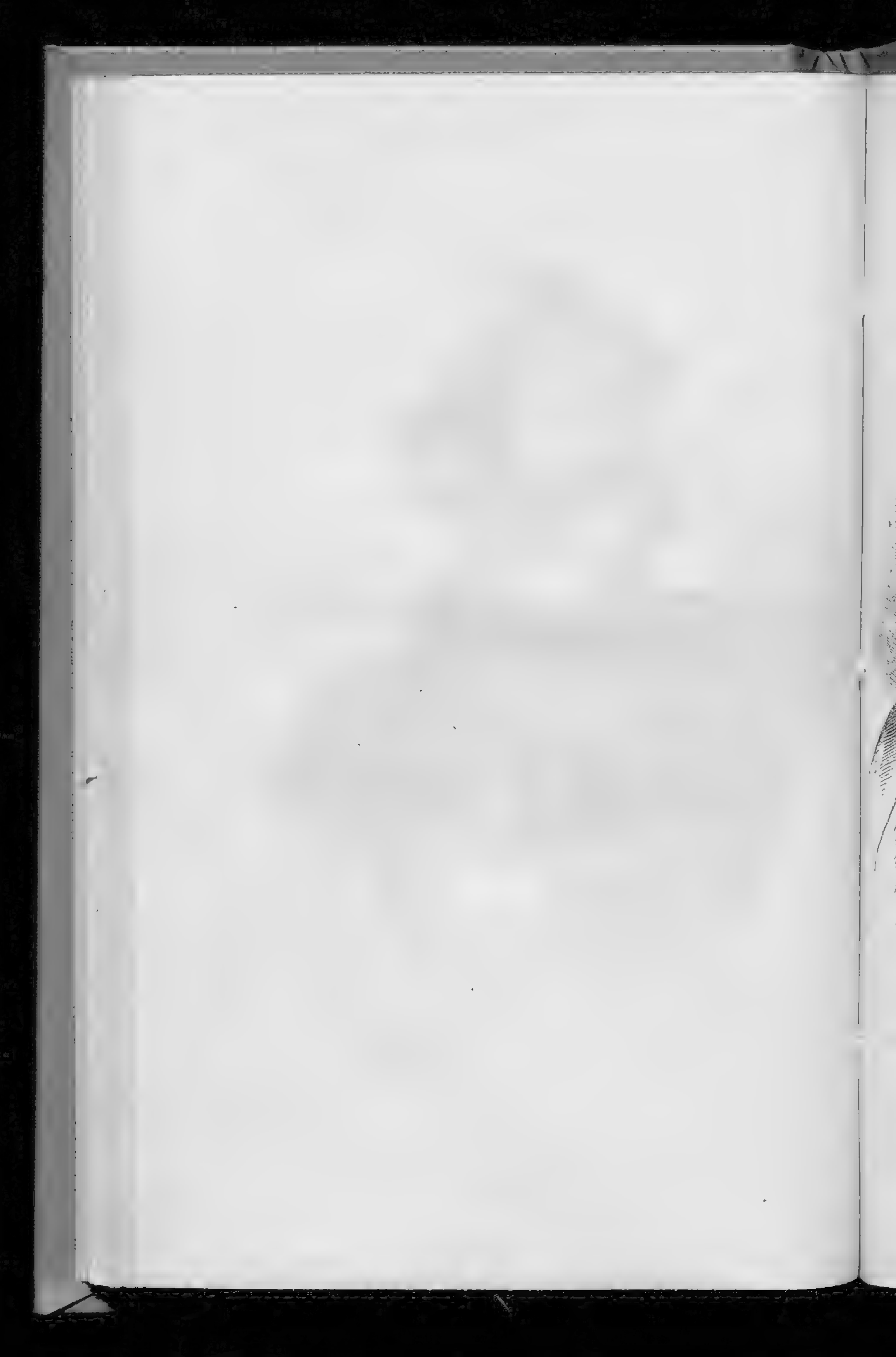

Собакевичъ.

Ноздревъ.

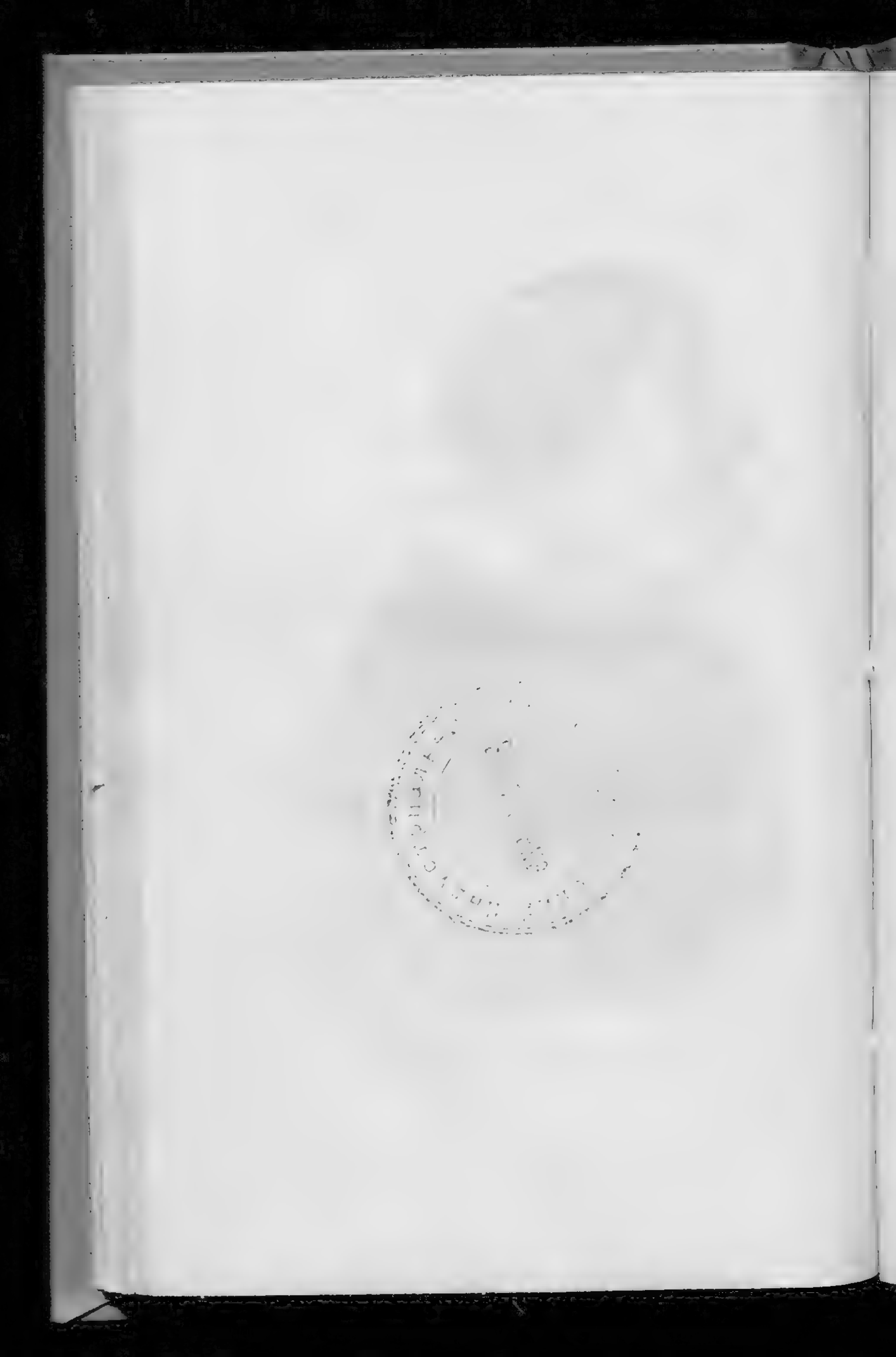

Маниловъ.

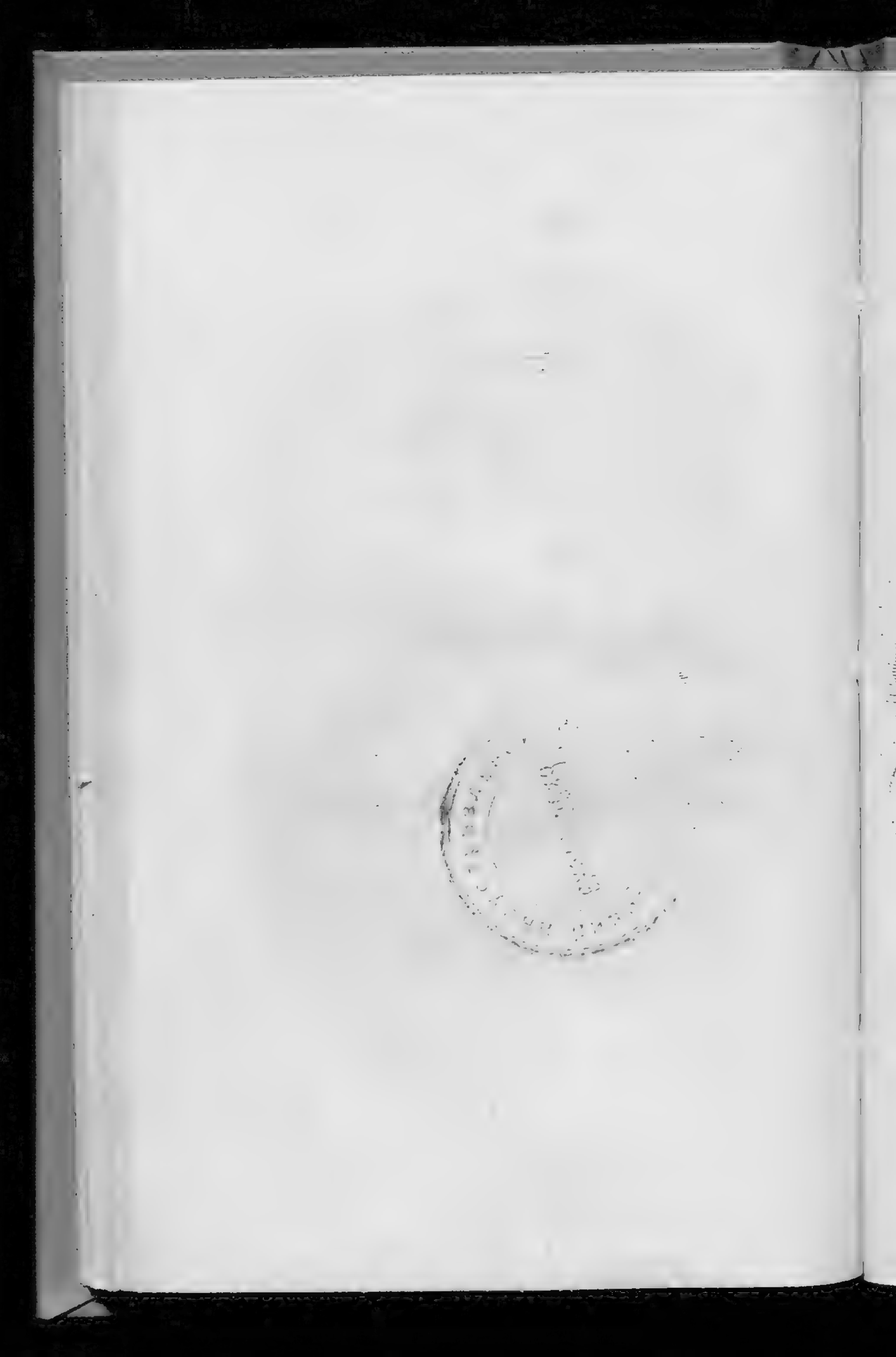

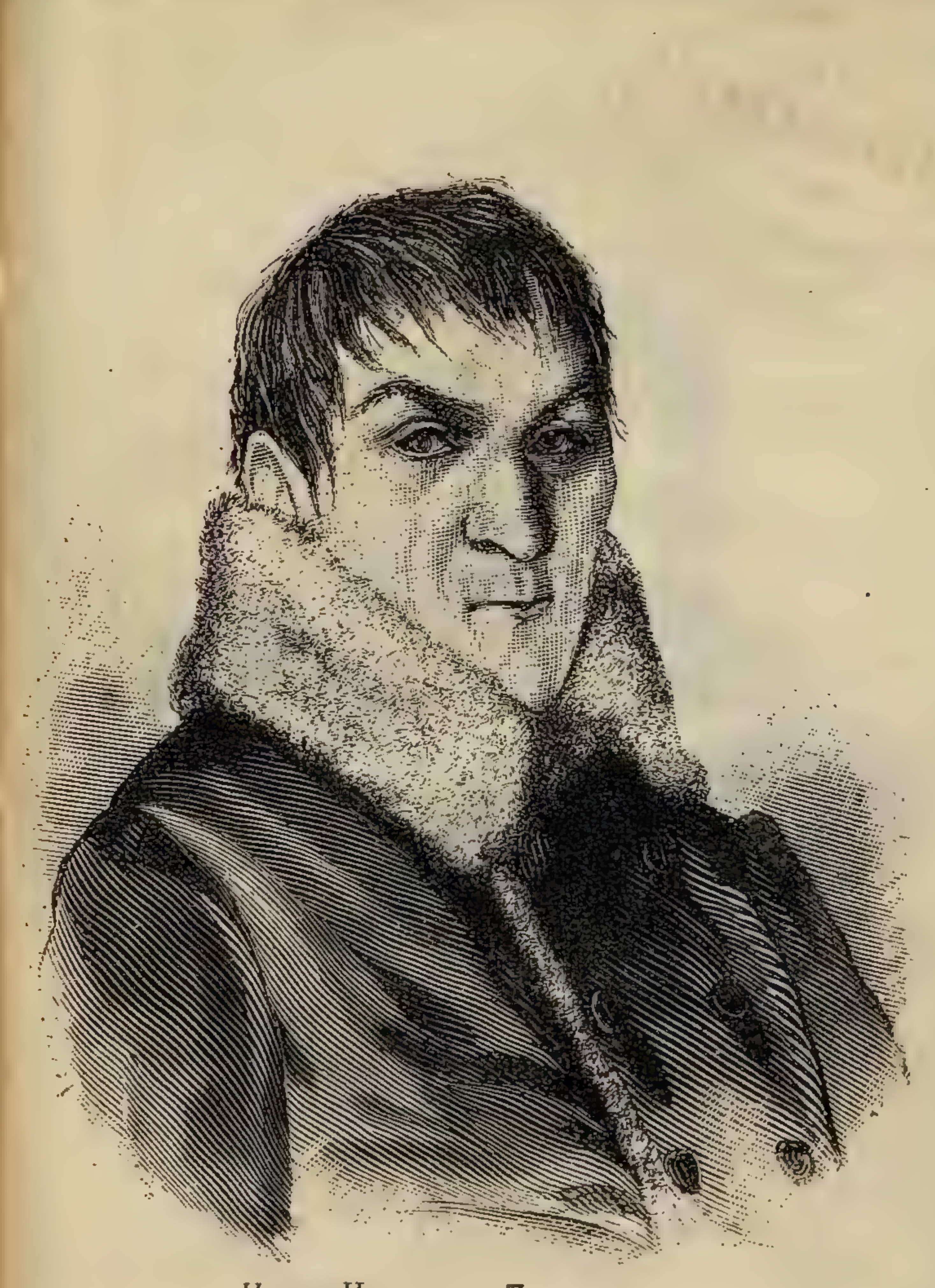
Аванасій Ивановичъ Товстогубъ.

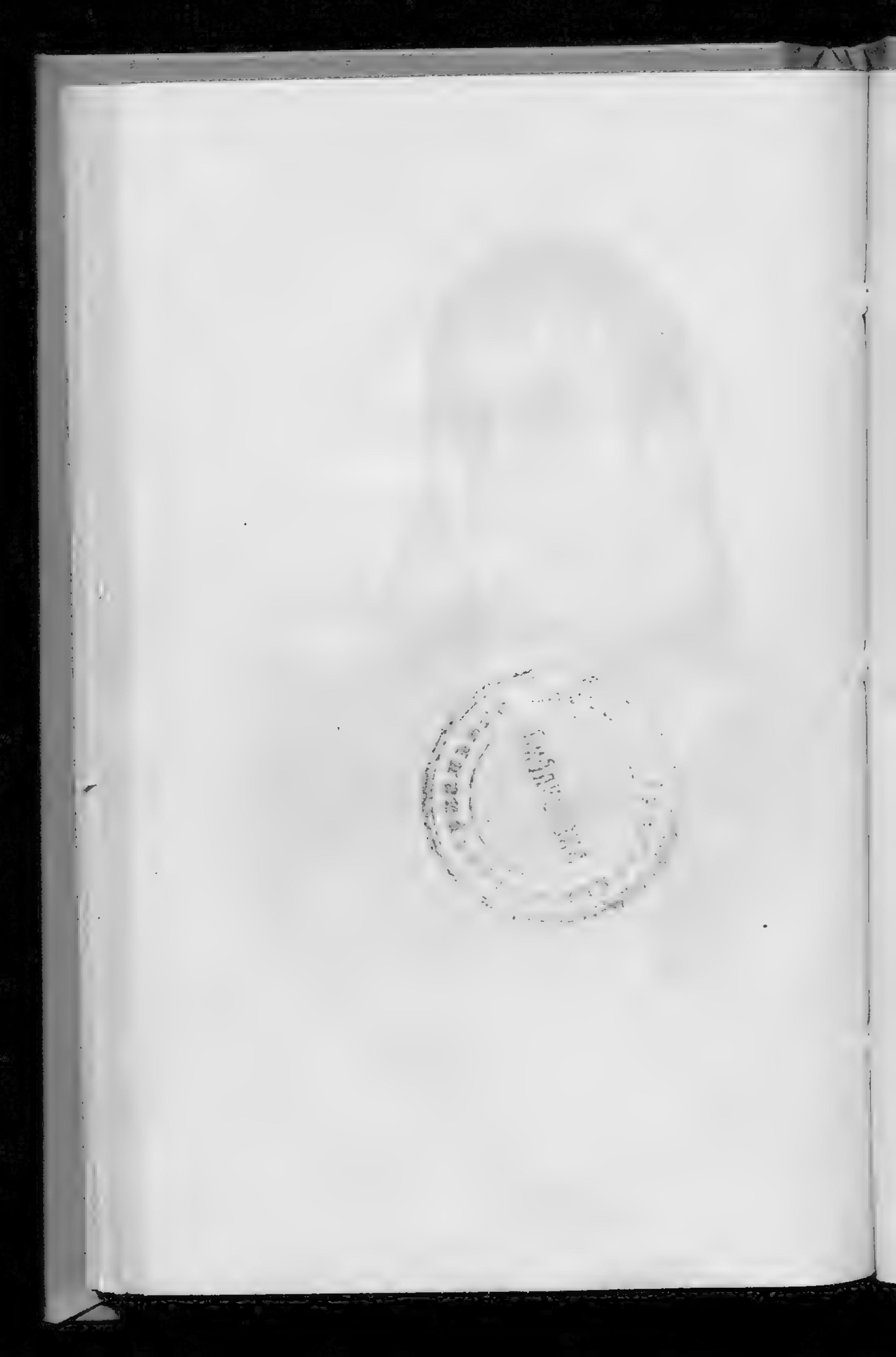

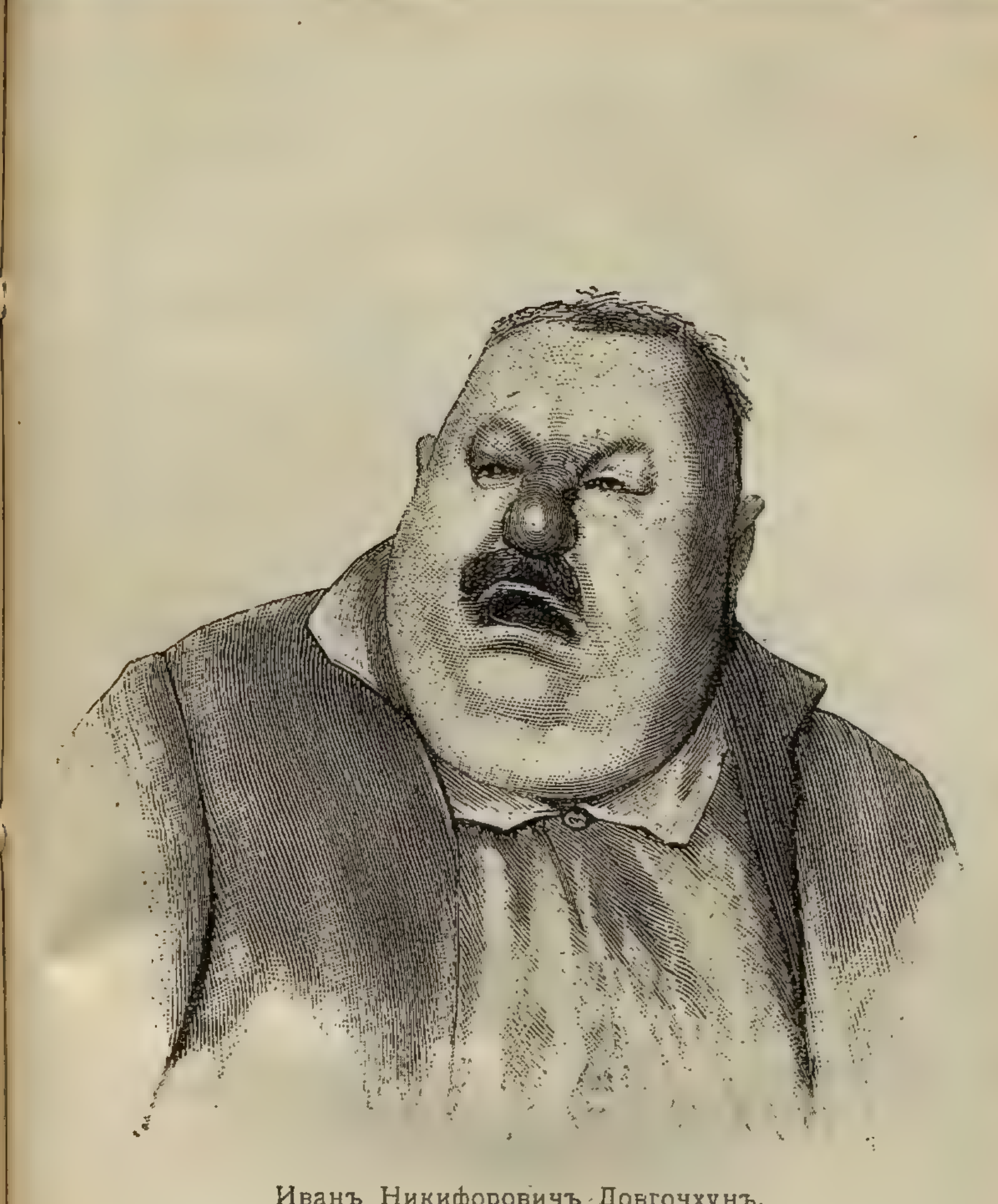
Пульхерія Ивановна Товстогубиха.

Иванъ Ивановичъ Перерепенко.

Иванъ Никифоровичъ Довгочхунъ.

Тип. Т-ва „Екатерингофское Печатное Дѣло“. Спб., Екатерингофскій пр., 10—1?

